
Александр ТЮЖИН

О ЧЕМ МОЛЧАТ ТВОИ КИТЫ

Роман

Неделя не задалась.

Алиса сказала: «Да пошел ты!» — и вышла из комнаты.

Алиса сказала: «Мы смотрим в разные стороны!» — и воткнулась в стену.

Алиса сказала: «Мне ничего от тебя не нужно!» — и собрала вещи, даже заколку, что я подарил ей час назад.

Алиса сказала: «Ты не серьезный!» — и пять минут умилялась щеночку на третьем канале.

Алиса сказала: «Я целеустремленная, а ты — нет, — и добавила: — Вызови мне такси, а то у меня полтора рубля на балансе».

Я долго смотрел, как не хотели закрываться створки лифта, а затем она уехала.

Кто такая Алиса? Алиса — дура. Теперь можно так сказать. Она уже не моя девушка. Она бывшая. Не все бывшие дуры, но Алиса именно такая.

Никогда мне не нравилось имя Алиса.

Это раз. Два:

Валера сказал: «Зайди ко мне». Я зашел.

Валера сказал: «Сядь». Я сел.

Валера сказал: «Старик, мы давно знакомы». Я кивнул.

Валера сказал: «Посетители жалуются на тебя». Я удивился.

Валера сказал: «Ты издеваешься над ними и даешь неправильные подсказки». Я ухмыльнулся.

Валера сказал: «И еще ты пьешь на рабочем месте». Я сказал: «Пиво». Валера развел руками. Я сказал: «Я больше не буду».

Валера сказал: «Ты больше не будешь, — и добавил: — Ты уволен!»

Валера — мой начальник. Мой бывший начальник. Имя Валера мне тоже никогда не нравилось. Оно женское.

Меня зовут Илья.

Доктор сказал: «У вас рак».

Три.

Ха-ха, очень смешно. Рак.

— Стоп, подождите, как рак? Это какой-то розыгрыш?

— Молодой человек, кто такими вещами шутит?

Я пожал плечами.

Александр Викторович Тюжин родился в 1985 году в Оренбурге. Окончил Оренбургское областное училище культуры в 2006 году и ВГИК в 2011 году — мастерская А. Э. Бородинского. Публиковался в журналах «День и ночь», «Современная драматургия», альманахе «Первоисточник». Входит в лонг-листы конкурсов «Астафьевский», «Свободный театр», «Евразия», участник литературного форума в Липках 2011 года.

— Злые клоуны.

Но доктор не был клоуном, он не шутил и не улыбался. Он что-то говорил, практически не шевеля губами, а я почти ничего не слышал. Я пытался осознать эти два страшных произнесенных им слова с предлогом у.

Я услышал: «Третьей стадии». Я услышал: «Шансы есть, но мало». Я услышал: «Около года». Я услышал: «Лечение». Я услышал: «Химиотерапия». Я услышал: «Случай...» и «Не нужно терять надежду».

А дальше только «уууууу» и «бам-бам-бам», как будто в клубе включили громкую музыку на всю мощность.

Вот это не задалась неделя... И сразу начали роиться мысли. Полетели, как сотни мошек на свет. Не верю! Не может быть! Только не со мной. Вы что, издеваетесь? Да не может быть, я говорю!

Мне двадцать девять лет. Какой, к черту, рак вообще? Это что, прямо в эту самую секунду во мне какие-то там чертовы клетки размножаются?

Дядя Федя умер от рака. Рака легких. В пятьдесят семь. А мне — двадцать девять. Рак желудка.

И тут же в холодный душ. В чем был, не раздеваясь. Капли с силой хлестали лицо и одежду, стекали прозрачными струями. Вода была холодная, очень холодная, но я не чувствовал этого. Я ничего не чувствовал. Словно парил в космосе, словно ничего не было вокруг, только невесомость. Я летел. Я был в космосе, а во мне эти гадкие клетки, эта жуткая опухоль, будь она трижды проклята. И я рухнул вниз, со всей силы об землю шмякнулся.

А ведь сегодня вторник. Обычный вторник, обычной недели обычного месяца. Сколько их теперь мне осталось? Не такой уж и обычный. Да нет, это всего лишь сон. Ну, конечно, как сразу не догадался? Обыкновенный сон, только не самый приятный. Нужно скорее проснуться, открыть глаза, и ничего этого не будет. Ничего этого со мною не будет. И так.

Раз! Два! Три! Открыл глаза, поднял голову. Сверху хлещет ледяная вода. Становится дико печально и холодно. Словно корабль затонул, а меня выкинуло на Северный полюс, и вот я один, в гавайской рубашке, посреди снега. И всюду только снег, и льдины, и минус шестьдесят четыре. Холодно. Брр.

Нет, это был не сон. Кошмар, да, но наяву. Что же теперь делать? Я вспомнил все фильмы и сериалы, которые видел, про рак. «Достучаться до небес», «Спешите любить», «Смерть супергероя», «Большая буква Р», «Пока не сыграл в ящик», «Жизнь прекрасна, или 50/50», «Я, Эрл и умирающая девушка», «Во все тяжкие», четыре сезона. Пятый не успел досмотреть. А вдруг не успею?

Побежал к компу, поставил на закачку. Немало сняли фильмов, но от этого не легче. Когда смотрел, думал:

- Печально, но со мною такого точно не будет.
- Вот они играют больных, а к ним самим болезнь не привяжется?
- Странно, что не снимают кино про абсолютно здоровых людей.
- Такие фильмы одинаково заканчиваются.
- Когда уже наконец придумают эффективное лекарство?
- Я бы сам не стал в таком фильме сниматься.

Не стал бы.... А я и не в фильме.

И сразу навалилась депрессия. Плотно так наслеза на плечи здоровенным слоном, потрясла своим задом, чтобы поудобнее разместиться, и хобот сверху накинула. Вдавила в диван, в общем.

Первым делом я напился. Не надо бы, но я же русский человек. А что делает русский человек, когда сталкивается с трудностями? Правильно, бежит от них куда подальше,

заливает горе адским зельем и плачется потом о том, какой он несчастный и как судьба к нему жестока. Я не исключение.

Но сперва перебрал в уме всю жизнь. Свою, разумеется. Не Майкла Дудикова. Считается же, что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами. А тут не то что пронеслась, скорее, наоборот — забуксовала:

Детство в сталинке. Детский сад «Колокольчик». Танька Арбузова с раскосыми глазами. Детство в хрущевке. Школа номер шестьдесят шесть. Анна Степановна — биологичка. Выпускной. Универ. Первый курс. Второй курс. Отчисление. Восстановился.

А дальше полный тормоз, как будто и не было ничего. Вроде и не заслужил болезнь. Не убивал, не грабил, не насиловал. Были грешки, но мелкие, как у всех. Но разве болезнь думает о справедливости?

Теперь обо всех этапах подробнее.

Детство в сталинке:

Мне три. До этого ничего не помню. Жил, как и все младенцы, одними инстинктами. Вряд ли кто-то сможет похвастаться чем-то более интересным. А тут мне три, я сижу, играю в пирамидку, по стене ползет таракан и падает вместе с куском отвалившихся бежевых обоев. Мать в бигуди и с сигаретой, дымит в форточку, пока батя засел на унитазе с бессменной газетой и такой же, как у матери, сигаретой (пачка-то одна). Соседи ругаются из-за телеканала. Их слышно даже на улице. Мать выбрасывает бычок, душит какими-то дешевыми духами с резким запахом, от которого я морщусь, чихаю и зажмуриваю нос. Таракан бежит по полу, и мать хладнокровно придавливает его дырявым тапком, из которого торчит ее длинный костлявый палец, и размазывает по линолеуму. Подняв обои, она молча качает головой.

— Вижу, — говорит появившийся в комнате отец, — сделаю этот чертов ремонт. Я же обещал. А этих рыжих надо все-таки дихлофосом потравить.

Он не сделает ремонт. Он не потравит тараканов. Он сломает ногу, будет полтора месяца лежать в гипсе. Он уйдет в запой от безделья. Он уйдет из дома, вернее, мать выгонит его.

Он переспит с тетей Катей — одноклассницей мамы — и никогда не вернется домой.

Года три назад я заходил в нашу сталинку. Обои другие, но тараканы по-прежнему бегают.

Детский сад «Колокольчик»:

В детском саду было весело, правда, недолго. На третий день во дворе я порезал ногу об осколок бутылки и потерял сознание. Испугались дети. Испугались нянечки. Испугалась пухлая повариха тетя Маня. Не испугался только дворник дядя Анзор. Он вызвал «скорую».

На «скорой» меня увезли в больницу. И хотя у меня оказалась небольшая потеря крови, чувствовал я себя ужасно, а мать так и вовсе ревела, будто я подорвался на mine и мне оторвало ногу, а не поранился об осколок и не отделался хоть и глубоким, но всего лишь порезом.

Больше в детский сад меня не водили.

Танька Арбузова с раскосыми глазами. Она жила по соседству. Странная, рыжеволосая, с большим ртом. Я ее боялся. Страшно было смотреть в ее раскосые глаза, хотя ничего страшного в них не было. Но кто-то пустил слух, что она колдунья и от одного ее взгляда можно превратиться в жабу или скунса. В жабу никто превращаться не хотел, да и в скунса тоже. Но однажды мы играли в казаков-разбойников, и я провалился в люк. Все с криком бросились врассыпную, и только Танька Арбузова, чудом оказавшаяся в кустах неподалеку, возникла надо мною в огромном и жутком

отверстии со своим раскосым взглядом, быстро оценила ситуацию и убежала за взрослыми. Через три минуты я был спасен дядей Толей — соседом с нижнего этажа — и отшлепан матерью, за «шляние там, где не надо».

— Скажи спасибо дяде Толе, — гаркнула мама.

— Спасибо, — сказал я, потирая раскрасневшуюся поясницу.

— Ее благодари, — улыбнулся дядя Толя, кивая на Таньку, — а то плавал бы щас.

И Танька посмотрела на меня долго и пристально. Я зажмурился и стал шупать себя. Нос, рот, уши. В жабу не превратился. Ни сейчас, ни после. Так я узнал, что Танька не колдунья, и перестал ее бояться, хотя и дружить с ней не решился. Пару раз, правда, угостил ее конфетами, но только когда никто не видел.

А потом мы переехали.

Детство в хрущевке. Зеленые обои.

Тараканов нет. Соседи аж в другой квартире, а не в соседней комнате. Первая денди. Рубилово в танчики, пока не лопнут в глазах сосуды. Вторая денди. Отдельные туалет и ванна. Только наши, без очередей и скандалов. Я часами просиживал в ванне, нырял, пускал кораблики и уточек, потом снова нырял и снова, пока в нос и уши не попадала вода. Кожа морщижилась и становилась прикольной на ощупь. Я гладил ее и улыбался. Мать пугала, что если я буду столько времени проводить в ванне, то кожа никогда не разгладится и я рано состарюсь. Меня это не останавливало.

Я был единственным, кто не ходил в детский сад. Мать работала на дому. Шила платья, шторы, брюки, вязала шарфы и свитеры.

На первом этаже жила тетя Тома. Тетя Тома была всегда веселая и всегда под хмельком. Часто она напивалась до отключки и засыпала возле дома на лавочке или прямо на земле.

У нее было много «ценителей ее импозантности». У матери ни одного.

Они били ее. Грабили ее. Бросали ее. Писали на нее заявления. Она не злилась. Прощала всем и умерла в сорок четыре года. Кажется, от рака печени. В тот год я пошел в школу.

Школа номер шестьдесят шесть. Я не суеверный, но все же это был не лучший вариант для учебы. Обшарпанные стены. Отваливающаяся штукатурка в спортзале. В первый же день собрали деньги на новые обои. Белые, с нелепым узором.

Парней из восьмого «Г» боялась вся школа. Второгодки, подростки из сложных семей, хулиганы — каждый второй состоял на учете в детской комнате милиции. Все с облегчением выдохнули, когда они окончили девятый класс и, отметив выпускной, разлетелись по улицам и подворотням нашего города.

Я сидел с толстым Ваней, каждый урок он доставал из рюкзака пирожные, бутерброды или пирожки, делал вид, что уронил ручку, и ел их под партой. Он был намного больше меня, я даже не мог его поколотить. Однажды я демонстративно встал и объявил всем: «А Ваня жрет, смотрите!» После чего отодвинул парту. Ваня злобно смотрел в мою сторону и грозил кулаком, доедая увесистую котлету. Но классная ополчилась на меня, утверждая, что воспитанные мальчики так себя не ведут, что, конечно, это нехорошо, но Ваня гораздо крупнее меня, а значит, ему нужно чаще и больше есть, что я совершенно нетерпим к недостаткам других и, следовательно, сам ничем не лучше, что я буду сидеть с ним до тех пор, пока не научусь быть терпимым, что я — ябеда, а ябед никто не любит, что лучше бы я в учебе был таким дотошным, а то с двоек на тройки перебиваюсь, и это в первом-то классе.

Я ненавидел Ваню. К счастью, весной он с родителями переехал в Пермь.

Ну и за что мне это все? Третья стадия. Да за мое терпение мне, как минимум, десять бонусов от кармы полагается. Если не двадцать.

Анна Степановна — биологичка. С учителями как-то не очень везло. Пожилые. Сварливые. Строгие. Скучные. Надменные. Учиться было неинтересно во многом благодаря их заслугам. Им было по барабану на нас. Нам было по барабану на князя Игоря и синус гипотенузы. Помню, одна была вообще нереальным монстром, и фамилия соответствовала — Колотовкина. Она орала на учеников, передразнивала их, называла тупыми, тормозами, бакланами. Как-то раз она поставила мне кол, и в дневнике стояло «кол Кол» с небольшим хвостиком. Не могла получше подпись придумать, что ли?

А потом пришла Анна Степановна — настоящий огонь. Жгучая брюнетка, смуглая, с восточными корнями, в теле, но не крупная, очень женственная и с невероятными, выразительными... глазами. И еще родинка над губой. Эта родинка не давала мне покоя. Постоянно думал о ней и ни о чем кроме. Ни на один урок я не бежал так, как на биологию. Я приходил самым первым. Я прилизывал волосы. Я повторял домашнее задание. Я тянул руку выше всех. Я писал ей записки со стишками. Но никогда не отправлял.

Неудивительно, что на ее уроках была лучшая успеваемость. Девчонки только вортили носы, но понятно было, что завидовали.

И неудивительно, что она быстро выскочила замуж, так же быстро ушла в декрет и больше не вернулась, по крайней мере в нашу чертову школу.

Вместо нее пришел усатый биолог. Настоящий ботаник. Мы звали его Макс и засовывали ему в сапоги снег, клали на стул кнопки, прятали мел и делали еще много чего нехорошего, входящего в список классических школьных приколов и пакостей. Успеваемость, разумеется, резко снизилась.

Я потом еще долго не мог забыть эту родинку и встречался исключительно с девушками, у которых была подобная или хотя бы какая-нибудь мушка на лице.

Выпускной. Пьяная Светка. Пьяная Дашка. Пьяная Катька. Пьяная Надежда Валентиновна — классуха. Пьяненький Андрей Васильевич — директор. Пьяные родители. Пьяные выпускники. Все были пьяные. И я не исключение.

Ничего особенного. Танцы, клятвы в вечной дружбе, неожиданные признания и откровения в адрес друг друга, поцелуи за лестницей, кто-то в обнимку с Катькой, кто-то в обнимку с унитазом, родители, умоляющие поучаствовать в конкурсах. Антоха и Вика закрылись в классе на четвертом этаже. Красавчики. Леха и гитара — неразлучная пара. «Моя девушка», как он ее называл. Реальной-то не было. Играть потому что надо было нормальные песни, а не бесконечную «Я — солдат». Напророчил, кстати, и с первого курса его отчислили, и пошел разгуливать по плацу. Я и Ланка тоже спрятались под лестницей, но не успели даже толком поцеловаться. Подняли крик. Вася перебрал, и его стало рвать прямо на пол в спортзале. Он был бледный, как мышь, хотя и улыбался, когда его увозили на «скорой».

Все как-то резко протрезвели. Родители вспомнили, что они взрослые, отобрали весь запас топлива, кое-что, правда, удалось спрятать, стали капать на мозг, что быть взрослыми — это прежде всего ответственность, а не возможность напиться безнаказанно. Учителя в последний раз давали наставления, что нужно всегда тянуться к знаниям, даже на пенсии, потому что «знания — это свет», называли нас балбесами, но уже без злобы, а даже как-то с грустью. Мы хоть и самый худший класс, что когда-либо у них был, но остальные-то еще хуже.

Потом все поперлись встречать рассвет. И вроде романтика, но нас с Ланкой так и не потянуло друг к другу. У нее была слишком маленькая мушка, еле заметная, да и светлые волосы мне никогда не нравились. А я, видимо, не особо тянул на роль долгожданного принца.

Универ. В универ я не поступил. Подал документы на юрфак, затем на журфак. В итоге — даже близко не первый в списке. В армию идти не хотелось. Пошел в училище культуры. Хоть какая-никакая, а отсрочка. Мальчиков на режиссерском не хватало. Меня взяли даже с моим уровнем. Я читал стихотворение Тютчева. Я читал басню Крылова. Я пел про «Ой мороз, мороз» и «Катюшу».

Я танцевал вальс с какой-то коротко стриженной студенткой, сидевшей на вступительных, но мы двигались по-разному. Абсолютно вразнобой. Она смотрела на меня как на умственно отсталого. Я на нее — как на звезду погорелого театра.

Я честно сознался, что не очень люблю театр, но больше никуда не поступил, а в армию идти не хочется.

Мастера звали Александр Сергеевич. Или Сергеич, как все потом называли. Он поблагодарил за честность. Он сказал: вы приняты. В вас есть что-то живое, настоящее, аутентичное. Я подумал, что он обозвал меня аутистом. Но главное, взяли.

Первый курс. Одноклассники уезжали в Москву. Одноклассники учились на юристов, медиков, психологов, экономистов, лингвистов, программиста, историка.

Одноклассницы выходили замуж. Первой замуж вышла Ланка. Приглашала на свадьбу. Я не пошел.

Я учился на руководителя театрального коллектива и никому не рассказывал про это. Да я вообще перестал общаться с одноклассниками.

Однокурсники были фрики. Миша — поклонник Гарри Поттера. На собеседовании он сказал, что посмотрел фильм про «этого самого Гарри Поттера и таинственную комнату» и решил стать актером. У Миши был шрам на всю шею, стрижка под ноль и хриплый голос. Он ходил в сером пиджаке в мелкую крапинку и потрескавшихся кожаных кроссовках и постоянно пел про Жигана-лимона. Сейчас, кажется, он работает таксистом, но точно утверждать не могу, да и вообще мне по барабану, кем и где он работает. Мы с ним здоровались и то не каждый раз.

Гуля была тихоня. Узкие, черные глаза, какие-то огромные темные кофты, стрижка «ежик» и тяжелые ботинки с толстыми подошвами. Ладно, хоть не готка. Не знаю, почему ее взяли на курс, но говорила она тихо, неуверенно, а вот рисовала шикарно. У меня до сих пор где-то валяется пара ее рисунков. Задумчивые драконы с короткими крыльями и печальными глазами. Почти такой же, яркий, как граффити, красовался у нее на плече. Мы все переодевались за кулисами, не стесняясь друг друга, и каждый раз я с восхищением смотрел на ее тату. Даже на репетициях она рисовала. Странно, что она не пошла в художку. Это было бы логичней.

Вова пил в два раза больше меня и не пьянел. Вернее, он просто вырубался, а утром был как огурчик. Может, потому что заедал исключительно огурчиками, не знаю. Меня огурчики не спасали совершенно. Но вот перегара, причем убойного, избегать ему все же не удавалось. У Вовы были огромные уши, мелкие кудри, как у барашка, и здоровенные мозолистые руки. Вроде уже не жил в деревне и не работал, но мозоли все равно не проходили. Как и я, он не хотел идти в армию, а все это актерство ему было до одного места. На парах он сидел на последней парте и спал. Если бы это было нормальное учебное заведение, его бы будили и делали замечания, лишали стипендии и все такое, но это был обыкновенный кулек, и на Вову никто не обращал внимания. Он все время говорил: «А вот у нас в деревне» — и изображал разных дядь Васей, тетю Марусей и прочих колоритных персонажей. Делал он это, надо сказать, перwokлассно, но как только доходило до репетиций Чехова и Островского, все мастерство куда-то испарялось, и Вова становился еще более деревянным, чем Миша.

Всего нас училось тринадцать человек. Остальные тоже были чудаковатыми, но не настолько.

Катя три раза поступала в театралку, но успешно проваливала. И неудивительно: наверное, каждый третий заваливал вступительные на актерку института. В училище брали всех.

Юлька твердила, что театр — это рупор, и она пришла вещать всем женщинам, что они не могут называться женщинами, пока не выполнят свою священную обязанность и не пророжаются. Она именно так и говорила — «пророжаться».

— Да как ты не понимаешь, — убеждала она несчастную Гулю, — каждая, абсолютно каждая женщина должна пророжаться.

Сама она не смогла забеременеть — не все в порядке со здоровьем. Но ее даже Сергеич побаивался.

Нина фанатела от Агузаровой.

Стася писала рассказы и пьески про ангелов.

Марина красила волосы в розовый и говорила про Зощенко: «тот, что про щенков писал».

Вероника — анорексичка.

Лера картавила, носила дреды, широкие штаны и читала рэп.

Тома смотрела «Дом-2», мечтала стать его участницей и несколько раз отправляла свою анкету.

А Женька хохотала, как ненормальная. Всегда. Даже если никто не смеялся.

С такими людьми мне приходилось не только учить историю театра или основы звукорежиссуры, но и контактировать на сцене, играя в различных этюдах и сценках.

На парах я бывал от случая к случаю. Мастерство старался не пропускать, а на все остальное забивал без сожаления. Обидно бывало только, когда решался-таки прийти, а пару, как назло, отменяли.

Очень часто я думал, что я здесь делаю вообще? Хотя так каждый второй, наверное, думал. Еще раздражали танцоры и почему-то оркестранты. Первые строили из себя непонятно кого, вроде как мы такие звезды-звезды, что хоть завтра в Большой театр, а вторые были очень жалкие. Так и хотелось их пнуть. С одним я схлестнулся не на шутку. У него оказались крепкие руки, на тубе, наверное, играл, но я все равно наваял ему по первое число. Правда, потом они подкараулили и отметили меня всем отделением.

Вот в этом они молодцы, держались вместе, как настоящий оркестр.

А у нас в группе все сами по себе были. Я общался только с Вовой, и то в основном тостами, и немного с Гулей.

Сергеич говорил, что мы должны сплотиться и быть как одно целое. Но ничего подобного не происходило.

Второй курс. Новогодние утренники. Это ад. Мы должны были «дедморозить» по очереди. Но «дедморозил» только я. За мероприятие я переодевался по семь раз, а если учесть, что в день у нас было по три-четыре утренника, то получалось и все тридцать. О накладках даже вспоминать не хочется. То борода отвалится, то какой-нибудь особо талантливый и расторопный ребенок как засадит со всей силы по коленке. А как знатно потелось под кучей одежек, свитером, шубой и валенками, это просто сказка — покурить всяких саун.

Вова и Миша на Дедов Морозов не тянули. Играли злодеев, пиратов, придворных, снеговиков. Гуля была Снегурочкой. В остальном второй курс не сильно отличался от первого. Я прогуливал пары. Я обходил стороной оркестрантов. Я получал кормовые сорок с чем-то рублей и покупал на них две порциипельменей. Я репетировал Плюшкина по пьесе «Мой милый Плюшкин». Я носил лосины на танцах. Я спал за кулисами. Я гримировался в старика и скелет.

А потом... Отчисление: я опоздал на прогон «Плюшкина». На полтора часа. Пропал. Сергеич был в гневе.

Сергеич сказал: «Возмутительно», — и схватился за сердце. «Вы в гроб меня вгоните». «Убить тебя мало!» «Пошел вон!» «Показа не будет, — и добавил: — Чтобы больше тебя не видел».

Он поставил мне двойку за мастерство, впервые за двадцать лет своей преподавательской деятельности.

Катька ревела. Катька готова была меня убить. Она засадила мне кроссовком между ног и никогда больше со мной не разговаривала. Через неделю на доске вывесили приказ о моем отчислении.

В военкомате узнали, обрадовались и тут же прислали мне повестку, но я сломал руку и получил очередную отсрочку. Не радовала меня поездка в армию.

Удивительное дело, но когда меня отчислили, я вдруг понял, что в училище было не так уж и плохо. Не знаю, может, сработал эффект отнятой игрушки, а может, я успел привыкнуть и даже немного полюбить это лицедейство и прочие театральные прикормы, но мне определенно захотелось вернуться и доучиться до конца.

Поэтому летом я подал заявление на восстановление и восстановился, так как с мальчиками по-прежнему была напряженка.

Новый курс был еще меньше моего. Всего два парня: я и Валера. Да, этот самый Валера, который сегодня меня уволил. И семь девчонок. Немного адекватней наших, но лишь немного. Спасибо хоть про пророжаться никто не рассказывал.

С Валерой мы быстро нашли общий язык. Еще бы — один среди семи театралок, да он даже Мише был бы рад, а я намного приятнее Миши. Нет, Валера, конечно, пытался воспользоваться положением, даже подкатывал чуть ли не ко всем сразу, но быстро понял, что ни к чему хорошему это не приведет. Да и девчонки гораздо охотнее поглядывали на поджарых танцоров, а не на пузатенького Валеру.

Мы реально сдружились. Мы оба отрастили бородки. Мы зависали в барах. Мы рубились в «контру» по сетке. Мы играли Деда Мороза по очереди. Мы придумывали и записывали какие-то дурацкие песни на диктофон. Нас стали называть близнецами, хотя мы не очень-то похожи.

Я вдруг стал получать кайф от учебы, от репетиций, бесконечных выяснений, кто выкладывается по полной, а кто нет, от неоправданных обвинений в отсутствии таланта и от совсем неробких надежд на попадание во МХАТ или «Современник».

Валера смотрел на мир более практично, и это мне в нем нравилось. Он постоянно находил какие-то халтуры, халявы, акции, никогда не сидел без налички, но при этом не жмотился и угощал топливом.

И лишь редкие встречи с Сергеичем и его испепеляющий взгляд добавляли небольшую, но вполне ощутимую ложку дегтя в мою практически медовую учебу.

И мозг решил сделать передышку, словно дальше ничего не происходило, словно здесь застряла причина и нужно ее непременно найти. Но есть ли она? Да и главное — зачем? Зачем мне знать за что, даже если есть за что? Ну, узнаю я, что изменится? А ничего. Это меня спасет? Нет. Захотелось набрать побольше воздуха в легкие и кричать долго и пронзительно.

Около года. Сколько это? Триста сорок? Триста двадцать девять? Ну, пусть будет триста, чтобы равное число. Минус сон. Вот и двести. Восемь часов же нормальный сон.

Нормальный. Ха! Спать восемь часов — это роскошь. Теперь только четыре. Только четыре, ну пять... Итого двести пятьдесят дней. Что такое двести пятьдесят дней? Когда все они как один и летят со скоростью света.

Я начинал себя жалеть. Это же все. Все... Чертовы десять месяцев, и до свидания, конец, титры. Ничего не будет. Вернее, все-то как раз и останется, а вот как представить себя вне этого всего? Просто невысказано.

Не буду есть вопперы.

Не буду есть фунчозу, только-только ее распробовал.

Не буду ездить в лифте, в трамвае, маршрутках.

Не буду хвататься за голову после очередного поражения Спартака или сборной и вспоминать все крепкие, но очень точные слова, подходящие, как никогда, лучше.

Не буду покупать подтяжки по акции.

Не буду смеяться над очередным пафосным фильмом Бондарчука.

Не буду пересматривать любимые квновские команды и смеяться.

Хотя я давно уже не смеюсь над новыми выпусками и командами, ведь КВН уже не тот, совсем не тот.

Не буду вечерами ненавидеть Урганта.

Не буду мечтать о том, что когда-нибудь на голову мне упадет миллион. Евро, конечно же. Только евро.

И дико захотелось фунчозы. И Баскин Роббинс. Но ни того ни другого, разумеется, не было. Все, приплыли. Вот так завалиться, растечься по дивану, как масло, и отбросить копыта, к чертям собачьим. Только и всего. Раз, и там. Только и всего. Но если бы все было так просто.

Рука потянулась к телефону, не удержался, набрал Алису. Не берет. Позвонил еще раз. Не берет. Бог любит троицу...

Я проснулся в четыре утра. Голова трещала и мстила мне с невероятной силой. Под глазами мешки. В глазах резь. Вены вздулись на висках и пульсировали. Лицо отекло и раздулось так, будто я всю ночь зависал на пасеке с пчелами. Болело все, даже язык и переносица. Так тебе, неудачник. Пробовал снова уснуть, но куда там. Пришлось укутаться теплее и включить «Во все тяжкие». Не зря же качал. А со сном так и получилось — четыре часа, если не меньше.

И снова вспышки памяти: выпускной в училище. Два года в Волгограде. Вернулся обратно. Несси.

Выпускной в училище очень напомнил выпускной в школе, разве что не было родителей. Никто не прятал топливо. Никого не увезли на «скорой». Никто не говорил про открытые двери во взрослый мир. Никто не пел «Я — солдат».

Валера схлестнулся с оркестрантами, и началось кровавое месиво. Они отпинали всех, даже директору немного досталось и, что порадовало, Сергеичу. Бой вышел непродолжительным, но очень интенсивным. Сорвали кулису, разбили вазу, дважды пустили кровь. Без крика и участия девчонок тоже не обошлось. И лишь когда один из оркестрантов проломил ногой сцену, все как-то быстро протрезвели, пришли в себя, обнялись, пожалы друг другу руки. Даже мы с Сергеичем помирились. Он похвалил мою дипломную работу, сказал, что я неплохо сыграл Базарова, хотя всегда есть куда расти, и что если бы не отсутствие дисциплины, он бы мог за меня замолвить словечко Денисову, тот как раз набирал актерско-режиссерский курс в институте. Но так как он не уверен во мне, тем более после такого катастрофического косяка, то не будет просить. Вот и надо было дразнить? Но это мелкая и отвратительная черта театралов: поддеть, уколоть, унижить. Обидчивые натуры.

Я не очень-то хотел в институт, тем более снова в театральный, но отсрочка на пять лет мне явно бы не помешала.

Придя в норму, оркестранты собрались вместе и слабали «макарену», затем «Lets Get It Started», а потом перешли на творчество старого доброго Шнура и «Ленинграда». Ох уж эти оркестранты.

Все танцевали, как угорелые, а после с теми же оркестрантами приводили актовый зал в порядок и чинили сцену.

Напоследок наш курс показал пародии на преподавов и спел слезливую песенку о прекрасных годах, проведенных в училище, и о том, как сцена нас сплотила и стала неотъемлемой частью жизни. Вранье, конечно.

Я, например, больше ни разу в кульке не появлялся. Да и многие так же.

Два года в Волгограде. Нет, я не служил там. Хотя мог. Собственно, я поэтому и оказался в Волгограде, чтобы не служить.

Снова ломать руку мне не хотелось, альтернатив было немного, не дожидаясь повестки в военкомат, я рванул куда подальше. Почему-то захотелось в Волгоград. Юг все-таки, там теплее и люди не такие суровые.

Я подал документы во все вузы, какие только смог, но везде провалился. В театральном мне сказали, что у меня ужасный говор, а как узнали про училище, так и вовсе скривились и посоветовали забыть про карьеру артиста. Переучивать меня никто не возьмется.

Не больно-то и хотелось.

С остальными универами тоже не заладилось. Не то чтобы я такой тупой, но результаты ЕГЭ у меня далеко не лучшие.

Надо вот было вводить этот дебильный ЕГЭ? Все кавказцы уделали меня по русскому языку. Такое мыслимо вообще? Да половина из них предложение толком составить не может. По сто баллов набирают. Короче говоря, я засел на дно, чтобы военком не смог меня отыскать.

Не скажу, что мне жутко понравилось в Волгограде, но там есть: Волга, Мамаев курган, Панорама Сталинградской битвы. Котлеты «по-киевски». Длиннющий проспект Ленина. За два года я так и не смог пройти его целиком. Но пытался неоднократно.

Еще, что удивительно, раньше он назывался Сталинградом, но в городе несколько памятников Ленину, причем довольно крупных. Они даже в какие-то списки рекордов входят. А памятников Сталину нет, что тоже логично.

Красивых домов там немного, но и это понятно. В Отечественную ему досталось по самое не балуй, и город превратился в руины. Его отстраивали заново, и тут уже было не до красоты и помпезности.

Я снял крохотную однокомнатную квартирку с фиолетовыми обоями и вечно протекающим краном в Кировском районе и устроился работать аниматором в контору со странным названием «Карандаш». Карандаш — мы разукрасим ваши серые будни.

Вот тогда я по-настоящему возненавидел детей. Не было ни одного праздника, с которого бы я не ушел оглохшим, с подбитым глазом, с синяками на руках и ногах или в порванном костюме. Дети висли на мне. Дети визжали, как ненормальные. Они пинались, царапались, кусались. Дети бросались в меня едой. Дети плакали и боялись меня. Но не все, к сожалению.

Кем я только не был за эти два года. Человеком-пауком. Джеком-воробьем. Фиксиком. Халком. Индейцем. Суперменом. Варваром. Клоуном. Мимом. Пикачу.

Каждые выходные я порывался бросить разукрашивать серые будни детей и их родителей, но мне нужны были деньги. А наше прекрасное училище как-то не сильно позаботилось о том, чтобы разнообразить наши умения в зарабатывании денег. Так что единственное, что я мог, — сменить агентство, но какой в этом был толк?

К тому же иногда, правда очень редко, у меня получалось кайфовать от того, что я могу заставить людей улыбнуться или делать нелепые и глупые вещи, прикрывая это условиями конкурса. Ради конфеток они прыгали с бутылками между ног, переносили яйца в ложках, держа их во рту, или изображали персонажи фильмов или известных артистов. Танцевали по-дурацки, да еще и радовались, как дети. И фотографировались со мной, как будто я был Данила Козловский, Сергей Безруков или Стас Михайлов.

Но главное, что не надо было по восемь часов просиживать в душном офисе. Свободное время — для кого-то роскошь, а у меня его было столько, что хоть на зиму засаливай. Летом я валялся на пляже, осенью и весной зависал на набережной, а зимой на концертах и в кино. Изредка захаживал в клубы, но там слишком душно и пафосно. Не люблю понты и пафос.

За два года я накопил денег достаточно, чтобы откупиться от армии. В итоге написали, что у меня плоскостопие и дикое искривление позвоночника, дали мне военник и велели гулять на все четыре стороны и молиться, чтобы не было войны.

Может, это из-за армии? Да, что я один такой, что ли? Отмазавшихся больше, чем тех, кто служил. Но как-то далеко не всем достается, как мне.

Когда вернулся домой, мать всплеснула руками, мол, похудел-то как. Стала откармливать. Но мне это дико не понравилось. Через неделю съехал от нее на квартирную студию с бежевыми обоями, хотел их переклеить, но хозяйка попалась не очень и не разрешила.

Связался с Валерой, он тоже работал аниматором. Позвал к себе. Я выбирал между «Связным» и «Волшебным лесом» (так называлась контора, в которую звал меня Валера). Победил «Лес», опять же из-за свободного времени. Ну, и со знакомыми приятнее, разумеется, батрачить.

И вот я снова в костюме Джека-воробья, а дети такие же крикливые и агрессивные, как в Волгограде, видимо, они везде такие. У Валеры, кстати, намного лучше получалось с ними справляться. То ли они его боялись, то ли, наоборот, принимали за своего, но его никто ни кусал, ни пинал и не боялся.

Он и свадьбы проводил с легкостью, о которой я мог только мечтать. «Пожелаем мы вместе жениху и невесте». Его называли вторым Ургантом. Неудивительно, что он быстро поднялся и открыл свою контору, в которую по дружбе перетащил и меня. До сих пор не понимаю зачем. Я был явно не тем работником, которым можно гордиться и желать во что бы то ни стало заполучить. Видимо, ценил нашу дружбу.

Мы играли в бильярд. Мы зависали в саунах. Мы катались на снегоходах и ездили на рыбалку. Мы напивались в барах и клеили официанток. Одна из них осталась с Валерой надолго, и он сделал ей предложение. Больше мы уже не тусили, и Валера стал более официально ко мне относиться.

Я переехал в квартиру побольше. Тут же переклеил обои в серый цвет с изображением различных храмов, дворцов и прочих шедевров архитектуры, чуть не завел себе собаку, но вовремя одумался.

С матерью виделся крайне редко. Она начинала капать на мозг, пересказывала сериалы, программы, ругала депутатов и говорила, что нужно менять профессию, пока не поздно, мол, сказали, что будущее за менеджерами, а я ни разу не менеджер. И все в таком духе.

Ей бы найти кого себе, но она и не пыталась, да и кому нужно слушать пересказы этих чертовых сериалов.

Она смотрела «След». Она смотрела «Понять и простить». Она смотрела «Пятую стражу». Она смотрела «Давай поженимся». И, конечно, она смотрела «Пусть говорят».

А я на одном из своих мероприятий встретил Несси. Вообще-то ее звали Инесса, но она терпеть не могла, когда ее называли полным именем. У нее были роскошные длинные черные волосы ниже плеч. У нее была тату в виде леса и стаи птиц на руке. Она слушала «Radiohead». Она слушала Björk. Она слушала Moby. Она слушала «Gorillaz». И немного «Nirvana». Из русских она слушала «Машу и медведь», хотя их давно уже никто не слушал. У нее были небольшая родинка слева над губой и маленький размер ноги. Тридцать пятый. Или тридцать шестой.

Она стояла в сторонке и явно грустила. Вернее, слушала музыку в наушниках. А я был клоуном и решил ее развеселить. Наверное, не лучшее решение — возникнуть перед ней и начать трясти, как ненормальный, головой, корча нелепые рожи, но ничего другого мне тогда не пришло в голову.

Несси сразу мне понравилась, а вот я, скорее, напугал ее и взбесил одновременно. Неудивительно. Но главное — мне удалось привлечь ее внимание.

После мероприятия все разошлись, а она стояла на том же месте. Набравшись смелости, я подошел:

— Привет! — банальнее не придумаешь.

Она вытащила наушник из уха.

— А ты знаешь, что у китов нет ушей? — решил заинтересовать я Несси.

Она покачала головой.

— Но они не глухие. Киты слышат при помощи нижней челюсти. Представляешь?

— Прикольно, — не сразу ответила она и засунула наушник обратно.

Не заинтересовал, хотя, конечно, тоже явно не самый интересный факт. Далековато мне было до пикапера.

— Вообще-то все кончилось.

Она снова вынула наушник и вопросительно посмотрела на меня.

— Что слушаешь?

— Тома Йорка.

— Кто это?

Она закатила глаза:

— «Radiohead».

— Можно?

Я вставил наушник себе в ухо. Раздалась приятная, хотя и немного депрессивная мелодия. Я вспомнил, что уже слышал ее. Стилль не совсем мой, но слушать можно.

— Какой альбом? — понятно, что я в любом случае не знал, но надо расспрашивать о том, что приятно другим. Я же читал Карнеги.

— «Kid A», — и посмотрела на меня так, словно я спросил, как зовут Юрия Гагарина.

— А-а-а, — протянул я и хлопнул себя по лбу, мол, как можно было такое забыть? Позор.

Несс не отреагировала.

Я вернул ей наушник:

— Там все ушли уже.

— Угу, — кивнула она и, вставив черную ракушку наушника на место, направилась к выходу.

— Можно проводить тебя?

Она пожала плечами.

— Меня Илья зовут.

— Несси.

— Необычное имя. Редкое.

Она не ответила. Началась новая песня, и Несси полностью растворилась в музыке.

— Я только переоденусь, я быстро.

Она не слышала, но и не двигалась. Застыла, как статуя. Хочешь — лапай ее, хочешь — в сумочку залезь, хочешь — усы несмываемым маркером рисуй.

На улице шел дождь. Крупные тяжелые капли с силой барабанили по крышам, стенам домов, по деревьям, земле, по нашим макушкам. Они разбивались и стекали ручейком, смывая грим с моего лица и тушь с ее ресниц. Зонт, разумеется, никто из нас не взял. Но вместо того чтобы спрятаться под крышу, Несси рванула со всех ног и шлепала прямо по лужам, не жалея ни себя, ни обувь. Я помчался вдогонку, а что еще оставалось делать?

Через пять минут мы уже ехали в трамвае. Мокрые, грязные, усталые.

Я пытался завести разговор. Я выдал еще несколько фактов о китах. Я рассказал, что хвосты китов уникальны, как и отпечатки пальцев у людей, и двух одинаковых хвостов просто не существует. Я рассказал, что киты способны задерживать дыхание на несколько часов. Я сообщил ей, что киты и люди — это единственные млекопитающие, которые могут петь. И что шоу «Голос китов» выиграл белый кит Барри, потому что самыми поющими среди китов считаются белые. А наставником у него был Градский. Ведь Градский просто создан для этого шоу. Барри пел песню Селин Дион «My heart will go on».

Я мог раскрыть еще пару фактов, но понял, что бессмысленно. Она даже не улыбнулась. Я рассказал, что жил в Волгограде, в котором проспект Ленина настолько длинный, что я так и не прошел его целиком.

А потом я просто забрал у нее наушник, и мы слушали «Radiohead». Возле подъезда я спросил: «Несси — это уменьшительно-ласкательное от Инесса?»

Она скривилась: «Терпеть не могу это Инесса, оно тупое, я — Несси».

Я сказал, что понял, и попытался ее поцеловать.

Она не далась, сказала, что это чересчур, но оставила свой номер телефона.

Я долго еще смотрел на закрытую дверь, за которой она исчезла, и думал, чем она мне так понравилась. Она была необычная. Она была странная. Людям нравится все странное и необычное.

Я позвонил ей из дома:

— Я добрался.

Она молчала.

— Это я — Илья.

Она молчала.

— У тебя все нормально?

Пауза.

— Завтра увидимся?

— О'кей, — и повесила трубку.

Я не стал покупать цветы, не повел ее в кафе или в кино. Она написала сама. Филармония. 19:00. Не очень как-то идти в филармонию с цветами для девушки, а не для артистов. Еще и рубашку на себя нацепил.

Несс была в черной толстовке «Nirvana» и черных джинсах. Она сказала: «Привет» — и взяла меня за руку. Она сказала: «Кобейн не носил рубашки». Она сказала: «Антон играет в „Пулеметах“, он басист». Антон — ее знакомый, он и позвал на концерт памяти Курта Кобейна.

Пели и играли все неважно, особенно «Пулеметы», но я смотрел не отрываясь на мушку Несси, которая рождала в моей голове невероятно страстные и бурные фантазии.

Под песню «Polly» она крепко сжала мою руку, и ее губы страстно впились в мои. Это стала наша песня.

С тех пор в моей жизни было много музыки. Много песен и мыслей. Мы ходили на концерты. Мы ходили на квартирники. Мы ходили на репетиции. Я так ни разу и не подарил ей цветы. Она сделала мне тату. Мастер Йода с лазерным мечом. Несси была тату-мастером. И редкостным интровертом. Даже когда мы сидели в метре друг от друга, ей было проще написать в вк, чем что-то произнести вслух.

Во время секса Несс также не издавала ни единого звука, хотя по глазам было видно, что ее просто переполняют эмоции. Несси было непросто держать все в себе, но что-то, возможно психологические травмы детства, сковывало и не давало ей обнажить не только тело, но и чувства.

Я быстро привык к ее молчанию. Это намного лучше незатыкающихся девушек, а таких гораздо больше. Болтовня реально раздражает. Тишина притягательна. В ней была загадка, которую хотелось непременно исследовать и раскрыть. К тому же она необратимо нравилась мне внешне. Аккуратные тонкие губы, мягкие пушистые волосы, глубокие карие глаза и милые пухлые щечки. Все это во мне вызывало бурю щенячьего восторга.

Мушка же с каждым днем все сильнее захватывала мои чувства. Она магически действовала на меня, гипнотизировала, сводила с ума. Я уже не мог представить и дня, проведенного вдали от манящей коричневой бусинки.

Через неделю Несси переехала ко мне вместе со всем оборудованием и клиентами. Я любил смотреть, как она работает, как старательно выводит рисунки, иероглифы и надписи на плечах, руках, ногах, шеех, щиколотках своих многочисленных клиентов.

Ей не нравилась моя работа, но частенько она ходила со мной, надевая потрепанную толстовку «Nirvana», сидела так же в стороне ото всех и изредка улыбалась мне.

Она пила виски, запивала колой, но делала это крайне редко и мало, так как быстро пьянела. Алкоголь менял ее, добавлял разговорчивости и агрессивности.

Как-то мы пили втроем с Валерой. После третьей стопки она стала внушать Валере, что мы занимаемся откровенной чушью. Мы не дарим людям праздник, а тупо убиваем их и свое время, помогаем всем деградировать, хотя они уже и так деградировали дальше некуда. Валера только усмехался в ответ, но, когда Несс назвала его грязным ублюдком и сказала, что он неминуемо будет гореть в аду, приукрасив свой спич парой крепких выражений, явно обиделся и чуть не уволил меня. К счастью, Несси практически тут же отрубилась, а мы с Валерой выпили мировую и, обнявшись, спели «Черный ворон». Люди не любят, когда им желают гореть в аду.

Утром Несси сама извинялась и утверждала, что ничего подобного у нее и в мыслях не было. Говорила весьма убедительно, да и не верилось, глядя на нее, что она может искренне желать кому-то зла.

Правда, подобные вещи повторялись несколько раз, доставалось и мне, но я не мог злиться на Несси, что бы она ни говорила и куда бы ни посылала меня.

Я не хотел знакомить ее с матерью. Мама пришла сама. Никогда не приходила, а тут пришла. Несс стояла в одной майке, зевая, и долго не могла понять, кто перед ней и что ей вообще нужно.

Мать резко высказалась о ее виде, наверное, позавидовала стройным ногам и стала требовать одеться и привести себя в порядок. Назвала тату мерзостью, хотя рисунок у Несс вполне симпатичный и невинный, наорала заодно и на меня, что давно не объявлялся, а тут еще и собрался жениться, не спросив у матери.

Я не собирался жениться, по крайней мере тогда. И вообще не понял ее истерики. Но мать ничего не хотела слушать, заявила, что Несс мне не пара, и, обидевшись, ушла.

Несс тоже ушла. Так же тихо и неожиданно, как и появилась. Просто исчезла, и все.

Проснулся, а ее рядом нет. Ни ее, ни оборудования, ни ее вещей: расчески, зубной щетки. Ничего. Даже записки не оставила.

Я тут же кинулся звонить, но номер был заранее удален из телефона. Поехал к ее старой квартире. Там никого. Еще неделю я каждый день приходил к тому подъезду, но все тщетно. Она как в воду канула.

Пробовал искать через «Пулеметов». Ходил на концерты. Ходил во все места, где мы были вместе. Ходил в места, где мы не бывали вместе. Пробовал искать знакомых, но у нее словно не было никаких знакомых. Все бесполезно. Ни единой ниточки. Ни одного намека. А я так и не раскрыл ее загадку. Может быть, поэтому она и ушла.

А может, ее и не было. Но Валера-то помнит. И мать помнила. А вдруг это она вмешалась? Но мать уверяла, что вообще ни при чем. А то, что Несс ушла, прекрасно, она не пара мне — развратная и руки размалеванные, как у головорезов.

А ведь она мне нравилась. Очень нравилась. Все, что мне осталось, — «Radiohead», заслушанный до дыр, и мастер Йода на плече.

И вот за что? За Несс? Я даже не знаю, почему она ушла. Чем я ее обидел? И обидел ли?

И меня накрыло. Включил Тома Йорка и стал вспоминать Несси. Ее волосы. Ее тату. Ее запах. Ее родинку. Том жалостно завывал, и от этого становилось еще горше. Том пел «Karma Police». Том пел «Creep». Том пел «Step». Том пел «The Clock». Том пел «Street Spirit».

А я только слушал, и валялся, и едва сдерживал слезы. Все тело ныло, сил не было абсолютно. Я жалел себя и ненавидел всех. Мне казалось, что все, совершенно все виноваты в том, что случилось, в том, что я болен.

Бог, люди, птицы, насекомые — все хоть как-то повлияли на этот диагноз, приложили свою руку, лапу, крыло, хвост к тому, что у меня оставалось всего двести пятьдесят дней. Чертовы тараканы выживают при любых условиях. Но я не таракан, я человек. Как бы мы ни были сильны, есть немало вещей, перед которыми мы все же бессильны. Бессильны, черт возьми!

Мы слишком уязвимы. Как далеко бы мы ни продвигались в покорении космоса, здесь, на Земле, мы остаемся все теми же маленькими и беспомощными людьми, могущими в одно мгновение, всего в одно малюсенькое мгновение исчезнуть навеки, превратиться в горстку никому не нужного пепла. Memento mori, как говорили предки.

И это было как насмешка, постыдный плевок в спину или подножка. Раз — и ты уже на земле, оплеванный, грязный, со сломанными конечностями.

Я вышел в Интернет и стал читать различные форумы. Затем начал разглядывать фотографии. Жуткие фотографии.

Я смотрел на совершенно лысых людей, похожих на инопланетян.

Я смотрел на людей без бровей.

Я смотрел на осунувшихся людей.

Я смотрел на ссутулившихся, съежившихся, как старики, людей.

Я смотрел на людей с потухшими глазами.

Я смотрел на людей в инвалидных креслах.

Я смотрел на людей на больничных койках.

Я смотрел на людей, обвешанных всевозможными медицинскими аппаратами.

Многих из них уже нет. Кто-то еще боролся, но таких было мало. Тех, кто смог победить болезнь, — единицы.

Их истории я читал запоем. Настоящие голливудские блокбастеры. Что ни человек, то Брюс Уиллис — сплав стойкости духа и готовности к риску и экспериментам. Лекарство из бузины, лекарство из водки и подсолнечного масла, грязевые ванны,

голубая глина, зеленая глина, белая глина, поедание песка, голодание, молитвы, обряды — на что только не решались эти бедолаги, цепляясь за жизнь и возможность хоть на мгновение ее продлить.

И тут меня снова начало тошнить. На шатающихся ногах я добрался до ванны.

Неделя не задалась. Ха-ха. У Бога отличное чувство юмора. Посмотрел в зеркало. Вид ужасный, почти такой же, как у тех бедолаг из Интернета. Глаза ввалились, неестественная бледность, вены вздулись. Хотя еще вчера ничего подобного не было.

Сжал кулаки, набрал воздуха в легкие и крикнул в полную мощность. Еще и еще. Я решил проораться, пока не свалюсь обессиленно на пол или пока не появятся соседи и не начнут ломиться в дверь. Но силы не заканчивались, как и терпение соседей. В двери никто не стучал и не звонил. И я продолжал.

Лицо покраснело от натуги. На лбу еще сильнее вздулись вены. Внутри что-то жгло с невероятной силой. Мне было больно. Мне было чертовски больно в области сердца.

Алиса. Да катись ты лесом, Алиса! Как только я мог вообще связаться с тобой?

И очередная порция воспоминаний нахлынула безудержным потоком, утопив в себе все остальные мысли и чувства. Как чертов кофе, мозг растворялся в этих воспоминаниях. Свадьба с Альбиной. Развод с Альбиной. Авария. Онлайн-покер. Уволился с работы. Устроился оператором квеста.

Свадьба с Альбиной. Я сам не понял, как все произошло. Я долго не мог забыть Несси. Очень долго. Чувствовал себя личинкой в огромном и жестоком мире. Беспомощной и раздавленной. Ненавидел ее. Молил Бога, чтобы она передумала и вернулась. Видел в каждой темноволосой девушке ее, и только ее. Даже ходил к гадалке и просил наколдовать ее возвращение.

Несс не вернулась. Валера посмеивался надо мной. Разыгрывал, присылал веселые картинки в соцсетях — поддерживал, как настоящий товарищ. Ему надоело смотреть на мою кислую рожу, и он вытащил меня на свидание с Альбиной. Я не хотел идти, а он не хотел ничего слушать, схватил за грудки и реально приволок на свидание.

Мне не понравилась Альбина. Вернее, мне было все равно, Альбина или Наташа, да хоть Скарлетт. Я думал о другой. Я вообще ни о чем и ни о ком не мог думать, кроме нее. А тут на тебе Альбину и забудь раз и навсегда свою Несси. Не все так просто, господи, не так все просто.

У Альбины была родинка на щеке. Тоже родинка. Совпадение или Валера знал, я так и не выяснил. Но у Несс была милая родинка, маленькая, завораживающая мушка, а у Альбины — настоящая родинка, больше и гораздо темнее. А еще у нее не закрывался рот. Вообще ни на секунду. За минуту знакомства она успела рассказать не только про всю свою жизнь и жизнь своих родственников на данный момент, но и про то, чем планирует заняться в ближайшие двадцать лет. Не скажу, что у нее самый приятный голос на свете, но это ее несколько не смущало. Стеснение? Нет, не слышала. Она четко знала, что и когда ей нужно. Такой напористости можно только позавидовать.

Поэтому я сам не заметил, как быстро закончился ужин, после которого мы сели в забрызганное грязью такси и поехали ко мне.

У нас ничего не было. Дома я, конечно, сообразил, что к чему, и буквально вытолкал ее в подъезд. Но, повторюсь, Альбина не из робкого десятка. Она целеустремленная. Уже на следующий день она пришла к нам в контору на обед и принесла свои фирменные пирожки. Специально для меня пекла. Какая забота!

Готовила она, должен отметить, прекрасно. Собственно, это лучшее, что в ней было и, наверное, есть. А какой мужчина не любит вкусно пожрать? Всем же известно,

что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Нет, сердце мое она не завоевала, но подступила довольно близко к нему. На следующий день Альбина принесла котлеты с ризотто, а еще через сутки рулеты с курицей и грибами.

И я снова стал жиреть, как кот на деревенской сметане. Очень трудно отказать человеку, когда он несет тебе полную тарелку дымящихся пельменей. Или фаршированных перцев. Или огромную сочную пиццу. Или мясо по-французски. Или грибного супа-пюре. Или нежной мясной запеканки.

Через неделю она переехала ко мне, а через месяц намекнула, что неплохо бы нам и расписаться. Это явно было не то, о чем я мечтал. Но, снова повторюсь, Альбина целеустремленная, и было очевидно, что просто так она не отстанет, решила, что я го-жусь ей в мужья, и, значит, сделает все, что потребуется, хоть отрежет мне руку или ногу, пока я не начну думать ровным счетом так же.

Я не хотел жениться. Тем более на Альбине, я по-прежнему думал о Несс. Но шансы, что она вернется, были гораздо призрачнее того, что Альбина просто-напросто возьмет меня измором. И я согласился на штамп в паспорте. Тюфяк.

Правда, мне удалось убедить невесту в том, что пышная церемония нам ни к чему, по крайней мере пока. Шумное торжество можно провести в любой момент, желательнее через год, когда наши чувства только окрепнут и удастся накопить приличную сумму. Она согласилась. Все обошлось только загсом и обменом колец.

Ну, как обошлось? Валера обиделся, что не сможет погулять у меня на свадьбе. Он, видите ли, за меня рад, а я лишаю его праздника. Как так можно вообще? Получается, сапожник без сапог. Работаю в event-агентстве, а сам...

Он сказал: «Ну, уж своему-то провели бы „ол инклюзив“». Он сказал: «Свадьба — это святое». Он сказал: «Со своих грех брать деньги». Он сказал: «С „Поленом“ бы договорились на скидку. Ты же знаешь, у них шикарные ребрышки». Он сказал: «Ну, праздника хочется, — и добавил: — В конце концов, кто тебя свел с Альбиной?»

Я ответил: «Через год, обещаю».

Но Валера — это ладно, это ерунда. У нас не было медового месяца. Не в том плане, что мы не поехали в романтическое путешествие на Карибы или хотя бы в Крым, нет. Первый месяц после свадьбы считается самым приятным, самым радостным, беззаботным, сладким, чуть ли не приторным, что логично, исходя из названия. Но ничего подобного меня не ждало. Горчичный — да. Укусный — да. Хреновый — разумеется, да. Но не медовый и даже не сахарный.

Я думал, что это байки, чертовы штампы, что женщины расслабляются, добившись обручальных колец и печати в паспорте. Мол, можно уже выглядеть не на все сто, достаточно и шестьдесят процентов или даже пятидесяти. Что можно уже не готовить «Carpé au four» или «Fricassée», вполне хватит вареников или борща. Если раньше ты был молодцом и «лучшим на свете мужчиной», когда выносил мусор или помогал с мытьем посуды, то теперь ты стал «лодырем, тварью и кровопивцем — нашел себе „Рабыню Изауру“, а сам палец о палец не ударишь, чтобы помочь единственной и ненаглядной». Раньше помощь, теперь обязанность, и попробуй ее только не выполнить. Теперь ты становишься виноват во всем. Долго едет лифт — виноват ты. Отключили электричество — виноват ты. Высокие цены в магазинах — виноват ты, потому что мало зарабатываешь. Плохое настроение — виноват ты. Нечего надеть — виноват ты. Пошел дождь — виноват ты. Осталось мало амурских тигров — виноват ты. И даже в том, что творится в Северной Корее, виноват ты — а почему бы и нет.

Да, я мог смириться с тем, что она больше не старалась выглядеть лучше, чем есть на самом деле, в общем-то, она и без косметики вполне ничего, да и внешность не главное в человеке, да, я мог обойтись без всех этих блюд с красивым названием, готовила она все равно очень вкусно, а это главное, но вот то, что она превратилась

в настоящую мегеру, думаю, такого не выдержал бы никто. А я с самого начала не питал к ней симпатии. И в итоге — развод с Альбиной.

Я не мучился с решением. Правда, говорить ей тоже ничего не стал. Просто подал заявление в загс. А потом сообщил, что выбора у меня нет. Да и у нее тоже. Она, конечно, расвирепела. Накинулась на меня. Принялась громить тарелки. Назвала меня всеми матерными и последними словами, которые я знал, и еще парочкой, о которых даже не догадывался. Сказала, что не даст мне развод. Я сказал: «Ок, но жить мы не будем вместе». Я сказал: «Съезжаю, хата все равно съемная». Я сказал: «Не срослось, ты еще обязательно встретишь своего человека». Я сказал: «Так бывает». И: «Дело не во мне, дело в тебе».

Она сказала: «Да пошел ты!» Оказалось, это был уже третий развод. Она отчаянно хотела замуж, но все мужчины сбегали от нее. Понятно почему. С одной стороны, было немного жаль ее. С другой стороны, жизнь — жестокая штука. Да и Альбина сама виновата. Умнее надо быть в совместной жизни, это, как ни крути, тоже искусство.

В итоге она согласилась на развод, но, кажется, еще больше разозлилась на всю сильную половину человечества.

И что это, из-за Альбины? Вопрос, конечно, серьезный. Понятно, что к карме бонусов это не добавило. Но по-другому и быть не могло. Она сама навязалась, она мне не нравилась, она не старалась меня удержать, скорее наоборот. Нет, я мог бы закрыть на все глаза, жить, как многие, вместе и ладно, как — неважно. Но ради чего эти жертвы?

И поэтому не прошло и недели, как мы развелись с Альбиной, и произошла... авария.

Возможно, это и было наказанием. А может, просто Альбина наслала на меня проклятие, не знаю. Скорее всего, второе.

Я возвращался с очередного мероприятия. День медицинского работника. Надеюсь, что на следующий день никто из них не должен был проводить операцию, потому как пьют эти самые медицинские работники просто безбожно. Я думал, сложно перепить работников культуры, но, оказывается, можно, и очень легко. Валера сказал, что у них просто такая разрядка. Работа — на самом деле не позавидуешь, особенно в эмоциональном плане. Поэтому водка — это способ хоть как-то отвлечься от ужасов на работе. Не самый, конечно, лучший, но действенный.

И вот я ехал под впечатлением от увиденного. Вернее, таксист вез меня, а я сидел рядом с ним и, погруженный в свои мысли, не следил за дорогой. А зря. Будь я внимательнее, возможно, заметил бы выскочивший из-за поворота «форд-мондео» и успел бы крикнуть водителю. Бы, бы, бы...

Все произошло в какие-то доли секунды. Яркий свет фар. Визг тормозов. Звук столкновения. Громкий мат таксиста. Удар. И темнота. Я не успел ничего подумать, не успел ничего сообразить.

Пришел в себя я уже на тротуаре. Надо мной склонились какие-то люди, светили фонариком в лицо, трясли за плечи.

— Очнулся, — оповестил всех один из склонившихся.

— Парень, ты как? Слышишь меня? — спросил уже другой.

Я моргнул.

— Двигаться можешь?

Я снова моргнул, хотя ни черта я не мог двигаться.

Рядом лежал таксист. Ему досталось куда серьезнее моего. Ударился головой о руль. Он лежал неподвижно и еле слышно постанывал.

Голова кружилась, как центрифуга. Во рту сохранился неприятный привкус крови и рвоты. Сердце колотилось с бешеной скоростью. Невыносимая, адская боль буквально разрывала на части. И почему-то чесались грудь и копчик.

— А говорить можешь? — допрашивал все тот же голос.

Я попытался ответить, но не смог. Завыли громкие сирены «скорой», и я вновь потерял сознание. Оказалось все же, что я пострадал значительно больше. Водитель отделался ушибами и синяками, а у меня сломался позвонок, и повезло, что не задело спинной мозг, иначе мне грозил паралич. Весело. Врачи навели еще больше страха. То, что они это умеют, я убедился часом ранее. Хорошо, хоть никто из приехавших не был у нас на корпоративе.

— Похоже, не повезло.

— Спинной?

— Да.

— Ну, все. Покатался. Теперь всегда кататься будет.

— Овощ?

— Так точно.

— Да нет, вон ногой шевелит.

Шевелит. Да я тряс ею, как трясет космические корабли при раскрытии парашюта, если не сильнее.

Удивляюсь, что поседел на несколько волосков, а не на всю голову. Хотя не стоило предпринимать такие усилия. Пульс ускорился, да и боль стала резче.

Помню испуганное лицо матери. Испуганное лицо Валеры. Его Инги. А вот водитель «форда» вообще не пострадал. Ни синяка, ни царапинки. Он оплачивал мое лечение. Вернее, не оплачивал, а сунул пару бумажек по пять тысяч рублей и больше не объявлялся. А лечился я долго и мучительно. Медленно восстанавливался, но хотя бы знал, что снова буду здоровым, а значит, был стимул и на боль, на эту бесконечную, зудящую боль и дикие неудобства можно было закрыть глаза и терпеть.

Два месяца я пролежал в больнице. Практически как мумия. Одно неловкое движение, и боль пушечным выстрелом, таким же мощным и стремительным, пронзала все тело. Но совсем не шевелиться не получалось. Врачи подбадривали, кололи обезболивающие, но я все равно чувствовал ее.

Валера навещал по вторникам и пятницам. Приносил апельсиновый сок и пюре с котлетами на пару, садился рядом, рассказывал про напарников, анекдоты, про новые мемы в фейсбуке, про то, что цена на нефть опять падает, а доллар, соответственно, растет. Затем призывал держаться и, виновато разведя руками, уходил. Инга не любила долго ждать.

Зато мать приходила каждый день. Я отвык видеть ее так часто. А тут приходила, садилась рядом, вязала, проявляла заботу, была внимательной. Она по-прежнему дымила тайком, хотя уже давно можно было не прятаться, теперь, видимо, стеснялась меня. Я понимал, что она курила, по запаху дурацких, едко пахнущих духов, которые за столько лет она так и не сменила.

Не скажу, что мы сблизились, но прогресс в отношениях определенно был. Больше не ссорились, она читала мне Маркеса, и Ремарка, и даже Кена Кизи, прослезилась в конце «Трех товарищей». Много лет я не видел ее плачущей.

Она рассказывала про себя. Про свое детство. Она рассказывала про бабушку. Она рассказывала про дедушку. Она рассказывала про отца. Каким он был в моем возрасте. Она рассказывала про то, о чем мечтала в детстве. Ничего сверхвыдающегося, 4д: двое детей, дом и дача.

Двое не получилось. Только я. С дачей и домом тоже как-то не срослось. Хотя не так и сложно приобрести небольшой участок. Но зачем? Это в совке есть особо нечего

было, все и выращивали, что могли, а сейчас хоть в июне мандарины купить можно. Томаты с огурцами круглый год продают. И купить их гораздо дешевле получается, чем вырастить. Я уж не говорю о том, сколько времени сэкономишь.

Но все же печально, когда такие незамысловатые мечты не могут осуществиться. Как-то по-другому я взглянул на маму. Стало жалко ее. Что она хорошего в жизни видела? Темные обои. Светлые обои. Отрывающиеся обои. Пьяного отца. И еще толпу каких-то не самых приятных людей. Вот и получается, что ничего. А жизнь уже давно перешагнула за экватор. И что хорошего может такой человек сделать другим? Тоже ничего. Закон сохранения энергии. Или что-то такое из физики.

А плакала она довольно искренне. Репарк вообще любил выдавливать слезы, хотя писатель отличный.

Про рак, кстати, я почти ничего не читал. Кино — другое дело. Хотя не сказал бы, что книг на эту тему меньше, скорее наоборот. Просто фильмы смотреть проще и быстрее. А если не знать, что они сняты по книгам и не читать их, то и вовсе можно не расстроиться и не писать потом гневные или печальные комментарии, что книга лучше. Сравнение мешает счастью, не помню, кто сказал, но сказал он или она верно. Все так и есть.

Сравнение мешает счастью. Но человек не может не сравнивать, мы слишком социальные и не имеем возможности изолировать себя от общества. Общества потребления. Высшего общества. Общества агрессивных и нетерпимых к инакомыслящим. Общества с ограниченной ответственностью. Общества мертвых поэтов. Общественности.

Чего только не думал я, лежа в этой мрачной палате с крашеными стенами. Пытался переосмыслить всю свою жизнь, извлечь какой-то урок. Вот только не понял, что не так. Не разобрался тогда, не понимаю и сейчас. Я же не Эйнштейн все-таки и не Перельман.

Через два месяца меня выписали, но я еще долго проходил реабилитацию. Я носил корсет.

Я ходил на ЛФК. Я ходил на массаж. И на физиопроцедуры. Я чувствовал себя калекой. С острова Инишмаан или с какого-либо другого острова. Я не мог нормально двигаться. Денег не было. Пришлось переехать к матери, есть ее бесконечные плюшки и пироги. Я не вылезал из депрессии, не знал, чем себя занять. Все больше и чаще вспоминал Несс.

Возможно, именно поэтому я и подсел на онлайн-покер. Я наткнулся случайно на этот сайт, будь он трижды не ладен. От нечего делать зарегистрировался и решил поучаствовать в игре. Ради этого, собственно, и регистрируются. Естественно, выиграл. Это даже не обсуждается. Новичкам везет. Так ли везет? Или кто-то способен такому везению? Вторую игру также выиграл. Более того, и третья партия с четвертой остались за мной... Шестую партию я проиграл. За ней и седьмую. И следующие три.

Умение остановиться — вот что важно в такой ситуации. Я не смог остановиться. И проиграл вроде немного — около шести тысяч. Но это немного, когда в месяц зарабатываешь тридцать тысяч, а когда не зарабатываешь совсем, то солидно. И даже очень. В итоге я просадил все деньги, какие были в доме, а после спихнул в ломбард и ящик.

Мать не смогла смириться с утратой телевизора. Если деньги, хоть и после долгого ворчания, она мне простила, то расставание с ящиком прошло для нее слишком болезненно. Блудный сын ненадолго вернулся в отчий дом и был с позором и скандалом выставлен. Без денег, в корсете, с зависимостью от азартных игр.

Валера приютил у себя. За что ему спасибо. Маме тоже спасибо. Ее решение отрезвило меня немного. Валера отключил Интернет, отобрал телефон. А потом как-то мозги встали на место, и я понял, что ничего глупее и придумать невозможно.

Ну что это за занятие? Как вообще можно играть на деньги? Горбатишься ради каждой копейки, а потом за час можешь слить результат целого месяца работы. Проще сразу спустить в унитаз. А лучше послать в благотворительные фонды. Но в фонд жалко, а проиграть — не жалко.

И опять я много думал. И о том, что деньги — зло, и том, что нужно что-то менять, и снова о Несс. Перемены я начал с того, что уволился с работы. Я и так уже, по сути, не работал, скорее помогал. Разрабатывал с Ингой сценарии. Не мог же я совсем сесть на шею Валеры. Но как только сняли корсет, я взял в долг у него десятку, снял квартиру на окраине и устроился билетером в «Киномакс». Читал, смотрел кино, продавал билеты. Нагрузка позволяла. Вечерами пропускал пару бутылочек и снова читал. В комнате, кроме дивана и шкафа с книгами, ничего не было. Мне нравился этот минимализм. И отсутствие Интернета. Книги были по большей части советские. Островский, Фадеев, Маяковский, Твардовский, Хармс, Есенин, Симонов, Зощенко, Васильев. И немного классики. Собрание сочинений Пушкина. Собрание сочинений Гоголя. Собрание сочинений Толстого.

С Толстым у меня не складывалось. Поэтому вдавился в изучение Гоголя и немного Маяковского. Гоголь мрачный, но очень смешной. Вот он умел прописывать характеры. Сочные, яркие. Несколько предложений, и уже живо себе представляешь, что это за Собакевич такой или Коробочка. Плюшкин так и вовсе. Ненавистный Плюшкин, которого я неплохо, кстати, играл. Вернее, репетировал.

А Толстой вечно нравоучительствовал. Да и слог у него пожестче. Может, такой и должна быть литература. Он якобы открывает всем глаза, но ведь люди все разные, все личности, индивидуальности. И что хорошо и правильно одному, то совершенно не подходит другому. А про «не убий», «не укради» и «будь хорошим человеком» давно сказано в Библии. Хотя кому-то и помогает, вроде как за советом к мудрецу или психоаналитику обращаешься.

В школе я особо не читал классику. Вот и наверстывал упущенное. «Мертвые души». «Вечера на хуторе близ Диканьки». «Шинель». «Тарас Бульба». «Записки сумасшедшего».

Мне казалось, что я тоже не просто так листаю страницу за страницей, что обязательно что-то пойму, познаю великие тайны, новые смыслы, побываю в новых мирах, рожденных фантазией гениальных писателей. Ничего. Просто или интересно, или не очень интересно, или очень неинтересно. Из неинтересного оказался Пришвин и местами Маяковский. Но чего-то большего о себе или о мире я не узнал.

А вот новая работа меня не напрягала, как и спина. Коллектив попался достойный. Вернее, ничего особенного. Стандартный такой молодой коллектив. Светловолосые девочки. Субтильные стильные мальчики.

Почти год я проработал в «Киномаксе». Ни с кем не встречался. Все так же вспоминал Несси. Предпринял еще пару тщетных попыток отыскать ее. Прочитал все книги, что были в квартире.

Затем Валера решил поменять сферу деятельности и перешел на квесты, которые к тому времени стали дико популярными. Он назвал контору «Фобос» и снова позвал к себе.

Наверное, это было не лучшее решение, но я устроился оператором квеста.

— Здравствуй, меня зовут Илья, и сегодня я буду следить за вашей игрой и помогать или не всегда помогать вам в прохождении нашего квеста. Раньше в квестах принимали участие?

— В квестах — да.

— Отлично, тогда сразу приступим. Квест не сложный, но в принципе интересный. Загадок не так много, но зато подвигаетесь. Ну что, проходим?

— А легенда?

— Ах да, легенда. В далеком 1967 году в штате Мичиган произошло необычайное событие. При трагических обстоятельствах пропал двенадцатилетний Майкл Митчелл. Что-то на «м» все. Городок был маленький, и, естественно, все были просто на ушах. Кто-то говорил, что как раз накануне видел яркие вспышки света на небе и утверждал, что мальчика похитили инопланетяне, кто-то вспомнил древнюю легенду про оборотней, возможно, он был съеден одним из них. Кто-то считал, что он просто сбежал в лес и потерялся или утонул в реке. Детектив Харрис напал на след и почти разгадал эту тайну, однако сам пропал таинственным образом. Остались лишь несколько записей в блокноте, которые помогут вам разыскать доктора Харриса, а вместе с ним, возможно, и малыша Майкла. У вас есть ровно час на поиски, пока не приехала полиция и не начала свое расследование. Готовы?

— Да. А у нас есть подсказки?

— Есть.

— Сколько?

— А вам сколько надо?

— Ну, три.

— Тогда есть две.

— Почему?

— Да там все просто. Да, и еще. Там у нас парнишка будет бегать, буяннить, беспокоить вас. Вы его не бойтесь, он безобидный, хоть и немного того.

— В смысле?

— Ну, того... Актер же. Скажите ему, что, глядя на него, Станиславский бы удавился.

— А он не опасный?

— Нет, вы, главное, его не трогайте. Предметы все можете трогать, а его не надо. Ах да, и еще. Нельзя пользоваться фонариками и мобильными телефонами. Ну, вот и все. Удачной игры, а я буду на вас поглядывать с монитора. Если захотите получить подсказку, поднимите руку. Но интереснее все-таки самим обо всем догадаться.

Как-то так я и работал. Поначалу я старательно выполнял свою роль, был вежливый, как джентльмен или даже как британская королева. Но очень быстро мне это надоело. Эти легенды — какое-то убожество. Да и посетители порой так тупили, что можно было только за голову хвататься. И Славик этот. Актер погорелого театра. Тоже наш кулек окончил. В универ его не взяли, но он не может жить без театра. Вот и пришел к Валере. Вот и устраивал из двадцатисекундного появления целое шоу. Старался напугать посетителей до потери сознания в образе привидения. Но дело было не в его игре, а в том, что он тихо и внезапно появлялся в белой простыне и начинал мычать в самое ухо. Я бы тоже обделался. А он был доволен.

Затем, чтобы развеселиться, я начал немного побухивать. Не сильно, так, для удовольствия. Не больше Валеры, кстати. Только он делал это после работы, а я во время. Нехорошо, конечно, но правда становилось веселее, и злость пропадала. Не то чтобы я прям злился-злился, но, думаю, всех напрягает однообразие, а работа оператора квестов невероятно однообразна по сравнению с работой аниматора, хотя и не так унизительна.

Затем я фоткал команды. Раздавал им обратно мобильники. Собирал деньги. Спрашивал про ощущения, пожелания. Приглашал их приходиться на новые квесты. И оставлять отзывы в соцсетях. Потом я выкладывал фотку в группу с подписями: «Веселая команда „Борщ“ выбралась из комнаты за 48 минут». Или: «Задорная команда „Лысый у руля“ справилась с заданием за 44 минуты». Или: «Есть рекорд! Проявив чудеса организованности и смекалки, команда „Дети Йети“ выполнила все задания без единой подсказки и выполнила квест за 31 минуту. Поздравляем!»

Если команда не успевала за час, я давал им три дополнительных минуты. И долго потом потешался над их неудачей. Честно сказать, мне нравилось наблюдать за беспомощностью людей. Они такие вроде бы напористые, уверенные в себе. Но их несложно поставить в тупик, озадачить, обвести вокруг пальца, лишить уверенности. А растерянный взгляд многого стоит. И не потому, что ты в этот момент чувствуешь себя сильнее и выше. Ты ведь тоже не вершитель судеб. Хотя бывают и такие, но, к счастью, мало. Просто подсознательно к такому всевластию и стремится человек. Но ему полезно показать, что он уязвимый, как и все на нашей планете. И растерянный взгляд делает его человечнее.

Теперь вот и я в полной мере осознаю свою уязвимость. Недаром в этом слове корень «язв». Язва. Только язва — ерунда по сравнению с раком.

Мне не нравилось, что единственное наказание в квестах — это почувствовать себя неудачником. Хотя, безусловно, немаленькое, но хочется чего-то большего, существенного. Не знаю, временную татушку «Не справились с квестом» или публичного унижения. Покукарекать, там, или спеть «Белые розы», или хотя бы часок посидеть в темном сыром подвале. Иначе получается какое-то кидалово. Ты в любом случае выбираешься из комнаты, либо сам, либо тебя из нее выводят.

Но людям все равно нравится. Людям вообще много чего нравится. Например, реслинг. Хотя почти все уже знают, что это шоу, а не бои, но смотрят с удовольствием, не возмущаются. Так и тут. Понятно, что Славик никакое не привидение и вообще никто не пропадал, да и вы в доме на Ленина, а не в Мичигане, но условность легко допускается человеком. И вот уже смеются, шутят, ломают головы, сами вживаются в образы. Девушки не скрывают эмоций, визжат от страха и от радости. А то, что легенды мало имеют отношения к заданиям, мало кого волнует. Люди терпят и даже радуются, когда их обманывают. Лишь бы не сидеть дома, лишь бы убежать от одинаковости и серости будней. Были и такие, которые не пропускают ни одного квеста, появившегося в городе. Такие как раз быстро и расправляются со всеми заданиями и быстро сваливают. С ними проще, им ничего рассказывать не надо, им, наоборот, не терпится зайти в комнату.

Интересно, а Несси ходила на квесты? Вряд ли, это же надо собрать компанию. Как минимум, четыре человека.

А еще есть идиоты. И немало. Объясняешь им, что дергать ничего не надо, трясти тоже, толкать, бить. Сломаете. Без толку. Шевелить мозгами — это не их. Сломают что-нибудь, а Валера потом из зарплаты вычитывает. Раз в неделю стандартно что-нибудь крякалось. Мы так с Алисой и познакомились. Брат ее тупоголовый со всей силы за ручку дернул и вырвал с корнем. Хорошо, что только ручку. Один умудрился погнуть сейф. Лучше бы он теорему Ферма доказывал с таким упорством или волонтерам помогал в приютах для животных. Но сейф погнуть проще, конечно.

Не знаю, что повлияло больше: то, что я был навеселе, или маленькая родинка у нее над губой, или то, как она взяла меня за руку, когда слезно просила не убивать ее тупого брата. А может, и все вместе. Но я не сомневался, когда набрал свой номер телефона на ее мобильном и написал «Илья (квест)», прежде чем вернуть его и отправить всю команду подальше с глаз долой.

На следующий день я позвонил, долго объяснял, кто я и как заполучил номер, но когда позвал прогуляться или посидеть где-нибудь, выпить кофе, она согласилась, не раздумывая ни секунды, словно знала, что я позвоню и приглашу на свидание.

Алиса не была красавицей. Нормальная. Точнее слова не подобрать. Но мне понравилось, что она и не пыталась казаться красивее. Она пришла в джинсах и блузке, в кедах, без макияжа. Только губы накрасила да лаком побрызгала волосы, чтоб не растрепались. Потом я понял, что ей просто было лень тратить столько времени на

наведение марафета, но тогда я этого не знал. И плюс она не была такая напористая, как Альбина.

Мы ходили по набережной. Мы мотались по центру. Мы смотрели, как падают начинающие роллеры и скейтеры. Мы слушали, как поют уличные музыканты. Потом мы смотрели какую-то глупую и наивную мелодраму. И в конце, когда главные герои, преодолев все трудности, поцеловались, мы, следуя их примеру, взялись за руки и впились друг в друга не менее страстно и продолжительно.

Вот и что она там делает? Вернулась к брату? Обсуждает с подругами, какой я козел? Купила килограмм мороженого и ест? Отправилась в клуб на вечеринку? Меняет статус во вконтакте? Строит глазки декану?

Бросила она меня. Бухаю я, видите ли. Нет, мы частенько ссорились, даже на повышенных тонах. Даже били посуду. То есть она била. Я только в стены стучал кулаком. По несколько дней не разговаривали, но всегда, всегда она первая же сдавалась. И всегда находился повод. То кран неожиданно начнет течь, то обои отклеятся, то нужно картошки купить, то новое платье, то сериал не с кем обсудить.

Алиса учится на последнем курсе юрфака. Сама бы не поступила, но они с братом сироты, им положены льготы. Поэтому сперва он отучился на экономиста, а теперь вот такой «замечательный» юрист получит диплом бакалавра. Как бы еще в аспирантуру не пошла. Хотя мне-то какое дело? Пусть идет куда хочет, хоть на все четыре стороны. Тупица. Злыдня. Кикимора. Рыба пучеглазая. Амеба одноклеточная.

И меня вновь захлестнула дикая ненависть. Ну, позвони же сама. Или возьми трубку. Возьми! Нет и нет.

С одной стороны, хорошо, что ушла. Это было неизбежно. Долго я сам не выдержал бы. Но с другой стороны — обидно. Всегда обидно. А тут еще в такой день, с таким известием. Я почувствовал себя самым несчастным и одиноким человеком на свете. Брошенным и забытым всеми. Я смотрел в окно и ненавидел людей. Я варил пельмени и ненавидел пельмени. Я поливал алоэ и ненавидел алоэ. Я просматривал почту и ненавидел Интернет. Я ненавидел все и всех. Я валялся прямо на полу и рисовал на обоях. Звезды, кометы, космос, инопланетян. Интересно, у них есть какие-нибудь болезни? У них есть рак?

Волтер Вайт, конечно, круто справился с этим, но он вымышленный персонаж, ничего такого не было. Хотя его мужество должно вдохновлять если уж не на великие подвиги, то хотя бы на смелую борьбу с проделками вселенной и мерзким недугом. Должно, но ни черта подобного. Я растекся, как масло по сковородке, растаял, как мощный сугроб от первого луча солнца, сломался и проржавел, как соседская «лада-гранта».

Раздался звонок. Неужели? Одумалась? Соскучилась? Пополнила баланс?

Звонил Валера. А вот с ним у меня не было ни малейшего желания разговаривать. Уволил он меня. Да я сам уволился бы. Сколько можно смотреть на этих недоумков? А на Славика? «Вот я сегодня дал, Козловский бы обзавидовался». А теперь звони, хоть обзвонись. Поставлю в черный список, и адье. Но не поставил. Перевел на бесшумный.

Он прислал смс: «Илюха, ты где? Что не отвечаешь? Обиделся?»

Еще и звонит как ни в чем не бывало. Небось коньяк купил. Один-то он пить не может. Уши нужны, чтобы Валера заплакался, что бизнес мало приносит, что никак не может отыскать помещение для второго квеста, а у него еще кредитов на пол-миллиона, и Инга никак не может забеременеть, и он уже второй год никуда не ездил отдыхать. Даже в Египет.

Валера, есть люди, у которых нет конечностей. Не думаю, что им легче. Но зачем его должен волновать кто-то еще? Да не только он такой. Я тоже раньше не очень-то

о них задумывался. А теперь вот... И я нарисовал на обоях колясочника в форме хаки, печально разглядывающего свои обрубленные конечности. А затем однорукую серфингистку. Для людей нет преграды, если они сами так решили. Затем я нарисовал пельменя с костылями и одноногого осьминога. То есть просто однонога. Такого бы даже дети не испугались.

И завершил мою коллекцию рисунков большой желудок, в котором сидел пока маленький, но злобный рак с выпученными глазами, длинными усами, острыми клешнями и почему-то в нелепой бейсболке. Он был болотно-зеленого цвета и воткнул свою мерзкую клешню в стенку несчастного желудка. И не сварись такого. С десятком братьев и сестер. Да с пивом. Эх...

Я залез в ютуб и начал смотреть различные ролики. Сто лет назад я такого бы не увидел. Чего уж говорить про сотни и тысячи лет. А тут, пожалуйста, сиди — пьялся до посинения. Хорошая все-таки штука Интернет. Земля из космоса в сети, конечно, с реальным ощущением из реального космоса никак не сравнится, но, черт возьми, это Земля из космоса, и чтобы ее увидеть, мне даже на балкон не нужно выходить. Лежишь себе на диване, как последний неудачник, и смотришь, как вертится планета. А когда-то Галилея чуть на костре не сожгли из-за одной этой фразы.

Из космоса Земля не кажется огромной, как из окна, скорее наоборот, там дальше такие просторы, что любая фантазия сможет только позавидовать. А мы всего-то на четыреста километров в высоту продвинулись. Это не то что освоение космоса, это мы даже ступни не намочили, собираясь поплавать в Тихом океане вселенной. Не очень удачное сравнение, но я и не поэт, чтобы удивительные образы отыскивать. Главное, что так и есть.

Когда-нибудь и на Марс полетим, и на другие планеты. Вернее, не мы, а потомки и явно не через одно поколение, но люди привыкли говорить мы, притом что никакого отношения к космонавтике или ракетостроению не имеют. Вот и я лежу себе на диване, умираю потихоньку и думаю: «Эх, а как на Марс полетим, не увижу». Но я в любом случае этого не увидел бы. Они же не торопятся, это же не новый айфон выпустить и каждый год презентовать следующее поколение. Это реально сложно.

И если уж честно разобраться, то до Марса мне дела-то и нет. Марс и Марс. Хоть «Сникерс». Тут и на Земле неплохо. Только недолго. Просто приятно осознавать, что человек — крупинка во вселенной, но тоже кое-чего может. Кто-то может, не я, но кто-то. И хорошо, что может. Я бы даже сказал, просто великолепно. Еще бы кто этот рак смог одолеть...

А потом я посмотрел на Луну, заснятую со спутников, и даже на Солнце. Вблизи оно крутое, но не такое приятное на вид, каким имеем удовольствие его знать мы. Никто не станет спорить, что небесный оранжевый блин вызывает у всех симпатию. А тут оно похоже на гигантский костер, регулярно выпускающий огненные гейзеры. И если на огонь можно смотреть вечно, по крайней мере, так говорят, то пляться на Солнце и Луну мне быстро надоело. Особенно на Луну. Круг за кругом одно и то же показывается, без изменений. Я понимаю, там работали бы космонавты и за ними можно было следить, или НЛО возникло какое. А так один пейзаж. Кратеры, кратеры и снова кратеры. Вот и что нам там делать? На Луне этой.

Лучше уж на рыбок смотреть. И я нашел трансляцию из какого-то водоема. Рыбки побольше. Рыбки поменьше. Один косяк. Другой. Водоросли. Появился водолаз и всех распугал. Я помахал ему рукой, но, конечно, он не увидел. А я махал, как заведенный. Я ведь никогда не нырял с аквалангом. И на рыбалке был всего один раз. И то в детстве, и, кажется, не поймал ни одной рыбины.

Да если начать перечислять то, чего я еще не пробовал и не делал, может уйти пара суток. Не был за границей. Не был на концерте «Radiohead». Не видел ни одно из

чудес света. Не взбирался ни на одну гору. Не снимался в кино. Не давал интервью. Не путешествовал на корабле. Не получал премий и наград. Не играл в гольф. Не играл в бейсбол. Не прыгал с парашютом. Не летал на воздушном шаре...

А потом вышел в вк и написал на стене: «Я никогда не прыгал с парашютом». Почти сразу появился лайк. Минут через десять Славик оставил коммент: «Я тоже». Неудивительно, Славик. Какие тебе прыжки? Разобьешься, шоу-бизнес не переживет такую утрату. «Я тоже» — верх оригинальности. Как я вообще добавил тебя в друзья?

Еще через полчаса в друзья постучался аэроклуб «Пирогово» и тоже оставил коммент. Не беда, приходите к нам. Прыжки с инструктором от 4000. Как они мониторят, не понимаю. Вот стоит только такую фигню выложить, сразу набегает куча рекламщиков. Как тут не поверить Сноудену? Реально и шага без присмотра не делаешь. Бесит. Какая, к черту, тут свобода? О чем вы?

Не скажу, что размышления мне чужды, но тут на меня целый ураган мыслей нахлынул. И про космос, и про жизнь, и про искусство, будь оно не ладно, и про Несси, и про историю человечества, и про животных, которые не знают про лекарства, не осознают, что болеют, вернее, не понимают, чем болеют. Когда с организмом что-то не так, даже тушканчик разберется в том, что это ненормально, что ты болеешь, и так быть не должно. Но и человек не очень-то отличается от того же тушканчика, единственное, что он может пойти к доктору, описать симптомы или поведать кому-нибудь еще о своих страданиях. Но кому они нужны? Кому? Кто такой человек во вселенском масштабе?

Я нашел один сайт, где наглядно можно посмотреть размеры вселенной. Видимой нами вселенной, это важно, потому что она может быть в десятки или в миллионы раз больше. Двигаешь мышкой и отдаляешься, вот сначала смотришь на себя, потом на себя в квартире, потом в доме, потом в стране, в планете, и ты все меньше и меньше, а там уже другие планеты, другие галактики, за ними еще галактики, звезды, и уже наша Земля не больше точки, и вот ее незаметно, а галактики все идут и идут. Сотни, миллионы галактик. Вот и кто ты в таком огромном пространстве? Микробы? Да и они, пожалуй, больше размером.

А может, мы и есть микробы в чьем-то организме и только думаем, что живем полноценной жизнью. Но это лишь миф. Или сон, как в матрице. Что если мы всего-навсего компьютерная программа? Персонажи игры «Симс», не более. Вот и кому тогда нужны наши страдания? Звездам? Солнцу? Метеоритам? Это мы на них смотрим, это мы о них знаем, а им плевать, кто мы, где мы и что умеем и чувствуем.

Нам впаривают, что жизнь бесценна. Все уникальны. Ха-ха. Но при этом твердят, что надо быть, как все, и выбирать айфон. В чем тогда уникальность? Мы заложники. За нас решают, за нами следят, нами управляют, нами командуют, нам впихивают. Наше мнение никого не волнует. Мы должны пить колу, любить «Сникерс» и мечтать о «феррари» или хотя бы «бэнтли». Ездить на «ладе-калине» (кто-то же должен на ней ездить), но мечтать о чертовом «феррари».

Ну, вот Бог. Он всемогущий. Он посылает нам испытания и радости. Стало быть, это его рук дело. Ну, или чем он творит свои деяния? Пусть руками, неважно. Вот он послал мне испытания, короче говоря, тоже квест. А сам он, как оператор, будет следить, выберусь я из этой комнаты или нет. Но тогда он совсем недобрый получается. Тогда это уже какой-то садизм получается. Ну, знаешь ты, что мы слабые, что от любой ерунды заболеть можем, в любой моменты ласты можем склеить, так и зачем тогда еще подлости такие творить? Мы-то не бессмертные. Или он хочет, чтобы мы поверили в него и начали умолять пощадить нас, избавить от болезней? Но это ничем не лучше. Мы должны будем лоб расшибать, унижаться, просить, а он будет упи-

ваться всемогуществом и в зависимости от настроения или даже не знаю чего снисходить до наших просьб или не снисходить. Это уже какие-то комплексы из детства получаются.

Нет, некоторые все же вымаливают себе здоровье или несколько лишних лет жизни, но именно что лишних, потому что сама болезнь уже намекает на то, что тебе пора, что ты уже не жилец на этой грешной планете. Но для спасения они прилагают очень много усилий, просто немыслимо много. И столько же унижения. Да и медицина скептически относится к таким чудесам, и вполне обоснованно. А я не особо-то религиозен. Впрочем, и в медицину не сильно верю. Нет, она, конечно, лечит человечество, спасает жизни, делает сложные операции, но при этом явление «здоровый человек» никому не выгодно. Те же таблетки — яркий тому показатель. У нас аптек стало больше, чем супермаркетов. Как говорится, болей себе на здоровье. Главное — плати, а уж мы тебя вылечим. Но не совсем, а то больше не придешь, не купишь, выручку не сделаешь. В Америке вообще страшно заболеть: можно лишиться состояния.

А если бы я жил в Америке? И тут этот рак. Вот у них точно нужно быть абсолютно здоровым, иначе просто разоришься. Но им-то невыгодно, когда все здоровы, поэтому надо, чтобы ты пил кока-колу, кофе, ел гамбургеры, пиццу, барбекю, обрастал жиром. Жирный человек — это хорошо. Для них. Это проблемы с обменом веществ. Это проблемы с давлением. Это проблемы с сердцем. Это одышка. Это проблемы с желудком. Это проблемы с сосудами. Это проблемы с позвоночником. Это проблемы с кожей. А это все больше и больше таблеток, частые посещения врачей, анализы, процедуры, тренажеры и очень много денег.

Я вдруг резко разозлился, снова открыл вк и написал: «У меня чертов рак». Практически тут же зазвонил телефон. Валера, кто же еще? Я отключил его. Верный друг.

Дружба крепкая
 Не сломается,
 Не расклеится
 От метель и вьюг.
 Друг в беде не бросит,
 Лишнего не спросит —
 Вот что значит настоящий
 Верный друг.

Почему-то вспомнилось. Дурацкая песенка. Верный друг. Теперь он, конечно, окажется верным. Только кто знает, если бы в студенческие годы мы меньше клялись, может, ничего сейчас бы и не было. Но, может, это и не от пошлости, хотя какая сейчас уже, к черту, разница? Я болен и неважно от чего. Неважно, черт возьми! Неважно.

Вышел в яндекс, открыл музыку, включил «Radiohead». Под него самое то упиваться своей слабостью. Я слизняк, я чудила — запел Том Йорк. Ну, прелесть же, прелесть, а не песня.

Минут через двадцать подобных самобичеваний в дверь возмущенно забарабанили. Соседи? Не так уж и громко поет Том. Да и время едва перешагнуло одиннадцать. В конце концов, у меня рак. Могу и после одиннадцати слушать музыку. И даже после двенадцати. И вообще в любое время.

На всякий случай сделал потише. Но стуки только усилились. Вот упертые бараны! В баню всех соседей! Стуки стали еще громче. Пошел открывать. Делать было нечего. Иначе бы еще полиция приехала. А на черта мне эта полиция?

Передо мной стоял Валера. Очень злой. Прямо молнии из глаз. Он оглядел меня с ног до головы и начал возмущаться.

- Дебил, — сказал Валера.
- Сам дебил, — сказал я.
- Что за тупые приколы? — спросил Валера.

Я не ответил.

- Трубку не берешь. Статусы какие-то дурацкие пишешь, — продолжил Валера.
- Сам ты дурацкие. Нормальные статусы, — ответил я.
- Ненормальные. Кто такими вещами шутит?
- Я не шучу.
- Не шутит он, — передразнил он, — серьезно, что ли, не шутишь?
- Серьезно. У меня рак.
- Илюха...

И он крепко обнял меня и даже чуть прослезился. Не то чтобы я не видел до этого плачущего Валеру, видел, и не раз, он любил по пьяни пустить слезу, но то ли оттого, что он плакал из-за меня, то ли из-за эмоциональной нестабильности я сам растрогался, как наивная первоклассница. И вот стояли мы, обнимались и шмыгали носами. Прямо «Горбатая гора» какая-то. Но в этот момент я почувствовал облегчение, словно весь груз, что скопился во мне за эти сутки с небольшим, я смог перевалить на широкие плечи Валеры. Пусть ненадолго, но мне стало как-то спокойно. Все же приятно осознавать, что ты не один в этом мире и кто-то думает о тебе и в нужную секунду готов протянуть руки.

- Мы щас как в «Горбатой горе», — подтвердил мои мысли товарищ.
- Ага, — только и ответил я.
- Илюха, как так? Я не понимаю.

Я пожал плечами.

- Такое бывает вообще?
- Как видишь, бывает.
- Рак чего?
- Желудка.
- Какая стадия?
- Третья.
- Шансы есть?
- Они вроде всегда есть и у всех, но небольшие.
- Главное, что есть. Как ты?
- Прекрасно. Блюда стабильно, три раза в день.

Мы по-прежнему стояли на пороге.

- Может, зайдешь?
- Ах, да, конечно. Вот ты меня огорошил.
- Я сам немного прифигел, — сказал я, закрывая дверь.
- Бред какой-то, — не унимался Валера, — может, ошиблись с диагнозом?
- Хотелось бы, но нет. Доктор показывал снимки. Злокачественная опухоль.

Хрень какая-то, я не очень понял, где она там, но он говорил очень уверенно.

— Блин, разве бывает так рано? Это же не лейкемия, обычно же после сорокета или даже полтинника.

— В таком возрасте нечасто, но как видишь, я попал в ряды счастливиц, — пытался пошутить я.

- Не смешно, — ответил Валера.
- Согласен. Не смешно. Грустно. Чаю будешь?
- Какой на хрен чай? Надо что-то делать, надо спасти тебя.
- О, «Чип и Дейл спешат на помощь», — ухмыльнулся я.
- Да пошел ты. Я серьезно. Надо найти хорошего доктора, хорошее лекарство.

— И хорошие деньги, — продолжил я.

— Как можно в такой момент думать о деньгах?

— Вот этим и пользуются хорошие доктора и хорошие лекарства. Тем, что в такой момент о деньгах люди не думают. Но не у всех есть такая возможность — не задумываться о том, что сколько стоит, потому что можешь позволить себе что угодно.

— Чего?

— Да ничего. Валер, давай не будем об этом. Я уже голову себе сломал всеми этими мыслями.

— Но надо же что-то делать, старик.

— Надо, но не сейчас. Мне еще и переварить надо все. А я всего сутки, как узнал.

— Вчера?

— Да.

— Блин, а я тебя как раз уволил.

— Ты же не знал.

— Вообще некрасиво получилось.

— Ну да, приятного немного.

— Хочешь, возвращайся.

— Нет уж, спасибо. Мне теперь как-то не до работы.

— Ну да, да, извини, туплю. Просто это реально неожиданно.

— Я тебя понимаю, — и с проникновенным выражением лица положил руку ему на плечо.

— А где Алиса?

— Нет Алисы. Ушла.

— Куда?

— Совсем ушла. Домой.

— Она в курсе?

— Нет.

— Старик... Да что ж за неделя такая?

— И не говори.

— И что, ты теперь один?

— Как видишь....

— Блин, не могу поверить, не могу поверить, — заладил он, как попугай.

Как будто ему поставили такой диагноз, а не мне.

— Старик, ты же понимаешь, что можешь рассчитывать на нас, мы тебя никогда не оставим. Любая помощь, все, что в наших силах.

— Спасибо, Валер.

И мы снова обнялись. И я снова чуть не расплакался. Слезливая мелодрама. Словно я попал на съемки фильма про очередного смертельно больного.

И тут мне снова захотелось шашлыка.

— Любая помощь?

— Любая, — подтвердил он.

— Ты сам это сказал.

— Уже страшно, — ответил Валера.

— Шашлык хочу.

— Шашлык?

— Ну да, обычный свиной шашлык, с лучком, огурчиком, кетчупом и хлебом.

— Понял, сделаем, — улыбнулся и ушел.

Видимо, и сам не против был умять пару кусочков. Или не пару.

Через полчаса мы сидели на полу в зале перед экраном ноутбука, смотрели «Криминальное чтиво», разжевывали плохо прожаренное мясо и запивали крафтовым пивом.

Валера порядком захмелел.

— Как ты, Илюха? — спросил он, снова обнимая меня.

— Все так же.

— Не грусти, мы обязательно тебя вытащим, обязательно, — решительно произнес он, допил одним глотком очередную бутылку и мгновенно вырубился.

Чудо в перьях. А вот мне спать не хотелось. Я подумал, что нужно составить завещание. Потом понял, что оставлять-то мне особо нечего, да и некому. Немногим успеваешь обзавестись к тридцати годам, если, конечно, у тебя не моторчик в пятой точке или хорошая профессия. Что я оставляю? Семь поношенных маек на каждый день, шорты с пальмами и стертые кеды? Даже секонд-хенд не будет прыгать от восторга от такого наследства. Кто вообще придумал это наследство? Вот я должен теперь ломать голову, что кому оставить. Мне же больше не о чем думать.

Валера посапывал на полу, обняв бутылку. Это он пока не разошелся, скоро можно будет хоть беруши надевать. Правда, и они не сказать, что спасают. Интересно, как Инга с этим борется? Или давно не борется, а смирилась и просто старается заснуть раньше? Алиса так и делала, потому что храплю я на самом деле не хуже Валеры. Укрыл его пледом и доел последний кусок шашлыка. Вкусно, черт возьми. Как можно добровольно отказаться от мяса, непонятно.

За окном раздались трели сверчков. Вот кому дела нет до того, что происходит с людьми, им что эпидемия, что массовый психоз, в ваших домах — делайте, что вздувается, а у нас хор по расписанию, поэтому, хотите вы этого или нет, мы будем петь. И поют.

В жизни есть немало приятных звуков. Песни Тома Йорка. Голос Стинга. Звучание дудука. Трели сверчков. Любимые фильмы. Урчание котов. Шум моря. Стук дождя по стеклу. Голос и смех любимого человека. Бой курантов на Новый год. Звон хрустальных бокалов. Мерное потрескивание костра. Шкворчание котлет или яичницы на сковородке. Шорох страниц. Громкие аплодисменты, переходящие в овации.

Вышел в вк. Несколько лайков. Очередные комменты про не смешно. Опять нарисовался Славик. Парочка волгоградских ребят отписались, с которыми после отъезда ни разу не общался. Кошмар. Жуть. Охренеть! Правда?

Правда, правда, блин...

Один придурак написал: «Я знал». Знал он, тоже мне Ванга.

Остальные кинули сообщения в личку: Держись, Илюха!

Спасибо, денег нет, но я держусь, только не знаю за что.

Это так страшно. Не представляю, что ты сейчас чувствуешь.

И не представляй, не надо. Живи и радуйся. Зачем огорчаться-то?

Чем мы можем тебе помочь? Вот именно чем, ребята? Вы же не вылечите меня, это же не потеря крови, когда тупо перелили и спасли человека. Какая тут помощь? Ну, денег можете дать. Это скрасит мои страдания. Будет проще держаться.

Жизнь — боль.

Не то слово. Еще какая.

Не опускай руки! Ты обязательно надерешь задницу этому проклятому раку!

Ага, так и вижу, как стою с хворостиной в руках и луплю рак по попке. Долго и безжалостно. Спасибо за поддержку.

И дальше в таком же роде. Я перестал читать, решил оставить на завтра.

Нет, конечно, приятно, что люди отреагировали, пишут, подбадривают, но с другой стороны, это лишний раз подчеркивает пропасть, образовавшуюся между нами.

Не хочется чувствовать себя неудачником. Я нарисовал, как я розгами наказываю рак за плохое поведение. А затем вытащил из кармана Валеры бумажник, вынул из него две тысячные купюры, положил бумажник обратно и вышел на улицу.

Не так много заведений, куда можно пойти в час ночи. А я именно что пошел, решил обойтись без такси. Ветер приятно обдувал лицо, неоновые рекламные вывески и фонари освещали пустынные и мрачные улицы города, отчаянно лаяла собака. Животные никогда не стесняются своих чувств, это мы всегда что-то прячем, обманываем, находим всевозможные умыслы. Не нравится ей, она и гавкает. Я тоже попробовал гавкнуть, но вышло тихо и неуверенно.

Зато я совсем не чувствовал боли. Возможно, подействовало пиво, а может, нужно просто было выбраться из дома. Сама атмосфера давила с невероятной силой. Видимо, там успела образоваться негативная аура.

Через полчаса оказался возле «Зажигалки». Как-то раз мы ходили сюда с Валерой, но были изрядно набравшиеся, и память мало что сохранила. Собственно, только название и сохранила.

Отдав первую тысячную купюру на входе, я прошел внутрь и пристроился на диванчике в углу. Потом подошел к барной стойке. Цены, у них, конечно, аховые. Самое дешевое пиво — триста пятьдесят рублей за бутылку. Взял подороже — за четыреста — и чипсы. Пиво и чипсы — идеальная пара. Одно портит печень, другие — желудок. Но мне уже нечего бояться.

Пиво было слишком горьким, и это больше всего меня расстроило. Хотелось приятно посидеть, но горькое пиво всегда вгоняло меня в тоску, напоминая, что я выбрал явно не самый вкусный напиток из возможных. Я остановился посреди бара. Мой столик был уже занят веселой компанией парней, на шесте крутилась очередная стриптизерша. На часах было около четырех часов утра. Нужно было возвращаться, а то Валера ненароком проснется и сильно удивится, не обнаружив меня в квартире. Вдохнув напоследок аромат кальяна, я вышел на улицу.

Город окутал туман. Светало. Мне вспомнилась песня «Сиреневый туман». И правда, туман был каким-то густым и сиреневым, звезды уже не горели, горели фонари, и было пустынно и тихо. Пустынно и тихо, как у меня в душе. Город спал мирно и беспробудно. Даже дворники еще не проснулись. Я шел по улицам и слушал тишину. Сейчас она не казалась мне пугающей.

Спал и Валера. Его храп встретил меня у самого порога. Насладился тишиной. Я специально погромче тряхнул ключами. Он услышал, заворочался, перевернулся на другой бок. У меня есть минут пять, чтобы отрубиться и поспать пару часиков. Мне хватило минуты. Как только голова коснулась подушки, я словно начал падать в пропасть и тут же увидел себя бегущим по полю среди ржи и ловящим маленьких детей, играющих на краю этой самой пропасти и так и нороящихся ухнуть в нее со всего разбегу. Это был сон. Может, стоит перечитать Сэлинджера?

— Ну, ты и поспать, — раздался надо мной голос Валеры. — Я уже в душ сходил, чай два раза попил, с Ингой поговорил.

Я открыл глаза. Валера сидел рядом и натягивал носки.

— Сколько время?

— Полвосьмого. Все раковые больные любят так подряхнуть?

— Не знаю, я со всеми не общался.

— Шашлык будешь?

— А есть еще, или ты уже за свежим сгонял?

— Не, со вчера пара кусочков осталась.

— Не хочу. Как-то не тянет с утра шашлыком заправляться.

— А меня тянет.

И он вытащил тарелки с теплыми кусками мяса из микроволновки, положил их в лаваш, обильно полил кетчупом и, причмокивая от удовольствия, съел.

— Зря отказался.

— Угу.

— Короче, — неожиданно сменил тон товарищ, — у Инги есть хороший онколог, сегодня она узнает насчет него, и пойдешь к нему на прием. Ясно тебе?

— Ясно, — буркнул я.

Вот что он такого хорошего мне может сказать? Да ничего.

— Так, ладно, я поехал, — продолжил Валера, — будь на связи, а не как вчера.

— Угу, — повторил я.

— И давай не расклеивайся. Мы тебя вытащим.

Спасатели Малибу. И ушел. А я лежал. А мне не хотелось вставать. А мне не хотелось двигаться. А мне хотелось вернуться в сон и дальше ловить малышей, а то ведь и правда свалятся в пропасть.

Но лежал я недолго. Часа через два позвонил Валера:

— Спишь?

— Нет.

— Все, Инга узнала. Уже можешь ехать. Петров Иван Николаевич. Ленина, сто два. Дуй быстрее, он ждет.

Какие шустрые, однако.

— Сто два Ленина? — пошутил я, но ему явно было не до смеха.

— Все, мне некогда. Карту возьми и все анализы.

— Понял. Спасибо.

И я полетел в душ. Я высушил волосы. Я гладил рубашку. Я бежал за автобусом. Я ехал в трамвае. Чуть не забыл папку с картой и анализами.

Сто два Ленина. Я долго не решался входить. А потом вошел к Ивану Николаевичу. И началось. И завертелось. Опять он что-то говорил, а я плыл, как в тумане. Неоперабельно. Таргетная терапия. Мета или какой-то там трексат или трексад. Эверолимус. Эффективное лечение. Пять лет. До сорока процентов. И если не сработает, химиотерапия. Единственное, что я понял, что нужны деньги, много денег, очень много денег, еще больше.

Иван Николаевич сказал, что видел случаи и посложнее и удавалось добиться результата, не стопроцентного, конечно, такого в его практике не случалось, но есть у него один пациент, уже семь лет успешно борется, а начал лечение также на третьей стадии.

Короче говоря, ничего веселого. Но семь лет куда больше одного года. Капитан очевидность.

А в целом он даже мне понравился, такой суровый усатый дядька, чем-то похож на Довлатова. Руки у него мощные, как у боксера, и грустный, усталый взгляд.

Вот только про алкоголь он сказал забыть напрочь, как и про жареное и многое другое.

— Кушайте творожок, кашки.

Снова эти кашки. Вот и стоит бороться за жизнь, если даже поесть толком нельзя?

Но Валера сказал: «стоит». Как-то упустил я момент, когда абсолютно все решения за меня начал принимать Валера. Я уже готов был идти брать кредит на свое лечение, вот только кто мне его даст?

— Можно и без кредита, — сказал Валера.

— Можно и без лечения, — пошутил я.

— Щас в лоб получишь.

— Давай бей больного. Это очень толерантно.

— А ты не беси меня.

— Мне в любом случае хуже тебя. Ты, может, до ста лет проживешь, а я...

— А ты до девяноста, если окончательно не выбесишь меня и я не придушу тебя прямо сейчас.

И дальше в таком же роде.

Потом узнала мать. Пришла, посмотрела укоризненно, покачала головой и разразилась громким, пронзительным плачем. Ее лицо перекопилось от страданий, сжалось, стало маленьким-маленьким, размером с кулак, едва не утонуло в морщинах. Она как-то неестественно выла, будто делала это напоказ, и меня даже передернуло от таких стараний. Пришлось обнять ее покрепче и успокаивать, словно это ей поставили такой жуткий диагноз, а не мне.

— Ну, тише-тише, — сказал я.

А мать уткнулась мне в плечо и намочила его горькими и горячими слезами.

— Ты умрешь? — спросила она, боясь собственного вопроса.

— Все умрут, — пожал я плечами, — просто я чуть пораньше вас.

И новый поток слез. Мне и правда стало ее жалко. Больше, чем себя. Себя-то что жалеть.

— Но доктор сказал, шансы есть.

— Правда?

Я кивнул. Это слегка обнадежило ее. Слезы прекратились, всхлипывания утихли. Она звучно и продолжительно высморкалась, затем села на диван и уставилась на меня, не отрывая взгляда и изредка несчастно вздыхая. По всей видимости, мысленно мать уже прощалась со мной, представляла меня в гробу, усохшего, со щетиной и с монетами на глазах. Я видел, как подступил новый ком к ее горлу, но она сдержалась, сцепила руки и шевелила губами. Возможно, читала молитву.

Мать печалилась о себе, я в этом уверен. Она корила мир за такую странную и несчастную судьбу. Она верила, она надеялась на справедливость, как и миллионы других, обделенных фортуной и благополучием, но справедливость маячила где-то впереди, намного впереди, убегая все дальше и дальше. Теперь вот и моя болезнь. И так с сыном не повезло, но мало, мало судьба над ней насмехалась. Ничтожно мало. На самый конец она припасла одинокую старость, бессонные ночи и ничтожную пенсию.

Я не знал, как и чем ей помочь. Мне самому стало невыносимо горько. Мне захотелось разбежаться и со всех сил биться головой об стенку. Удар за ударом, пока не повалюсь на пол или не проломлю лоб. Зачем она пришла? Поддержать? Стало только хуже от этого.

И этот ее взгляд. И это ее лицо. Денег у нее нет. Да мне и не нужны ее деньги. Я вспомнил, как она радовалась, когда узнала про исчезновение Несси. Я вспомнил отрывающиеся обои и таракана, раздавленного ею. Думала она тогда, что все обернется таким образом? О чем вообще она когда-либо думала?

— Мам.

— Да, сынок.

Сынок... А ведь тогда, в палате, мы реально сблизились, и казалось, что надолго. Но телевизор. Этот адский черный ящик с огромным тусклым глазом. Она не могла мне простить телевизор. А мне нужна была помощь. И Валера смог мне помочь. Валера, но не она, потому что мать ничего не могла и не боролась. Она никогда и ни за что не боролась. Эта мысль неожиданно пронзила меня насквозь, взбудоражила, прибила к полу и не отпускала. Моя мать никогда и ни за что не боролась. Ни с отцом. Ушел, и ладно. Ни с соседями. Ни с врагами. Ни за счастье. Ни за любовь. Ни за меня.

Вот и сейчас. В ее сознании я труп. Никчемный холодный труп, корм для червей, перегной. Все. Нет меня. Я ведь тоже не должен бороться. Я ведь ее отпрыск, ее продолжение. И главное, что в этом бессилии и аморфности она не одинока. Большая

часть человечества плывет по течению, как навоз, и не пыжится. Куда ни плюнь — все фаталисты. Или мазохисты, кому как больше нравится.

Вот мать точно мазохистка. Она не боролась, она несла тяжкий крест — жизнь. Упорно и почти безропотно. Рабыня Изаура... Нет, я не испытывал к ней злости. Со всем нет. Но оставаться в одной комнате — тоже было мало желания и смысла. Да, я тонул, но чтобы спастись, нужно оттолкнуть ее от себя подальше и грести, грести, грести, пока есть силы.

— Ничего, прости, это я так... — ответил я после продолжительной паузы, а затем подошел к обоям и нарисовал океан.

— Что ты делаешь?

— Рисую. Или это похоже на что-то еще?

— Зачем рисовать на обоях? — искренне удивилась она.

— Затем, что я так чувствую. Потом посмотрю и вспомню.

— Разве ты художник?

— Нет.

— Вот и не надо портить.

— Я не порчу.

Вспомнила, что она мать, стала учить, что делать. Я нарисовал себя, отчаянно гребущего к берегу.

— Мне доктор посоветовал.

— Доктор?

— Да.

Слово «доктор» магически на нее повлияло. С доктором спорить она не решалась, добавила только:

— Странный какой-то доктор.

— Очень хороший.

Я нарисовал доктора с огромным фонендоскопом. Чем больше фонендоскоп, тем лучше доктор.

— Ой, горе, горе, горе, — снова вздохнула мать.

Ну вот, пришла нагнетать атмосферу.

— Счастье, счастье, счастье, — прошептал я, заканчивая рисунок.

— Что ты шепчешь?

— Мантру.

— Какую еще мантру?

— Тоже для лечения.

— Что за лечение такое? Рисовать, шептать, как библиотекарь. Шарлатан твой доктор. Он хоть таблетки выписал?

— Все он выписал. Все. Сейчас как выпью — стану здоровым, как бык, — не на шутку вскипел я.

— Да тише ты. То орешь, то шепчешь.

— Мам, зачем ты пришла?

— Как зачем? Проведать. Такое горе.

— Проведала?

Она пожала плечами.

— А теперь уходи, мне на процедуры надо, и, вообще, мне нельзя волноваться, понимаешь? Доктор сказал сохранять радужную, оптимистичную атмосферу.

— Чему же тут радоваться? — искренне удивилась она.

— Жизни, мама, жизни.

Она посмотрела на меня, как на Жириновского во время любых дебатов, побагровела от негодования, желваки вздулись и заиграли у нее на шее, казалось, что сейчас

она выльет на меня всю боль, копившуюся в ней десятилетиями, но, не сказав ни слова, мать подошла к двери и вышла в подъезд. Подъезд подлого, жесткого, несправедливого и уродливого мира.

Я вздохнул с облегчением, включил ютуб и долго и тупо смотрел, как плавают рыбки. Много всяких разных рыб. Успокаивает. Типа дзен...

Во вконтакте набралось порядка ста сообщений. Подбадривали, желали выздоровления, кто-то молился, кто-то говорил, что я хороший, как это несправедливо и прочее в том же духе и в разных интерпретациях. Наверное, каждый ребенок мечтает о таком количестве внимания. Но внимание вниманием, а здоровее от этого я не становился.

Валера создал группу. Назвал «Спасем Илью Денискина». Написал слезливую историю о том, как я страдаю и как немного нужно для моего счастья и исцеления. В группу вступили больше двухсот человек. Стали собирать на лечение. В первый же день собрали около десяти тысяч рублей, через три дня — еще пятнадцать.

Валера с гордостью сообщил, что на первый курс лечения мне вполне хватит. А дальше, если будут результаты, народ станет поддерживать еще активнее. Все же любят прекрасные истории исцеления, тем более что сами оказались к нему причастны. Валера — явный оптимист. В этом ему можно только позавидовать.

Алиса не стала реагировать на мою болезнь. Она не вернулась. Она не просила прощения. Она не клялась любить меня до последнего вдоха. Она не заливалась слезами. Ничего. Как будто мы никогда не были вместе. И вообще не знакомы. Она, наверное, жалела, что я не включил ее в завещание. А завещание я твердо решил не составлять. Завещание — удел старых и зажиточных.

Я же начал пить эверолимус. Рассчитывать на мгновенный эффект было чертовски глупо. Я и не рассчитывал. Поверил, что станет хоть чуточку легче, но вместо этого тошнота стала моим постоянным спутником. Меня начало рвать в два, а то и в три раза больше. Доктор сказал, что это нормально. Организм не привык и перестраивается. Нормально. Хорошее такое нормально. Что тогда ненормально?

Я рисовал на обоях дерева. Могучие многовековые дубы. Кора на стволах трескалась, но они продолжали расти вверх и вширь, вот кто практически не подвластен времени, вот у кого надо учиться твердости духа.

Я перестал пить. Я начал есть каши. Шпинат. Сельдерей. Делал смузи и фреши. А после закидывался кеторолом. Он дарил мне покой и наслаждение, хотя боли были вполне терпимые. Не хотелось представлять, что может быть гораздо хуже и больнее. Я делал все, что мне велели. Пил, ел, принимал таблетки, сдавал анализы, ходил на процедуры, ходил к бабкам. Те что-то шептали, размахивали руками, призывали божественную силу и силу духов, готовили какие-то отвары. Короче, стал самым послушным на свете мальчиком с очень скучной и однообразной жизнью. Несси бы не понравилось.

Единственное: вечером, если оставались силы, я включал старину Йорка и громко и протяжно рыдал с ним на пару из-за того, что мир полон страданий, уродства и насилия, а жизнь — вообще боль.

Потом смотрел «друзей», они хоть как-то поднимали настроение, особенно тупость Джо и песни Фиби, и часами лежал в ванне или на диване. Я стал похож на тех несчастных больных с поблекшим взглядом, чьи фотки совсем недавно разглядывал в Интернете. Хорошо, что сам не фоткался, а то кто-то бы уже и мои снимки мог так рассматривать.

Валера заезжал ежедневно, привозил шпинат, таблетки, Ингу.

Матери звонил сам, не больше пяти минут в день. Она взялась вязать мне свитер. Зачем он мне? Но я не стал отговаривать. Хочет — пусть вяжет. Лишь бы меньше доставала.

Звонили какие-то малознакомые люди, подбадривали, говорили, что не оставят, хотя до этого мы годами не общались.

Я не вылезал из квартиры дальше больнички и «Пятерочки». Я превращался в кусок мяса, который хочет подольше пролежать в холодильнике. Я все чаще думал о космосе и представлял, как буду парить между звезд, метеоритов и комет.

А потом мне надоело. Просто невообразимо надоело это все. Какого черта бороться? Чтобы дальше влачить такое же жалкое существование? Быть серой массой, одним из миллиардов таких же неприметных личностей, о которых никто потом никогда не вспомнит? Ну уж нет. Не в мою смену.

И я решил, что надо пробовать, чтоб не было этого «никогда». Чтобы стало «хотя бы раз».

Что там у нас? И я полез на стену в вк: «Не был за границей. Не был на концерте „Radiohead“. Не видел ни одно из чудес света. Не взбирался ни на одну гору. Не грабил банки».

Начинать нужно с конца. Банк... Не подходит. Стопудово не получится, потому что это дело серьезное, тут готовиться надо, и очень долго, да и в одиночку давно никто не грабит, облажаюсь только, меня посадят, и проведу за решеткой последние дни. Нет уж.

А вот магазин или лучше «Ашан» — самое то. Можно с ходу утащить что-нибудь, народа немного, вряд ли кто заметит, да и у них специальные суммы уже учтены на возможные потери из-за таких воришек, как я. И как-то на душе стало хорошо, легко так, беззаботно. Недолго думая, я накинул толстовку и отправился в «Ашан».

Небо заволочло тучами, машины гудели на все лады, асфальт утопал в трещинах, даже птицы как-то тревожно щебетали, а у меня впервые за долгое время было хорошее, я бы даже сказал, отличное настроение. Навстречу мне шли хмурые, задумчивые, замученные проблемами и их решением люди. Каждый шаг давался им с невероятным усилием. Я же, наоборот, с какой-то невообразимой легкостью шел по разбитому и, как обычно, никем не ремонтируемому тротуару. Таблетки явно не вызывали подобного эффекта.

Показалось, что впереди мелькнула голова Несси, я кинулся за ней, расталкивая народ. Люди возмущенно размахивали руками, посылали мне вслед проклятия и ненавидели мир еще больше, а я несся к Несси. Но, конечно, это была не она. Несчастная школьница с толстыми лодыжками и тонкими бровями испуганно смотрела на меня и едва не кричала. Мог и не догонять. Несс бы не надела розовый сарафан. Но надо было проверить, я не имел права не проверить.

«Ашан» оказался не настолько людным, как мне того хотелось. Да и неважно. Больше опасности, больше адреналина, а он уже вовсю разгонялся по крови. Она буквально кипела внутри меня. Я взял корзинку и направился к мясному отделу. Сосиски. Сардельки. Вырезка. Грудинка. Карбонад.

Давно я не брал карбонад, он, оказывается кучу денег стоит. И, недолго думая, я сунул небольшой кусочек в толстовку. Осмотрелся по сторонам, никто не заметил? Никто не заметил. Или сделали вид, что не заметили. Как знать, может, каждый второй только тем и занимается, что выносит из «Ашана» продукты и разные небольшие прибамбасы?

Еще раз оглядевшись, я погладил толстовку, из которой едва различимо выпирал карбонад. Сердце заколотилось в бешеном ритме, так что запульсировало в висках. Надо было идти в другой отдел, но я неожиданно набрался наглости, вытащил

из кармана ключи, подошел к сосискам, выбрал самые дорогие — «Микояновские» и, разорвав ключами пленку, быстро очистил освободившуюся сосиску и засунул ее в рот. Кайф. Давно не ел таких вкусных сосисок. И плевать, что сырая, так даже вкуснее.

Обнаглев до предела, я оторвал еще одну сосиску, спрятал в толстовку и отправился дальше. Съем чуть позже.

На этот раз проделать все незаметно не удалось. Кудрявый беззубый малыш в коротеньких шортах и майке с Бартом Симпсоном увидел, как я отрываю сосиску, и, раскрыв рот от удивления, пялился на меня так, словно встретил настоящего Барта Симпсона или его папашу Гомера. Он дернул такую же кудрявую и невысокую женщину в кедах, разглядывающую полку с печеньем, за платье и стал указывать на меня пальцем. К счастью, женщина отмахнулась от ребенка и даже не взглянула в мою сторону.

Я же улыбнулся малышу, как будто ничего не случилось, и быстрым шагом направился дальше. Кровь бурлила, как огненная лава вулкана. Понятно, что никто меня не посадит, но и по головке за такие поступки не погладят. А иногда очень хочется побыть непослушным, сделать что-нибудь неприятое, что-нибудь запретное. И я снова погладил толстовку.

Надо что-нибудь купить, а то будет совсем палево. И я направился в хлебный. Выбрал лаваш. Огляделся и, разорвав пакет, вытащил из него лепешку, порвал ее и завернул в нее сосиску. Так гораздо вкуснее, только соуса не хватает. Где там у нас соус? Соус я не нашел, зато наткнулся на того малыша с мамашей. Он снова уставился на меня, как на создателя Майнкрафта, и стал тыкать пальцем. Не дожидаясь продолжения, я юркнул в соседний проход и быстрым шагом направился дальше.

Вот малец, всю малину мне портит. Надо будет вернуться за нормальным лавашом. А пока что соусы. Вот и они. Развелось как собак нерезаных. Проклятая конкуренция. Я выбрал грибной. И, уже даже не оглядываясь, смачно полил мой импровизированный бутер. Вкусно, черт возьми.

И опять эти двое. Поест нормально не дадут. Запихнув бутер обратно в толстовку, я решил поступить умнее и направился в отдел техники и бытовой химии. Вот тут народа точно нет. Лишь бы на камеры не наткнуться или на работников гипермаркета. Отыскав так называемую мертвую зону, я наконец облегченно выдохнул и с удовольствием расправился с сосиской. И почему я так не делал раньше? Вот придурок. Можно же было регулярно здесь питаться. Еще и винишко попивать, если приловчиться.

Главное, чтобы не начало тошнить. Но мне было так хорошо, что даже рвота решила не напоминать о себе и не беспокоить. Чудеса какие-то. Облизав губы, я причмокнул от удовольствия. Какие, на хрен, кашки? Вот оно, удовольствие от еды.

Взять лаваш, туалетную бумагу и — на кассу. Но, как говорят, аппетит просыпается во время еды. До кассы я добрался только через час. Попробовав четыре салата, самый крутой — «Цезарь»; погрызая орехи, самые вкусные — «Бразильские»; выпив баночку «Доктор Пеппер»; съев шоколад трех «Киндерсюрпризов»; засунув в толстовку дорогой творожный сырок «Александр», я решил, что для первого раза хватит.

Сырок мне, в общем-то, не хотелось брать, просто я его никогда не пробовал, а он, собака, дорогой, и вряд ли бы я его когда-нибудь купил, так что тупо проснулась жадность и сказала: «Возьми его». А отказать у меня просто-напросто не хватило сил.

Малыш, к счастью, меня не выдал. Правда, на кассе все равно задергалась рука. Я старался не подавать виду, но внутри меня просто кошмарило. Вот он, вот он, проклятый адреналин. Представляю, что чувствуют настоящие грабители, которые выносят из банков по несколько десятков миллионов. Им вообще должно сносить крышу.

Так, спокойнее, спокойнее. Моя очередь.

— Все у вас? — словно почувствовав, спросила пухлая кассирша, по которой было сложно определить возраст. Скажем так, от тридцати девяти и выше.

Я кивнул.

— Пакет?

— Что?

— Пакет нужен?

Как они достали этим вопросом. Даже если возьмешь бутылку лимонада или «Сникерс», все равно посмотрят, как на идиота, и спросят про пакет.

— Давайте.

Она рассчитала. Я облегченно выдохнул и погладил толстовку. Прокатило. Вот я и стал преступником. Иду гордой походкой к выходу. И тут сзади голос охранника:

— Молодой человек.

Значит, не прокатило. В голове сразу же возникла сцена:

ИНТЕРЬЕР. ПОДСОБКА. ВЕЧЕР.

В подсобке темно, никого не видно. Тишина. Вдруг резко включается свет настольной лампы, и становится видно стол, за которым сидят двое охранников, а напротив них, привязанный к стулу и со скотчем во рту, я. Свет лампы бьет мне в глаза. Я жмурюсь, стону.

Первый охранник злобно улыбается и бьет по столу. Второй задумчив, даже чем-то опечален.

— Будешь говорить? Ты будешь говорить? — яростно вскрикивает первый охранник и продолжает: — О, ты нам все расскажешь. Все-все до мельчайших подробностей, даже как звали морскую свинку твоей соседки.

Я мычу в ответ, пытаюсь сказать, что у моей соседки не было никакой свинки, ей вообще девяносто три года и вряд ли она хоть чем-то их заинтересует.

— Спокойнее, спокойно, Иван, — шепчет второй охранник, — видишь, он не против пойти на контакт.

Я утвердительно киваю с бешеной скоростью. Конечно, готов, еще как готов.

— Видишь? — повторяет второй охранник.

Первый охранник¹ медленно с наслаждением отрывает скотч от моего рта.

Я ору, как ненормальный.

— Заткнись! — командует Иван.

Я замолкаю, но ненадолго. Боль слишком жгучая. Это злит Ивана, и он бьет меня прямо в печень. Боль тут же разлетается по всему телу, и на несколько секунд я отключаюсь. А когда прихожу в сознание, то вижу, что второй охранник невозмутимо сидит на своем месте, а вот Иван нервно расхаживает по подсобке и недовольно произносит:

— Да что с ним церемониться? Навалить ему по почкам, будет знать, как нас обворовывать, урод.

— Не положено, — хладнокровно отвечает второй охранник.

— Все у тебя не положено, не по уставу, Матвей, — негодует Иван.

— Очнулся, — кивает в мою сторону второй охранник².

— Говори, с...! — взрывается Иван.

— Да что сказать? Что? — со слезами на глазах вопрошаю я.

— Ты на хрена «киндеры» спер? Тебе сколько лет, придурок?

— Не надо оскорблять парня, Иван. Не переходи на личности, — осаживает его Матвей, — действуем строго по инструкции.

¹ В дальнейшем — Иван (прим. автора).

² В дальнейшем — Матвей (прим. автора).

— В гробу я видел эту инструкцию, — негодует Иван, — отвечай, гнида.

— Я не гнида, я Илья, — произношу я каким-то чужим, утробным голосом. — Мне двадцать девять лет.

— С..., в двадцать девять лет он ворует «киндеры». Ну, не дебил?

— Нет, — отвечаю я, — просто захотелось сладкого.

— Видишь, ему захотелось сладкого, — улыбнувшись, произносит Матвей.

— Щас я устрою тебе сладкое, — вскипает Иван и пинает свой стул, тот улетает в другой конец комнаты. — Из-за какого-то дебила.

— Его Илья звет, — поправляет Матвей.

— Из-за какого дебила Илья, — продолжает Иван, — который в двадцать девять лет пытается украсть из «Ашана» «Киндерсюрпризы», мой прекрасный вечер с длинноногой Изольдой накрывается медным тазом, и я должен тут торчать и слушать твои сопли?

— Не надо меня бить, — умоляю я. — Не имеете права. У меня рак.

И в подтверждение из меня вырывается бурная темно-красная струя рвоты с примесью фиолетовых оттенков.

Иван и Матвей кривятся.

— Теперь еще и убирать за ним, — брезгливо произносит Иван. — Сам будешь свое дерьмо разгребать.

Я открываю рот, чтобы что-то ответить, но картинка в голове гаснет так же неожиданно, как и появилась.

Конец.

— Молодой человек, — повторил охранник.

Мне не оставалось ничего, и я развернулся на его зов, готовясь к подобной сцене. Но охранник улыбался и держал в руке платок.

— Вы уронили, — сказал он, протягивая мне платок, и снова улыбнулся.

— Спасибо, — выдавливая из себя ответную улыбку, проблеял я, забрал платок и быстрым шагом, почти бегом направился к выходу. Все-таки прокатило!

На улице я жадно вдыхал воздух и сиял, словно небо после летней грозы. Не то чтобы я почувствовал себя счастливым, я же не Билл Гейтс, но мне определенно стало очень хорошо. Очень хорошо оттого, что мое существование наполнилось новым содержанием и каким-то смыслом. На одно «никогда» стало меньше.

По дороге я съел сырок. Очень, кстати, неплохой. Не зря так дорого стоит.

А дома меня ждал Валера.

— И где тебя носит?

— В «Ашан» гонял.

— Сам? Один?

— Один. Сам, — и показал пакет.

— Нельзя было попросить?

— Нет, нельзя. Я совсем как инвалид, ничего не делаю, только прошу.

— Ладно, ладно, не бузи. Молодец, что сгонял. Можно было и поближе куда.

— Нет, нельзя было. Захотел в «Ашан», поехал в «Ашан».

— Ты прямо как беременная.

— А ты прямо, как отец будущего ребенка.

— Иди ты.

— И ты иди.

— Таблетки пьешь?

— Пью. Карбонад будешь?

— Какой карбонад?

— Вкусный, — и вытащил карбонад.

- Тебе же нельзя.
- Мне ничего нельзя. Че, мне сдохнуть теперь?

Валера вздохнул.

- Тебе-то можно.
- Мне можно, — улыбнулся он, — только говорят, от него рак как раз развивается.
- Ну тогда мне тем более не страшно. А ты можешь не есть.
- Ну уж нет, — возмутился товарищ, — от пары кусочков точно ничего не будет.

Режь давай.

Я нарезал.

- Реально вкусный, — похвалил мой выбор Валера, заедая мясо лавашом.
- Сваливай на фиг. Устал я что-то.
- Ничего не болит?
- Валера, у меня постоянно все болит. Но сейчас я просто устал.
- Понял, отдыхай, — сказал товарищ и ушел.

А я лег на диван и тут же отрубился. У меня, правда, ничего не болело. Впервые за последнее время я уснул счастливым и проспал целых три часа.

К черту таблетки! Ненавижу их, ненавижу этот рак, ненавижу эти толпы несчастных с потухшими глазами. Нужен срочно хороший список. Не тот, что я выложил во вконтакте, а нормальный список того, что нужно сделать, того, что можно успеть.

Сразу в голову полезло: побывать в Японии, побывать на всех континентах, забраться на вершину горы или вулкана, поплавать с дельфинами, покататься на слоне, побывать на этапе «Формулы-1».

Нет, не то. Все это круто, но тяжело осуществимо. Надо много денег, а главное — надо куда ехать. Для начала проще выполнить что-то менее затратное, что-то вполне осуществимое. И я вспомнил про прыжок с парашютом. Вот это приемлемо, это хороший вариант.

Я подошел к обоям и написал: прыгнуть с парашютом.

Для начала неплохо. Вполне неплохо. Я вспомнил про сообщение от аэроклуба. Залез в вк. Перечитал: «Не беда, приходите к нам. Прыжки с инструктором от 4000».

От четырех, значит. Что там у нас по финансам? В кошельке рублей семьсот, не больше. На карте еще пара сотен. Маловато.

Я позвонил Валере:

- Спишь?
- Что сразу спишь? — недовольно пробурчал товарищ. — Работаю вообще-то.
- Молодец. Слушай, а что у нас с бабками?
- А что у нас с бабками? — переспросил Валера.
- Это я у тебя спрашиваю.
- Да нормально вроде. Кредит пока выплачиваю.
- Да нет, я про свои. Не переводили больше ничего?
- А что? — я по голосу почувствовал, как напрягся товарищ.
- Да вот хочу с парашютом прыгнуть.
- С парашютом?

Так и увидел, как Валера недоуменно чешет затылок.

— Да. У тебя со слухом плохо, что ли?

— Нормально у меня со слухом. Неожиданно просто.

— Ничего неожиданного. Написано — от четырех тысяч. А у меня максимум одна наскребется.

- А с раком разве можно с парашютом?
- Блин, ты так про все спрашиваешь. Че мне теперь, сразу в могилу ложиться?
- Не ной. Я о тебе забочусь. Мало ли ты не выдержишь. Организм-то слабый.

— Я заботы такой не выдержу. Так что там с бабосиками?

— Ну тысяча пятнадцать должно быть.

Теперь он наморщил лоб и зажмурил правый глаз.

— Отлично. Я прям доволен.

— Ты точно хочешь прыгать?

— Точно, папочка, точно.

— Иди ты. Я на похороны не приду.

— А я тебя и не позову.

— А я и все равно не пришел бы. Свин ты.

Если бы он держал в руке стакан, то стопроцентно раздавил бы сейчас.

— Короче, жду бабосики.

— Ждет он.

— Так-то это мне прислали.

— Так-то на лечение прислали.

— А у меня такое лечение.

Валера не нашел, что ответить, а может, не захотел продолжать треп и повесил трубку.

Отлично, деньги есть, значит, первый пункт практически можно вычеркнуть.

Я принял заявку в друзья от аэроклуба и написал:

«Здравствуйте, можно узнать подробности о прыжках с парашютом?».

Минут через пять пришел ответ:

«Да, конечно. Аэродром Пирогово. Самостоятельный прыжок — высота 800 метров — 2000 рублей, прыжок в тандеме с инструктором — высота 4000 метров — 4200 рублей, есть возможность сделать фото и видеосъемку — 6500 рублей».

«Спасибо, — ответил я, — а какой лучше?»

«Я так понимаю, впервые прыгать решили?»

«Конечно».

«Тогда лучше с инструктором».

«Безопаснее?»

«Ощущения более яркие:) Высота другая, почти минута свободного полета. И безопаснее:)».

«Ясно, спасибо. А видео инструктор снимает?»

«Нет, с вами полетит оператор».

«Втроем?»

«Нет, он отдельно прыгает. Будет лететь рядом с вами».

«Отлично. А есть какие-нибудь ограничения?»

«Повышенное давление, аритмия, проблемы с сердцем имеются?»

«Нет».

Про рак я, разумеется, промолчал.

«Ограничения по весу — до 90 килограмм. За каждые 10 килограмм сверху — доплата 500 рублей».

«Вполне укладываюсь:) У меня не больше 75».

«Прекрасно. Ждем у нас в Пирогово. Друзей тоже приглашайте, приводите:)».

«Обязательно», — настроил я и закрыл окошко беседы.

Вот и сбылась мечта идиота.

То есть, конечно, не сбылась, но очень близко к этому. Всего-то шесть пятьсот. Видео обязательно надо записать, выложу в вк, будут потом смотреть меня, вспоминать, как я в воздухе руками размахивал.

Я залез на ютуб, забил в поисковой строке «прыжок с парашютом в тандеме», сразу вылезло огромное количество роликов. Включил первый. Какая-то робкая девуш-

ка, видно, как она зажата, как стесняется выражать эмоции. Вот ее одевают, вот инструктируют. Инструктор не сказать, что Самсон. Но, впрочем, и девушка не Серена Уильямс. Дальше они уже летят в самолете, рядом другие прыгуны, вот подходят к двери, вот прыгают, летят. И видно, что у девушки внутри эмоции просто кипят, но она настолько зажата, что даже в полете робко улыбается. Вот раскрывается парашют, и оператор, приземлившись раньше, снимает приземление девушки и инструктора.

Другие видео такие же по содержанию. Единственное, что большинство гораздо ярче проявляют свои эмоции. Одна ненормальная так и вовсе начала орать как резаная еще в самолете, а в прыжке ей и вовсе башню снесло. Нет, определенно надо прыгать.

Я забрал деньги у Валеры. Восемь тысяч на всякий случай. Улыбнулся в ответ на его качание головой. Показал, что все будет ок.

Сел в автобус и поехал до Пирогова. Дошел до манифеста. Сказал, что хочу прыгать. Показал деньги. Заполнил анкеты. Потом меня рвало в туалете. Потом мне мерили давление в кабинете врача.

— Сто тридцать на девяносто, — сурово возвестила полноватая женщина с довольно густым пушком над верхнею губой.

— Это же нормально? — уточнил я, разглядывая ее усы.

— Повышено немного.

— Немного ведь не страшно?

— Как сказать? Ты вон бледный какой.

— Так вампиры всегда бледные.

— Чего?

— Да шучу я, шучу. Просто загорать не люблю.

— Шутит он мне тут, — заворчала врач, — у меня за день, знаешь, сколько таких шутников? Щас не допущу, посмотрим, как шутить будешь.

— Не надо, пожалуйста.

— Ишь, как сразу заговорил. На учете нигде не стоишь?

— Где?

— Это я у тебя спрашиваю. В психдиспансере, например.

— А я что, похож на того, кто состоит в психдиспансере? — удивился я.

— С каждым вопросом все больше.

— Нет, в психдиспансере я не состою. Только в онкологии, — зачем-то ляпнул я.

— Онкологии? — ее глаза расширились, стали чуть ли не в два раза больше. — Ты с онкологией собрался прыгать?

— Да.

— Хочешь, чтоб меня посадили? А ну, пошел вон!

Это вот что, так раз, и все закончится? И досвидос? Ну, уж нет. Не на того напали, однако.

— Не надо так со мной разговаривать, — невозмутимо ответил я, — я пока сам отвечаю за свою жизнь и за свои поступки.

— Вот дома и отвечай, — огрызнулась врач и указала на дверь.

— Послушайте, — решил сменить тактику я, — нельзя так делать, нельзя. Разве вы не понимаете?

— Все я понимаю, — от злости ее челюсть начала скакать, как от прыжков на батуте, — ты там крякнешься с таким сердцем, а меня под суд.

— Да не крякнусь я, не крякнусь. Я от этих таблеток скорее крякнусь. Ради чего мне жить, если я дальше диспансера никуда не выбираюсь?

— Несчастный какой. Сколько людей болеет, и ни одному такая мысль не пришла в голову с парашютом прыгать.

— А мне пришла. Ну, пожалуйста, я вас очень прошу. Это ведь мечта. Мечта детства. У меня столько планов, столько целей осталось неосуществленными. Я ведь думал как, я ведь думал, жизнь длинная будет, успею, все успею, а тут этот страшный рак — и все. Все, понимаете? Мне, может, полгода всего осталось, а может, меньше.

— Не буду, не буду я тебя жалеть. И не смотри на меня так, — а сама уже еле сдерживала слезы.

Надо было надавить еще, надо было дожать.

— От меня даже девушка ушла, представляете? Это же так подло. Так низко, гадко. Узнала, что я болен, и ушла, бросила меня, не поддержала, не сказала, что любит и будет рядом до последнего моего вдоха. Нет, собрала вещи, и гудбай. А ведь я ее любил и продолжаю любить. Всем сердцем. Но зачем ей моя любовь? Я же умру. Жизнь очень несправедлива. Очень. Все так разом навалилось. За что? За что мне это? Я не понимаю. Вообще никакой радости. И даже с парашютом прыгнуть нельзя, — выдал я тираду на одном дыхании.

— Бедненький, — лицо женщины расплылось в сочувственной гримасе. Еще чуть-чуть — и глаза станут мокрыми.

— А я с детства мечтал стать летчиком, потом десанником, а мама была против, понимаете? И устроила меня в это дурацкое училище культуры и от армии даже отмазала. А ведь я мог пойти в десантники, но нет... всю жизнь я только и делаю то, что говорят мне другие. Но хотя бы раз я могу почувствовать себя счастливым? Хотя бы раз? Подняться в небо, раскинуть руки навстречу ветру и лететь, лететь, лететь, как птица, почувствовать себя свободным от проблем, от несчастий, от людей, от кризиса, это же настоящее счастье, понимаете?

Врач уже рыдала вовсю. Эх, все же неплохого актера я закопал в себе. Надо точно сняться в кино. А женщина утирала слезы платком, сморкалась в него, всхлипывала, смотрела на меня, как на самого несчастного человека на свете.

— Понимаю, понимаю, — горько вздохнула она, — всех так и тянет в это небо.

Понимает она, наверняка сама не прыгала и ни за что бы не решилась на такое.

— Мне ведь даже вспомнить перед смертью нечего, вот что это за жизнь?

Врач сдалась и поставила печать:

— Не дай бог, не дай бог что случится.

— Не случится. Спасибо, спасибо вам огромное, — я так вошел в роль, что поцеловал ей руку, она по-матерински обняла меня и прижала к объемистой груди. Неплохим оказалась человеком. Уверен, даже чаем бы меня напоила с малиновым вареньем.

— Под мою ответственность, — покачала головой врач.

— Спасибо, — повторил я, — все будет хорошо, теперь все точно будет хорошо.

И вышел. А внутри просто взрывались салюты. И снова адреналин в крови, и настроение лучше некуда, и тошнота пропала.

Я вернулся к манифесту, отдал анкеты, заключение врача, деньги.

— Ждите, — сказала девушка и подмигнула.

Я улыбнулся в ответ, подошел к креслу, сел, затем вернулся:

— А сколько ждать?

— Вы в шестой группе.

— А сколько уже прошло?

— Четвертая взлетела.

— То есть через одну? — зачем-то уточнил я.

Девушка кивнула:

— Не терпится?

— Да.

Но договорить не удалось. К манифесту подошла парочка. Он весь такой брутальный, естественно, бритый налысо, а она вся-вся такая блондинка-блондинка, естественно, крашенная. На каблуках, в мини-юбке. Она в таком виде прыгать собирается? Было бы забавно посмотреть. Но паялиться невежливо, поэтому я снова уселся в кресло. Надо селфануться, что ли?

Достал телефон, щелкнул себя. Потом снял видео «Я в Пирогово». Обвел телефон по кругу, показал поле. «Вот там все и будет происходить. Все волнуются че-то, переживают, а мне по кайфу, меня колбасит. Буду прыгать с инструктором. Ааааааа».

И начал корчить различные гримасы. Парочка уже отошла от манифеста и уставилась на мои кривляния. Брутальный закатил глаза и ухмыльнулся, а блондиночка искренне улыбнулась. Добродушная оказалась.

Я представил, как она своими каблуками врезается в землю при приземлении, и у меня даже живот заболел от сострадания.

Закончив съемку, набрал Валеру. Он долго не брал, наконец ответил:

— Прыгнула, что ли? Живой?

— Нет, не прыгнул пока. Жду.

— Ну, так. А что, с раком можно прыгать?

— Ну, меня же допустили.

— Точно? А то, может, ты меня на деньги развел.

— Щас фотку тебе пришлю, раз не веришь.

— Да не, я верю. Просто как с раком-то могли разрешить прыгать?

— А ты надеялся, что меня пошлют, да?

— Ну, типа того, — подтвердил Валера.

— Тоже мне друг.

— Ну, ладно, ладно, че ты, как маленький? Я рад, что будешь прыгать. Лишь бы не случилось чего.

— Не случится чего, — обиделся я. — Все, пока, мне прыгать пора. Моя очередь.

Вот козлина. Надеялся он, что меня не допустят. Нет чтобы за друга порадоваться.

Но очередь ни черта не торопилась. Потом вообще набежали тучи. Ливанула гроза. Объявили, что погода нелетная и, скорее всего, прыжков сегодня больше не будет. Ну, Валера, ну, Валера... накаркал. Меня снова начало тошнить, настроение опустилось до нуля. Не говори гоп, пока не перепрыгнул, — есть такая пословица, очень разумная, кстати.

Я щелкнул свое грустное лицо. Я щелкнул печальные лица остальных бедолаг, ожидавших прыжка. Я щелкнул поле, изрядно заросшее травой, и Ан-28. На нем мы и должны полететь, но... Я щелкнул парочку.

Блондиночка, кстати, уже переделась, надела кеды с блестками и растерянно смотрела на брутала. Тот даже не хмурился и не озадачился, так как паялился, не отрываясь, на экран своего крутого айфона. Паялился и улыбался. Смотрел какие-нибудь видосики и считал, что неплохо проводит время. Чего нельзя было сказать о блондиночке.

Мне захотелось даже поддержать ее, подойти, похлопать по плечу, сказать, чтобы не расстраивалась, потому что, как ни крути, у нее, в отличие от меня, хотя бы со здоровьем все более или менее. Так что мне здесь гораздо хуже остальных. Хуже всех, если уж быть точным. Не знаю, правда, насколько бы это ее поддержало и успокоило.

Но, к счастью, гроза быстро закончилась. Отправилась пятая группа, а через час и меня представили инструктору.

— Гера Дорн, — сказала девушка, указывая на плечистого парня в комбинезоне.

— Как-как? — переспросил я.

— Дорн, как Иван.

— Родственник?

— Нет, — улыбнулась девушка, — однофамилец.

Я подошел к Гере. Имя, конечно, не очень, но парень оказался нормальным.

— Илья, — представился я.

— Гера.

— Антон, — тут же нарисовался оператор и начал фоткать меня.

Гера улыбнулся, и я заметил у него щербинку между зубами. Он перехватил мой взгляд и перестал улыбаться. Видимо, стеснялся щербинки. Немаленькая она такая была. Хотя чего стесняться? Все мы не идеальны.

— Ну что, готов? — спросил оператор.

— К труду и обороне? — пошутил я.

— Почти. Хапнуть адреналина и почувствовать себя соколом, — улыбнулся Антон.

И тут это хапнуть. И почему все хотят чего-нибудь хапнуть? Видимо, это русское. Я бы даже сказал, российское.

— Готов, — ответил я, позируя для очередного снимка.

— Надо тебя переодеть, — сказал Гера, — пошли.

— Надеюсь, не в костюме хот-дога?

— Нет, но если хочешь...

— Я больше пиццу люблю.

— Я тоже, — улыбнулся Антон.

Инструктор промолчал.

По дороге почти не разговаривали.

— И сколько раз за день вы так прыгаете? — спросил я.

— Два-три, — пожал плечами Гера, — иногда четыре.

— Круто.

Парни молча развели руками. Для них — будни.

Затем я натягивал комбинезон. Не скажу, что появился мандраж, но уже реально стал ощущаться момент, что это не просто так, не игрушечки, не плод моего воображения, все происходит на самом деле и очень скоро я окажусь на высоте четыре тысячи метров. А сколько раз этот комбинезон бывал на подобной высоте, даже представить трудно.

— Что-то ты слишком бледный, — заметил Гера.

— Да все нормально, — уверил я, — просто с утра не ел.

— Поешь. Бутером угостить?

— Да нет, спасибо. Все нормально, — и улыбнулся.

Оператор направил на меня объектив.

— Все нормально, — снова произнес я и поднял большой палец руки повыше.

— Ок. Значит, смотри, от тебя требуется очень мало, — начал инструктаж Гера.

— Да я смотрел на видео.

Инструктор с оператором переглянулись и начали ухмыляться.

— Тогда, может, сам и прыгнешь?

— Может.

Но воодушевления мой ответ не вызвал.

— Да нет, не буду выпендриваться, извините.

— Будешь слушать? Или ты все знаешь?

— Буду слушать.

— Ок. Итак, сейчас садимся в самолет, набираем высоту. Прыгать будем с четырех тысяч метров.

Хотел вставить, что знаю, но промолчал.

— Пока будем лететь, Антоха тебя поснимает, снимет, как взлетаем, как набираем высоту, пилотов снимет.

— Это я могу, — подтвердил Антон.

— Будет две команды. Первая — «прогиб», перед прыжком. Подходим к обреза, я говорю «Прогиб», значит, ты должен повиснуть, прогибаешься в пояснице, ноги закинута назад, вот так, — он показал, как я должен повиснуть, — голову мне на плечо. Все понятно?

— Да.

— Ничего сложного. Значит, подходим к обреза, повис, голову на плечо, вывалились, прыгнули. Летим, быстро сделали свои дела.

— Свои дела? — переспросил я.

— Да у него там дела еще будут, — засмеялся Антон. — Какие у тебя там дела, Герман?

— Накладных парочку штук подписать надо будет, — пошутил Герман и продолжил инструктаж: — А вторая команда — в полете. Я постучу тебя по плечам, ты управляешь руки, вот так, будешь размахивать ими, показывать вот так, — он вытянул вперед большие пальцы рук, — или вот так, — показал жест «ок», — или как захочешь, насколько хватит фантазии. Главное — делать все весело, задорно. Антон будет рядом и заснимет, как ты получаешь удовольствие от полета.

— А я получу?

— Более чем. Только надо обязательно улыбаться. Потому что, если не будешь улыбаться, придется перепрыгивать.

— Да ладно? — не поверил я.

— Ага, — подтвердил Антон, — у нас один так семь раз прыгал, причем за один день и без скидки. Зато в конце уже тройные аксели в полете делал.

Приколисты.

— Затем, перед раскрытием парашюта, я снова постучу по плечам, надо будет руки убрать. Возьмешься вот здесь, а дальше уже спокойно летим и получаем удовольствие дальше. Будешь хорошо себя вести, дам немного поуправлять парашютом.

— Круто, спасибо.

— А метров за сто снова повисаешь, ноги вот так вот вытягиваешь, поднимаешь, и готовимся к приземлению. Все понятно?

— Все понятно.

— Ты, кстати, на каком парашюте хочешь приземлиться?

— В смысле?

— На цветном или белом?

— На цветном. Эффектнее будет смотреться.

— Ну, как скажешь!

Оператор с инструктором переглянулись и подмигнули друг другу. Я сделал вид, что не заметил.

Затем мы немного потренировались, я показал, как повисаю, как поднимаю ноги, Герман остался доволен, и мы пошли к самолету. И тут уже возникло чувство более близкое к мандражу.

— А обвязка надежная? — уточнил я. — Никто не отцеплялся?

— Нет, — покачал головой инструктор, — никто.

— Это хорошо. И ты никого не отцеплял?

— Пока никого.

— Пока?

— Будешь плохо себя вести, будешь первым, — засмеялся Гера, не стесняясь щербинки.

Я понял, что достал его глупыми вопросами, и решил, что действительно нужно расслабиться и получать удовольствие. Слегка неуютно быть в одной связке с парнем,

но зато совсем скоро я получу неповторимые ощущения от свободного полета. Ради такого можно потерпеть одно небольшое неудобство.

Нас обдало мощным и теплым потоком воздуха, он впитал в себя душистые ароматы травы, которые приятно защекотали ноздри. Дождь — это освежающий душ планеты. Я представил, как лечу, надо мной размахивает руками Гера, а парашют не торопится раскрываться. Нет, таких картинок нам не надо. Забыли о таком видении.

В очередной раз помахав в объектив камеры, я зашел в самолет.

Нас было восемь человек. Еще один тандем с оператором и двое одиночников. Во втором тандеме была полноватая девушка с пышными бровями и тонкими губами. Ее глаза испуганно бегали по сторонам, не задерживаясь ни на ком и на чем больше пары секунд. Как только заревели моторы, она схватила своего коренастого инструктора за руку, он подмигнул девушке и ободрительно похлопал ее по плечу. Блондиночки и брутала не было, они попали в следующую группу.

Начало закладывать уши. Мы стремительно набирали высоту. Антон запечатлел этот момент через иллюминатор, затем направил глазок камеры на меня. Я открыл рот и затряс головой. Гера опять стал изображать, что он летит в небе, словно птица. Девушка не отпускала руку инструктора. Моторы ревели исправно.

Я уставился в иллюминатор, а там было на что поглазеть. Мы летели, разрезая облака, как сладкую вату, хотя они были густыми и скорее похожими на плотные и мощные льды Антарктиды. Мне захотелось даже выпрыгнуть из самолета и пробежаться по ним. Эх, рвануть, что ли, в Антарктиду? Хотя там, собственно, то же самое, только холодно и твердая поверхность. А облака неожиданно кончились, и стало видно землю: маленькие разноцветные прямоугольники. Как будто вся она из заплат и состоит. Странная, конечно, штука — жизнь, смотрим на мир под одним ракурсом и думаем, что он только один и есть, но стоит изменить угол обзора — вот так подняться на высоту, или, наоборот, спуститься в шахту, или съездить в другую страну, все сразу предстает в другом, неожиданном свете. Так и с проблемами: пока мы смотрим на них однобоко, они и кажутся нам серьезными и непреодолимыми. Надо изменить ракурс.

Чем выше мы поднимались, тем большая лавина волнения накатывала на меня. Это не был страх, скорее, приятное ожидание. Еще чуть-чуть, еще совсем немного — и потоки холодного воздуха будут обжигать лицо и руки, сердце будет с бешеной скоростью колотиться, а в голове пронесутся сотни мыслей, и первая о том, что драл я этот рак как сидорову козу. Я делаю то, что захочу, и ни в чем он не сможет меня ограничить, если я сам того не пожелаю. Ни в чем, понятно тебе? Ни в чем.

Снова забурлил адреналин. Человек тысячелетиями завидовал птицам, смотрел на них и печально вздыхал, наблюдая за их выкрутасами в воздухе, и продолжал бы завидовать, если бы не пара отчаянных (а их, конечно, было больше, чем пара, возможно, даже пара тысяч), несгибаемых мечтателей. Только их желание, только их стремление доказать, что людям подвластно многое, в том числе летать, только их упорство привели к тому, что теперь миллиарды желающих могут вот так сидеть в самолете на высоте четырех тысяч метров и ждать, как я, очереди, размышляя о том, как безграничны наши возможности.

А потом закралось сомнение, что вдруг мне не по силам этот прыжок, вдруг сердце не выдержит, и до свидания? Не хотелось бы... Но лучше уж так проститься с жизнью, чем на больничной койке. И словно в подтверждение моих мыслей, Гера улыбнулся мне и похлопал себя по колену, приглашая на него сесть.

— Что? — громко спросил я.

— Садись.

И Антон так же начал показывать жестами, что я должен сесть.

— Смелее, ну, — Гера начинал злиться.

Злить его не стоило. Сел, как и просили. Он тут же пристегнул мою обвязку к себе. Я и забыл, что нужно будет сидеть на коленях у инструктора. Я сразу почувствовал себя американским ребенком в канун Рождества. В роли Санты — Гера.

Антон снова начал вертеть головой, стараясь запечатлеть мои эмоции на свою гоупро. А чувствовал я себя не очень уютно. Во-первых, мандраж из-за возможных последствий, хорошо хоть, не надо самому отсчитывать секунды и раскрывать парашют, а во-вторых, не привык я расслаивать на коленях у парней.

К счастью, долго сидеть мне не пришлось, вскоре мы набрали нужную высоту и открыли дверь. Первыми к выходу направились одиночники, они смело, я бы даже сказал, как-то буднично подошли к двери и, не раздумывая, сиганули вниз. У меня даже дыхание сперло от их мужества. Хотя, возможно, просто это была нехватка кислорода.

И вот уже Антон стоял у обреза и улыбался мне. Я попытался улыбнуться в ответ, но мышцы лица отказались мне подчиняться. Я был неподвижен и тверд, как гранит.

— Пора, — крикнул Гера и начал вставать.

На ватных ногах я поднялся и застыл как вкопанный.

— Пошли.

Шаг. Еще один. И еще.

Каждый шаг был меньше предыдущего. Мне казалось, что мы вообще стоим на месте.

— Смелее, — подбадривал меня Гера.

Нет, надо было хорошенько подумать, прежде чем решаться на подобную авантюру. Все же рак — это не шутки. Еще и атмосфера разрежена. Я стал часто, словно рыба на берегу, вдыхать воздух и приговаривать про себя: «Спокойнее, Илюха, спокойнее».

А Герман уже командовал:

— Прогиб.

Я, разумеется, не слушал.

— Прогиб же, ну...

Поняв, что от меня не стоит ждать выполнения команды, он сам подогнул мои ноги, уложил голову себе на плечи, и мне даже показалось, что погладил ее, как заботливая мать, вернее, отец.

Через мгновение мы стояли у самого края, я выглянул вниз. Холодный ветер обжег лицо.

Облака, облака, облака. Не было видно ни домов, ни дорог, ни лесов, ни полей, ни рек. Бездонная пропасть.

Гера снова уложил мою голову на плечи. Антон прыгнул в эту бездну, а вслед за ним и мы. Ааааааа. Я лечу. Вернее, мы летим. Кувырок, Гера сжимает мои ноги в воздухе. Выглядит это, безусловно, странно, но, впрочем, мне не до этого. Ветер не просто свистит, он гроыхает в и без того заложенных ушах. Холодно, холодно, черт возьми. Но кровь в венах просто кипит. Честно говоря, все произошло так стремительно, что я мало что успел понять.

Сердце колотилось, как отбойный молоток, руки вцепились в лямки, а внизу по-прежнему ничего не было видно. Я зажмурился, пытаюсь сконцентрироваться на полете, но почувствовал осторожное постукивание по плечам. Пора расправлять крылья, то есть руки, конечно же, руки. Пришлось открывать глаза.

Выполнив эту команду, я как-то быстро и легко успокоился. Меня захватила волна эмоций, как же это круто, как же это нереально круто. Ааааа.

Я снова почувствовал себя здоровым, я снова почувствовал себя сильным и то, что в мире есть действительно невероятно приятные вещи, ради которых и стоило по-виться на свет. Это явно одна из них. Я вытянул большие пальцы рук. Я улыбал-

ся, как ненормальный, Антону. Я что-то кричал. Изображал, что я супермен. Вместе с Герой изображал, что мы птицы. «Дал пять» Антону. «Дал пять» Герману. Жадно глотал воздух. И снова изображал супермена.

А затем Гера снова похлопал меня по плечу, и это означало, что вот-вот раскроется парашют, свободное падение закончится и нужно схватиться за обвязку. Я так и сделал. Нас резко подкинуло, и вот мои ноги освободились от Гериных, а мы уже летели вертикально и очень неторопливо, словно мы вообще зависли в воздухе, словно до этого все происходило в ускоренной съемке, а теперь в нормальной или даже замедленной. Или, как говорят киношники, в рапиде.

— Ну, как? — спросил меня Гера.

— Здорово, — только и ответил я.

Антон улетел далеко вниз. Больше никто не снимал мои эмоции, да и они заметно угасли. Дышать было по-прежнему тяжело, но сердце успокоилось, и по телу разлилась приятная усталость. Настолько приятная, что меня даже слегка стошнило.

К счастью, Герман не заметил этого или сделал вид, что не заметил, он молча управлял парашютом, дергая то левую, то правую стропы.

Теперь уже стало видно землю, дома и деревья становились больше, объемнее.

Возможно, что заметил, так как вначале он пытался добавить экстрима, управлял так, чтобы ветер подхватывал нас и крутил, а потом вдруг резко мы перестали делать виражи. Гера дал попробовать поуправлять мне. Я подергал пару раз за стропы, а в голове у меня засела мысль, что никогда, никогда еще я не чувствовал себя настолько живым. Как будто до этого все двадцать девять лет своей жизни я провел на дне глубокой впадины и только сейчас впервые выбрался на поверхность и увидел, насколько прекрасен, а главное, разнообразен мир.

Метров за сто, как и предупреждал, Герман скомандовал «ноги».

Я поднял ноги, стал поддерживать их руками. Герман вытянул вперед свои конечности, и мы приземлились, довольно, нужно отметить, мягко.

— Ну вот, как и просил, приземлились на цветном куполе.

— А белый? — спросил я.

— А белый — это запаска, — засмеялся инструктор.

Гера отстегнул меня, а стоящий уже рядом Антон снова направил объектив камеры на мою довольную физиономию.

— Как ощущения?

— Круто. Это было круто, — засиял, как уличный фонарь, я.

— Ну, вот ты и сделал это.

— Да.

— Будешь кому-нибудь передавать приветы?

— Да, Валера, видишь, я сделал это? А ты сомневался. Всем привет, — закричал я и потерял сознание.

Ненадолго, всего на пару секунд. Но этого хватило, чтобы Антон с Герой едва в штаны не наложили. Очнулся я быстро, почти сразу же. Гера склонился надо мной и, приподняв, держал за голову.

— Все нормально? — спросил он.

— Все отлично, — ответил я и снова закрыл глаза.

Антон похлопал меня по щекам. Уже начали сбегаться люди. Во рту был неприятный привкус. Нужно собрать последние силы в кулак и встать.

— Говорю же, все путем, — я встал.

Меня шатнуло, но все же устоял на ногах.

— Точно?

— Да.

— Еще бледнее стал.

— Пройдет, — махнул рукой я и растянул на лице широкую улыбку, демонстрируя, что в норме и поводов для беспокойства нет. — Могу даже лезгинку станцевать.

— Не надо. Как тебя для прыжков допустили?

— Так же, как и всех.

— Да уж, — покачал головой Гера.

— Спасибо, — пожал я ему руку, — это было правда потрясающе и незабываемо, ты настоящий профессионал. И ты, Антоха, тоже.

Антон запечатлел, как я жму руку Герману.

— Точно, ты в порядке? — уточнил он.

— Точно.

Бежавшие к нам люди наконец-то добрались до нас, но Гера уверил всех, что волноваться не из-за чего.

Приземлившись, девушка из второго тандема стала визжать и прыгать от восторга, и все сразу переключились на нее. А я помог Гере и Антону собрать парашюты. После чего мы пошли обратно к аэродрому. Идти, правда, было непросто, меня пошатывало, словно я только что сошел с корабля или выпил бутылку водки. Зато больше не тошнило, и в голове наступила невероятная ясность. Я шел и смотрел не под ноги, а на небо. Всего несколько минут назад я был в его объятиях, а теперь снова приходится топтать эту пыльную землю. А если бы я послушался врача, то ничего этого никогда не испытал и был бы полным идиотом.

На аэродроме какой-то усатый дядька вручил нам с девушкой (ее, оказалось, звали Галина) сертификаты о том, что мы совершили прыжок. Галина снова начала кричать и прыгать, как пятилетняя девочка, даже на инструктора своего запрыгнула, стала говорить, что обязательно вернется, только денег накопит. Надо было видеть испуганное лицо инструктора. Он, когда из самолета прыгает, так не боится. Вот ее я бы точно отцепил в полете.

Усач пожал мне руку, передал сертификат и удалился. Антон заснял и этот торжественный момент. После чего попросил подождать с полчаса, пока он смонтирует видео и сбросит фотки. А мы пошли с Герой, чтобы я переоделся.

— Классная у вас работа, — искренне восхитился я.

— Самая лучшая, — закивал Гера. — Давление?

— Какое давление? — не понял я.

— У тебя давление повышенное?

— А, это? Ну типа того.

— Типа того, — передразнил Гера, — написано же: с давлением прыгать нельзя. Хотя я тебя понимаю, — печально вздохнул он, — я бы сам прыгнул, даже если давление.

— На стенку повешу, — зачем-то сказал я, продолжая вертеть в руках сертификат.

Гера похлопал меня по плечу.

А через полчаса я уже трясся в автобусе, вспоминая подробности моего небольшого приключения. Все-таки не прогнул ты меня, злобный рак, вот тебе, вот. И вот так еще. Буду бороться до последнего.

Позвонил Валера. Прямо как чувствовал.

— Живой?

— Ты каждый раз меня так будешь спрашивать?

— Наверное.

— Устанешь спрашивать.

— Судя по тому, что отвечаешь, живой.

— Правильное умозаключение.

- Ну, что, как?
- Обалденно.
- Прямо вау?
- Прямо вау. Мне видео записали. Так что посмотришь.
- Ага. Запасусь попкорном.
- Кстати, это мысль.
- Какая?
- Попкорн хочу.
- Какой, на фиг, попкорн? У тебя диета.
- Не нуди, а, — и отключился.

Реально, эта забота меня доконает.

Я включил плеер, уставился в окно и оставшуюся дорогу слушал Тома Йорка. «Я слизняк, я чудило...» Хорошая все-таки песня. Надо было попросить Антона, чтобы в видео ее вставил. Хотя можно и самому, только надо знать, в какой программе.

Дома первым делом я зачеркнул пункт «прыгнуть с парашютом». И сделал это с невероятным облегчением. По телу разлилось приятное, расслабляющее тепло, как будто залез в джакузи и валялся там около часа или даже больше. Да, джакузи бы точно не помешало. А кто-то может в любой момент позволить себе в нем поваляться. Но все же это не главное. Главное — вот так ставить цели и добиваться их. Это самое классное, что только можно было придумать.

И сразу же захотелось написать другую цель, и не одну. Я решил, что впредь так и буду: выполнять что-то одно, а вписывать вместо него не один, а два пункта. Так сказать, про запас.

Итак, первое, что пришло в голову: полетать на воздушном шаре; полетать на вертолете.

Какая-то летняя тема получилась. Тут от прыжка еще не отошел, а уже снова в воздух потянуло. С другой стороны, лучше сразу закрыть эту тему, пока есть силы и желание. А желания полно. Я даже нарисовал, как прыгаю с парашюта. Ну, как прыгаю, понятно, что прыгал не я, а Гера, но сертификат-то — вот он, так что чисто технически прыжок совершен. Геру я не стал рисовать, а сертификат приклеил рядом. Присмотрелся, смотрится неплохо, как будто здесь всегда и висел.

Какая-то наскальная живопись получается. Так она, собственно, и зародилась. Убил охотник бизона, нарисовал, что убил бизона, приукрасил немного, мышц себе добавил, животное покрупнее изобразил, а потом все увидели и поняли, что он убил бизона. Ну или началась гроза. Он в пещере сидит, не высовывается. Страшно: гром гремит, молнии сверкают. Он представил, что там старик какой-нибудь злобный на небе сидит, вроде Зевса, и молниями во всех швыряет. Нарисовал старика, другие увидели, говорят: «Так вот ты какой, северный олень». Понятно, что не олень. Так, просто фраза вспомнилась.

Вдруг сердце стало резко биться, давление в висках повысилось, их словно сжали тисками, ну или кто-то очень сильный, вроде Александра Невского, перепутав с арбузом, решил проверить на спелость, приговаривая: «Вот так вот, вот так вот, вот так вот». В глазах помутнело, и я снова вырубился.

Нет, это определенно невесело и начинает напрягать. Придя в себя, я выпил обезболивающее, я включил душ, я долго стоял под холодными струями прямо в одежде, я переоделся, я заварил кофе, я досмотрел «Во все тяжкие».

Потом взял себя в руки, открыл яндекс (он нравится мне гораздо больше гугла) и вбил в поисковой строке «полетать на воздушном шаре». Снова вылезло невероятное количество сайтов. На чтение этого я мог бы потратить целый вечер, точнее сказать, ночь, так как было уже за полночь, поэтому решил посмотреть одно видео

и пролистать прейскурант. Если лететь в группе, то пять тысяч с человека. Нормально, не особо дорого. Шестьдесят минут удовольствия. Около тридцати километров. Высота тысяча метров. Не четыре тысячи метров, конечно, но зато все видно и дышать можно. Надо брать. Есть возможность полететь и одному или вдвоем. Это уже двадцать пять тысяч рубликов. Дороговато. Да и с кем лететь? С мамой? Или с Валерой?

Представляю картину: приходим мы с Валерой и говорим:

— Здравствуйте, это же вы всех на воздушных шарах катаете?

А они сидят в офисе, уткнувшись в экранчики телефонов, отрываются от них:

— Ну да, мы катаем.

— Отлично. А нас покатаете?

— Вдвоем? — удивятся они.

— Ну да, вдвоем. А что тут такого?

— Да ничего, просто у нас можно покататься в группе с другими людьми, это намного дешевле. Или вы мизантропы?

— Кто мы? — спросит Валера.

— Мизантропы. Те, кто людей не любит.

— Их, конечно, не за что любить, но мы не мизантропы, — отвечаю я, — и денег жалковато, не без этого, но это же полет на воздушном шаре, это есть в моем списке. И я хочу получить незабываемые ощущения, а зачем мне их разделять с неизвестными мне людьми, которых я потом даже не увижу никогда и не скажу: «А помните, мы на воздушном шаре катались?», а они: «Помним, конечно», и я такой: «Это было круто». И они согласятся. Потому что это, правда, должно быть круто. Это же должно быть круто?

— Безусловно. А у него тоже есть в списке?

— Я Валера, — обиженно скажет Валера. — Нет у меня списка. Мы просто друзья.

И мы полетим с Валерой, а эти гады даже скидку нам не сделают.

Нет, с Валерой я точно не полечу. Это и правда дорого и глупо.

А видео меня не сильно впечатлило. Нет, красиво, я бы даже сказал, романтично, но после прыжка с парашютом кажется детским садом. Легонькая прогулка, не больше.

И я решил пересмотреть видео прыжка. Музыкачку Антон выбрал, конечно, не Тома Йорка, но ничего такую. Вполне динамичную. Не знаю, кто исполняет. И картинка хорошая.

Вот он я, реально бледный, слушаю внимательно наставления Геры, машу руками. Черт, да я сам себя не допустил бы к прыжку. Но нет, идем дружно к самолету, заходим, садимся. Вот наши пилоты. Улыбнулись в камеру, вот мы взлетаем. Вот я стал еще бледнее, видимо, как раз начал думать, что смогу не перенести прыжок. Вот Гера хлопает себя по колену, предлагая мне сесть. Вот они меня уломали, я сажусь и поглядываю на Геру. Еще немного облаков через иллюминатор. Вот открыли дверь. Одиночники двинулись к обрзу. А вот и мы с Герой. Я туплю, он кладет мою голову себе на плечи и гладит ее. Жесть, он гладит мою голову, как голову какого-нибудь ребенка. Это так унижительно. И вот мы уже в воздухе, кувырок, видно, что я не успел понять, что к чему, Гера хлопает меня по плечам, я расправляю руки, я радуюсь, машу в камеру и так далее. Но это уже не выглядит прикольным. Он погладил меня по голове. Кто его просил? Зачем он это сделал? Как будто я испугался и захныкал, как трехлетний малыш, а он решил меня успокоить. Ну да, поволновался немножко. Но не до такой же степени. И сразу стало понятно, насколько мы беспомощны. Надо было прыгать самому с восьмисот метров, наверное. Но теперь меня туда и на пушечный выстрел не подпустят. С этой мыслью я сжался в клубок, как котенок, и заснул. Видео осталось не просмотренным до конца.

Утром снова тошнило. Только вышел из ванны, как открылась дверь, и в комнату вошла мать. Вся растрепанная, юбка мятая, лицо перекошенное.

— Ты дома?

— Как видишь. Привет.

— Здравствуй, сынок. Болит?

— Ну, так, терпимо.

— Что не звонишь?

— Сегодня как раз собирался, — соврал я.

Она поняла, что обманываю, но сделала вид, что поверила.

— Дай хоть поцелую.

Мать сделала шаг, и ее качнуло. Сначала в одну сторону, затем в другую. Дойдя до меня, она схватила мою голову, словно боялась, что поведет еще сильнее, и прижалась своими сухими, обветренными губами к моей щеке. В нос ударил резкий запах перегара. Тройной одеколон, что ли, пила?

— Ты пьяная, — скривился я.

— Ну да, выпила. Да, я выпила немного, а ты уже и нос воротить.

— Немного? Да от тебя несет за километр. Такое ощущение, что на тебя цистерну спирта обронили.

— Да, я выпила, — повторила мать, — а что мне еще делать? Совсем отделился, сам болеешь, а сам даже не звонишь.

— Что делать?

— Да, что прикажешь мне делать? Ваше величество.

— Какое ваше величество? Мам, не устраивай балаган.

— Балаган я устраиваю. Да, устраиваю. Я не знаю, что мне делать. Как мне быть вообще? Как это пережить?

— Для начала не пить. Я же вот не пью.

— Мне плохо, Илюша.

— Мне, что ли, хорошо?

Она промолчала и начала рыдать.

Опять эти слезы. Ненавижу.

— Ну, хватит, мам. Тебе надо выспаться. Я понимаю, тебе тяжело, всем непросто. Но это жизнь. Я лечусь, стараюсь по крайней мере. И постараюсь выздороветь.

— Правда?

— Да. Ты, пожалуйста, тоже постарайся не пить больше. Я тебя прошу, хорошо?

Она промолчала, но с нежностью посмотрела на меня, погладила по щеке и вздохнула:

— Ты такой хороший...

Хороший, конечно. Меня просто напрягало ее присутствие. Своими слезами, своими всхлипываниями она давила на мозг и хоронила меня раньше времени. А мне совсем не хотелось думать о смерти. Мысли о воздушном шаре намного привлекательнее.

— Я не хочу тебя терять.

— Но я же тут, рядом.

— Это же не навсегда.

— Мам, ничего не бывает навсегда, даже солнце когда-нибудь остынет.

— А, — она махнула рукой и снова залилась слезами.

Надо срочно это прекращать.

— Мам, ну хватит. Все нормально. Мне не больно. А вот тебе срочно надо поспать.

Ты едва стоишь на ногах. Давай я вызову такси.

— Какое еще такси? Ты что, миллионер?

— Нет, но сто рублей найду.

- А у тебя нельзя поспать?
- Нет. Я щас уйду.
- Куда это?
- К доктору.
- Я с тобой.
- Какое с тобой? Чтобы он подумал, что у меня мать алкоголичка?
- Я посмотрела бы на него, если бы у него сын умирал.

И дальше в таком же роде.

Вот что за люди? И так невесело, так надо еще и проблем добавить. В итоге я все же вызвал такси, еще раз попросил больше не пить и отправил домой. А она удивляется, почему я не звоню. Настроение испортилось на весь день.

Позвонил Валере:

- Валера, нужны деньги.
- Ты не обнаглел?

Товарищ едва не поперхнулся.

- Нет.
- Что на этот раз? — спросил он не сразу, слышно было, как он успокаивал дыхание.
- Воздушный шар.
- Чего?
- Воздушный шар. Большой такой, — зачем-то очень глупо разъяснил я.
- Ничего умнее не мог придумать?
- А чем тебе шары не угодили?
- Катался я. Ничего особенного, — сказал Валера почему-то высоким голосом.
- Когда ты катался?
- Какая разница?
- Никакая. Я-то не катался.
- Вот и нечего. Деньги на ветер.
- Я сам решу на ветер или на что. Даже если не понравится, лучше я сделаю это, чем не сделаю и буду жалеть, что даже не понравится.

— Так говоришь, будто мотивирующих книг начитался. Наслаждайтесь каждым моментом жизни, не говорите нет, не откладывайте на завтра то, что можете сделать сегодня, побудьте с близкими, скажите, как вы их любите.

- Спасибо. Только что побыл. Хватит с меня.
- Мама заходила, что ли? — сочувственно спросил товарищ.
- Да.

— Она звонила мне. Жаловалась, что ты не звонишь, не ходишь, — вздохнул он.
— Она бухать начала, — я посмотрел на пустые бутылки, валявшиеся на полу, надо бы вынести, да и вообще не мешало бы прибраться.

- Ну, надо думать.
- Лучше б Богу молилась. Больше пользы, — взгляд перенесся в угол комнаты.

Рядом с паутиной там висела небольшая иконка Иисуса с терновым венком на голове. Рука невольно поднялась и перекрестилась. Раньше я как-то не обращал на нее внимания, да и попросту забыл о ее существовании.

- Угу, — согласился Валера и замолчал.
- Ну так что, когда ждать денег?
- Не дам я тебе денег.
- Жадюга, — я даже руки сжал от отчаяния.
- Тебе на лекарства дали.
- Раз двести повтори. А то мало слышал.
- И повторю. Ты как маленький.

- Ты слишком большой.
- Да, и мне надо работать, — мне показалось, что он даже ногой топнул по полу.
- А мне надо всего четыре тысячи.
- И у тебя останется только три.
- Ну, и нормально. Может, еще подбросят потом.
- И тебе не стыдно, что за твои развлечения должны платить другие?
- Нет.
- Тогда что мелочиться? Четыре тысячи. Ограбь банк, у тебя будет гораздо больше.
- А это мысль, вон как раз инкассаторы к банкомату подъезжают, окна, кстати, тоже не мешало бы помыть. Мутные какие-то. От этого и в комнате темнее.
- Удачи, — сказал Валера и повесил трубку.

Понятно, что никого грабить я не буду. Хватит мне и «Ашана». Но деньги надо как-то заработать. В школе учили, что честность всегда подкупает. Но где они, эти учителя? Многого добились честным трудом? Или так и обучают разных балбесов, приговаривая, что такого ужасного класса у них еще не было. Скорее всего, второе.

Была не была, напишу в группе: ребята, спасибо и все такое, но я, скотина такая, на шаре воздушном захотел покататься, а денег нема. Я, конечно, понимаю, что кризис и никто не обязан, но я, как-никак, умираю, хотя и всячески стараюсь продлить свое пребывание на нашей прекрасной планете. И вообще, я уже прыгнул с парашютом, а на минуточку, на такое ох как немного человек решается, так что не скупитесь, помогите кто чем сможет. Вот номер карты. Кидайте, не стесняйтесь.

Взял и написал. И видео с прыжком выложил. Как Гера меня перед полетом по голове гладит. Пусть смотрят, пусть гордятся мною. Я бы на них посмотрел, как они в таком состоянии забоялись.

Выложил и пошел варить кашку. Овсяную. Пока варил, выглянул в окно. Инкассаторы продолжали кружиться у банкомата. Что-то у них явно не клеилось. Один из них — тот, что пониже и поплечистее, — стоял чуть в сторонке, переминался с ноги на ногу и держал мешочек с деньгами, второй — повыше и поуже соответственно — ковырялся внутри банкомата, за что-то с силой дергал и утирал пот со лба. Наконец, не выдержав, тот, что пониже и поплечистее, отодвинул в сторону второго, отдал ему мешок и стал дергать сам. Второй смотрел на него и тоже начал переминаться с ноги на ногу.

Вот так подойти сзади, выхватить мешок и бежать. А лучше оглушить чем-то обоим быстро и можно даже машину угнать, там наверняка денег побольше. Но что это за мысли? Нет-нет-нет. Никакого ограбления. Я, как и Остап Бендер, чу Уголовный кодекс.

Решил проверить группу. А там уже появились первые комментарии:

«Реально прыгнул? Во даешь...»

«Я не верю, тупо фотошоп»

«Как можно было с раком допустить до прыжка? Там совсем, что ли, от замороженные люди работают?»

«Так заботливо погладил перед прыжком».

Заметил кто-то. Наблюдательные...

«Вот ты замороженный. Совсем с головой не дружишь».

«Похоже на разводку. Отписываюсь».

«Отписываюсь за компанию. Я думала, ты правда болеешь».

«Молоток. Кидаю пять соток на шарик»

И тут раз — и смс: «зачислено 500 рублей».

Волгоградские товарищи не забывают. Красавчик, Андрюха, спасибо. Вспомнил, как мы сидели на набережной, опустив ноги в Волгу, болтали ими и квасили какую-то

бормотуху похлеще коктейлей Венички Ерофеева и запивали пивом. У него еще откололся зуб, когда он пытался открыть бутылку зубами.

Я так и ответил.

«Да не за что, — ответил Андрюха, — выкладывай еще видео».

Легко, только соберу сначала три пятьсот.

Каша, конечно, остыла. Я еще и дул на нее. Подносил ложку, дул и клал ложку обратно в тарелку.

А число комментариев неминусом росло:

«Всегда подозревала, что у тебя с мозгами ненормально».

«Я тоже прыгала, прошлым летом. Тоже с Герой. Он классный, скажи?»

«Да, нормальный парень», — ответил я.

Пришла еще одна смс: «Зачислено 300 рублей. Счастливого полета!».

Неплохо. Итого восемьсот рублей. Хотя прошло не больше десяти минут. Раковый бонус действует.

А уж потрещать люди любят, медом не корми.

«Парашют, воздушный шар, что дальше?»

«Мне бы до воздушного шара дотерпеть 3200 осталось».

«Понял».

Смс: «Зачислено 200 рублей».

«Спасибо».

Курочка по зернышку клюет.

«И не забоялся?»

«Нет».

«А я бы ни за что на свете не решилась».

Кто это вообще? Какая-то Катя Федоскина с аниме на аватарке. Откуда она здесь и зачем? Не решилась бы и не решилась, мне-то что. Но она не успокаивалась:

«Я и на самолете боюсь летать».

«Ну и зря».

«Все равно страшно. Как покажут, что очередной самолет упал, меня аж в дрожь бросает. 4000 метров — даже представить не могу».

«Зато какие эмоции».

Я напечатал чуть ли не целую страницу о том, как это необыкновенно, сколько адреналина получаешь, начинаешь смотреть на мир другими глазами и, вообще, в жизни надо все пробовать, иначе зачем мы вообще здесь, но потом я вспомнил Валеру с этим его «как в мотивирующих книгах» и не стал ничего отправлять. Кто я, чтобы поучать. Не Ганди же. Боишься — не прыгай.

Зато эсэмэски начали приходиться одна за одной. В это даже трудно было поверить. Удивительно, насколько отзывчивыми могут быть люди. Через двадцать минут на карте было уже больше пяти тысяч, а еще через полчаса — все пятнадцать. Не нужно никого грабить. Все добровольно расстаются с денежками. Надо только грамотно попросить.

Вовка написал:

«А фотки есть? У меня инет слабый, не грузит видео».

Вовка. Сто лет с ним не виделись. Как он, так же бухает, закусывая огурцами? Наверняка, как и все, женился, стал отцом, отрастил себе пузо, ездит на «ларгусе» или на «калине», расплачивается за кредит, матерится, что денег постоянно не хватает, и какой тут, к чертям, второй ребенок, когда одного-то не в силах поднять. Хотя за второго дадут материнский капитал, а значит, можно будет начать потихоньку строиться, глядишь, лет через семь и переехать сможет. Сын к тому времени подрастет, останется только посадить дерево, и жизнь, можно сказать, состоялась. Вот только сейчас надо

на всем по максимуму экономить. Поэтому даже инет должен быть плохой, но дешевый, самый дешевый из всех возможных интернетов на свете.

«Вован, для тебя что угодно». И выложил. Почти сразу добавилось лайков. Значит, не зря прыгал, так и надо. Кто-то даже репост сделал. Кто-то предложил завести страничку в инстаграм. Хорошее предложение. Почему нет?

И вот я уже подробно ищущу информацию о том, как зарегистрироваться в инстаграм. Скачиваю приложение, захожу аккаунт «раку по попке», добавляю фотки с Пирогово, кидаю ссылку в группе, проверяю. Тут же десять подписчиков. Двадцать первый век. И снова комментарии, лайки, слова поддержки.

Каша так и осталась нетронутой. Застыла, превратилась в настоящее месиво из грязи и известки. Таковую есть — себя не уважать. А я не буду. Зачем? Теперь можно позволить себе пиццу, и не одну.

— «Додо пицца», здравствуйте!

— Здравсьте, мне, пожалуйста, ассорти, самую большую и самую вкусную. Только самую-самую.

Девушка засмеялась:

— Обязательно.

— Покрошите туда всего и побольше-побольше.

— Мы всегда так и делаем. Адрес назовите.

Я назвал.

— В течение часа же?

— Да.

— Только, вы, пожалуйста, поторопите их, а то очень кушать хочется.

— Непременно.

— А вас как зовут?

— Светлана, а что?

— Светлана, я очень на вас надеюсь. Я очень, просто очень голодный.

— Я не я буду, — снова засмеялась Светлана, — глазом моргнуть не успеете, как уже будете есть нашу пиццу.

Я моргнул.

— Моргнул. Даже два раза.

Девушка снова засмеялась:

— Ждите звонка, — и повесила трубку.

Пицца — это классно. Тут же настроение поднялось. Самочувствие улучшилось. И вообще — жить здорово.

Комменты читать не стал. Их прибавилось, но надоело. Пришла очередная смс. Кто-то целых две тысячи прислал. Вот спасибо. Приятно. Я уже больше, чем оператор квестов за месяц зарабатывает, получил. И вот теперь можно и «Сола» посмотреть.

Включил сериал. Потом принесли пиццу. Она, должен отметить, была горячая и вкусная. Пахла мясом, колбасою, грибами и помидорами. Тесто нежное, сыр тянувшийся, оливки мягкие. Что может быть лучше? Вот молодцы итальянцы, казалось бы, ничего особенного, порезали все, что было в холодильнике, уложили на слой теста, засунули в духовку, и вуаля, готовить-то нечего, а какая вкуснота получилась. Ароматная, сочная, красочная. После еды по телу разнеслось расслабляющее тепло. Стало так хорошо-хорошо, но ненадолго: не успев перевариться, пицца полезла обратно. Потом меня бросило в пот. Участилось сердцебиение. Я пил таблетки. Затем уснул. Снились герои мультика «Простоквашино» на концерте «Ленинграда». Проснулся, связался с аэроклубом «Купола», договорился насчет полета в группе. Начал ждать неделю.

Сдавал анализы. Виделся с Валерой и Ингой, они начали выговаривать, что не очень хорошо просить деньги на свои сомнительные желания, а я их угостил pekanbonami.

Потом зашел к матери, отобрал у нее две бутылки портвейна, уложил спать, читал ей Чапека, ждал, пока она уснет,

Затем общался с блогершей, та предложила полететь со мною и сделать репортаж, но я отказался, во-первых, зачем мне это, буду отвлекаться, думать о том, как себя вести, и получу гораздо меньше удовольствия от полета, а во-вторых, я и сам могу сделать репортаж, зачем мне какая-то блогерша?

В довесок к инстаграму, в котором уже набралось девятьсот двадцать четыре подписчика, завел еще и блог.

Выслушал обвинения, точнее, прочитал о том, что я самый обыкновенный мошенник и тупо развожу людей на деньги. Не стал им отвечать, просто сделал пару фоток страничек из медицинской карточки, шелкнул снимок желудка и выложил в сеть.

И вот наконец наступил день воздушного шара. Он выдался вполне солнечным. Лучи разлетелись по всему городу, как армия назойливых мошек, и так же настырно одолевали велосипедистов, прохожих, бродячих собак, дома, крыши, окна. Они скакали по зеркальным стеклам офисных небоскребов, рождая сотни солнечных зайчиков, но абсолютно никому не было до них дела. Люди спешили, люди хмурились, смотрели только под ноги. А я вот радовался. Не все ж грустить да сгибаться пополам от боли.

Лететь договорились в половине девятого вечера, чтобы в небе полюбоваться закатом. Одна группа встречала рассвет, а нам досталось более романтическое время. Может, еще свечи будем жечь? Хотя там и так огонь горит. Почти что летающая корзина с камином. Романтика...

Нас было пятеро. Я и четыре подростка, лет пятнадцати-шестнадцати. Пилот Леонид, невысокий и довольно шуплый мужичок, на вид около сорока лет, с узким носом, большими ушами и недельной щетиной, и его помощник, он же фотограф Богдан, похожий на него как две капли воды, только немного выше, полнее и младше, с бородкой чуть подлиннее и ушами чуть покороче (видимо, брат), настороженно посмотрели на группу молчаливых ребят, переглянулись и стали рассказывать, что нас ожидает. Второй помощник, двухметровый усач Валентин, как-то странно улыбался и хихикал, он ничего не рассказывал. Тинейджеры, напоминающие персонажей аниме, слушали крайне внимательно. Было непривычно видеть сосредоточенных подростков, не пляющихся в телефоны.

— Ты за старшего? — спросил Леонид в конце инструктажа.

— Я сам по себе.

— Он не с нами, — подтвердил хриловатым, не до конца сломавшимся голосом самый задумчивый паренек с царапиной на подбородке.

Леонид с Богданом снова переглянулись, а Валентин захихикал.

— И только кошка гуляет сама по себе и лишь по весне с котом, — пропел Богдан.

— Ладно, время не ждет. Ну-ка, молодежь, помогайте, — скомандовал Леонид.

И мы дружно выгрузили корзину из машины, затем держали шар, пока наши капитаны его надували. Все это время подростки молчали, как черепахи. Ладно, парни, допустим, они хотели казаться брутальными, но девчонка-то, неужели она не испытывала никаких эмоций? У меня лично все клокотало внутри, я встал у самой дыры посередине шара, и мощным потоком воздуха меня едва не сдуло с места. Я громко закричал от удовольствия, позируя Богдану. А эти даже не улыбнулись. Зачем тогда лететь? Или их насильно сюда отправили?

Девчонка стояла в сторонке, ковыряла ботинком землю. Богдан смотрел на нее не отрываясь. Влюбился, что ли? Почувствовав его взгляд, девчонка подняла голову,

затем подошла к нам, подставила руку, подержала немного, но паренек, тот, что был самым задумчивым, опустил ее руку.

Я не выдержал:

— Молодежь, вы чего такие хмурые, как на похоронах прям?

Девчонка вздрогнула, но никто ничего не ответил.

Вот ведь странные личности. Аутисты какие-то.

Через пару минут мы уже забирались в корзину, слушая в очередной раз указания Леонида, что держаться можно только за петли и за баллоны. Сказано — сделано. Все схватились за петли, и мы взлетели. Валентин же завел мотор и поехал, стараясь не упустить нас из виду.

Это круто. Еще один пункт можно скоро будет вычеркнуть. Я вынул телефон, тоже решил пощелкать. На парашюте такой возможности не было. Виды, конечно, шикарные. Деревья, поля, дома, машины, реки, люди, дороги — все уменьшалось с каждой минутой, пока не стало таким крошечным, что стало казаться кукольным, словно мы были в парке Диснейленд. В самолете видно через иллюминатор, но он слишком быстро набирает высоту. Тут же мы плавно, будто в лифте, взлетали все выше и выше, и ничто не ограничивало обзор. Я снова закричал, а подростки взялись за руки. Прямо секта какая-то. Вадим сфотографировал их, они даже не обратили внимания.

Вообще, летая на воздушном шаре, можно: качаться в корзине, задевшей верхушки деревьев, собирать еловые шишки или гладить ели и сосны, скользить над озерами и реками и щелкать макушки болотной травы, пугать лягушек, пугать собак, пугать прохожих, махать им и кричать сверху, кричать небу, кричать земле, во все горло распевать «Трава у дома», плясать внутри купола, греться от пылающего огня, как от камина, дышать облаками; любоваться закатом, наслушаться баек и анекдотов пилота и его помощника, а также историю самого первого полета, строить грандиозные планы захвата планеты или хотя бы одного материка, вцепиться в борта при посадке и орать, как футбольные фанаты, и, наконец, быть посвященным в графский титул по особому обряду, с шампанским и землей или пучками сорванной травы.

Вариантов много, но ничего из данного списка не произошло. Вернее, не успело произойти. Как только мы поднялись более или менее высоко, подростки разом попытались выпрыгнуть из корзины.

К счастью, Леонид с Богданом оказались к этому готовы. Пока я соображал, что происходит, они уже схватили ребят и крепко держали их за руки.

— Пустите, — кричал паренек с царапиной на подбородке, — пустите, мы все равно прыгнем.

— Вы что, сдурели? — не меньше него расплылся Богдан. Его лицо раздулось от напряжения и стало похоже на гигантскую вишню с хипстерской бородкой.

— А ну помоги, — скомандовал пилот.

Я крепко сжал руки девчонки, так, что даже запульсировало в висках. Она, разумеется, не стояла на месте: брыкалась, толкалась, пыталась меня укусить, даже плюнула, но я увернулся.

— Быстро успокойтесь, а не то ноги всем поотрываю, — взревел Леонид.

Неожиданно, но это подействовало. На какое-то время они и правда замолчали и перестали сопротивляться.

Пилот тут же начал экстренное снижение. Он связался по радиации с Валентином и описал ориентировочное место приземления. Мы же с Богданом сцепили руки, словно обнимали огромный бабаб, и старались не выпустить подростков из образовавшегося кольца.

Шар же стремительно опускался, и когда до земли осталось не более двадцати метров, подростки окончательно приуныли.

— Вы сделали только хуже, — печально вздохнул паренек с царапиной на подбородке. На земле они окончательно сдулись, как и наш шар, и начали реветь почище младенцев.

— Вы не понимаете, — трясаясь от слез, говорила девчущка (ее, кстати, звали Луиза), — они страшные люди, очень страшные. Они никого не жалеют.

— Никого, — подтвердили остальные.

— Если они узнают, что я провалила задание, они покалечат маму.

— Что за бред? — не поверил я.

Но Луиза так вцепилась в мою руку, что та побелела, как потолок после покраски.

— Вы не знаете, они очень могущественные люди, они ни перед чем не останутся.

— Так уж ни перед чем? — усомнился Леонид.

Он держал в руках термос и наливал чай, Богдан с Валентином раздавали кружки.

Хорошенько этим ребятам, однако, промыли мозги. Я дико взбесился. Голова закружилась так, словно я три часа не слезал с карусели, тошнота подступила к груди.

— Не надо при мне говорить про боль и страдания. Ясно?

— Почему?

— По кочану.... Потому что у меня рак.

— Что?

Люди любят задавать глупые вопросы, когда слышат что-то неожиданное. Серьезно? Какой рак? Как будто бывает много раков.

— Я же вроде четко произнес: «У меня рак».

— Seriously? — еще сильнее заволновался Леонид.

Я кивнул.

— Ну и денек, — пилот устало переглянулся с помощником, — за что нам все это?

Я пожал плечами. Что еще я мог ответить?

— Вы даже не знаете, как вам повезло, — переключился уже на подростков я и стал их отчитывать, как директор школы хулиганов, порвавших библиотечные книги или пронесших на дискотеку бутылку дешевой водки, — вы молодые, у вас вся жизнь впереди, а жизнь — это самое ценное и прекрасное, что есть на свете. Ее ценить надо, ею надо дорожить, я, как и вы, не ценил, и вот... Вы даже не понимаете, как трудно осознавать, что у меня осталось всего двести, максимум двести пятьдесят дней, и далеко не все из них будут такими... такими приятными, как этот, потому что ничего приятного в походах в больницу, в таблетках, в постоянной сдаче анализов, в непрекращающихся болях нет. Но даже один такой приятный день, когда осуществляются твои желания, когда можно не думать о боли и о том, что ты умираешь, даже один такой день ценнее остальных ужасных двухсот или чуть больше дней. И ради него только и стоит бороться и не опускать руки. А вы сами решили лишиться себя всего этого, — и провел этими самыми руками по кругу, демонстрируя «все это», — ну разве не придурки?

Я обвел всех взглядом, словно лектор после удачного спича, ищущий в глазах слушателей подтверждения тому, насколько он способен воодушевлять других.

— Что будем делать? — спросил Валентин.

— Звонить в полицию, — ответил Леонид.

— Не надо полицию, — завершали подростки.

— Может, правда не надо, — поддержал их Богдан, — а то еще прикроют нас...

— Надо, Даня, надо, — сказал Леонид и вытащил из кармана телефон.

Тинейджеры еще сильнее испугались и начали умолять никому не звонить и ничего не рассказывать, уверяли, что они все осознали и больше такого не повторится. А дальше я помню очень смутно, так как неожиданно у меня помутнело в глазах, резкая и дикая боль пронзила все тело, я в одно мгновение повалился на землю и потерял сознание.

— Только этого нам не хватало, — услышал я слова Богдана перед тем, как совсем отрубиться.

Очнулся в машине. Уже стемнело. Подростки сидели рядом. Леонид не сводил с них глаз. Богдан шлепал меня по щекам.

— Ты в порядке? — спросил он.

Я кивнул. Во рту отвратительный вкус желчи смешался с приторным запахом ванильного ароматизатора, от чего тошнило сильнее. Голова раскалывалась от боли. Перед глазами плыли круги. Если это можно назвать в порядке, то вполне.

Никаких полицейских не было. Но в городе нерадивых школьников ждали суровые и обеспокоенные родители. Они не стали устраивать драм посреди улицы, хотя было заметно, как сильно им хотелось. Родители сдержанно поблагодарили Леонида и его команду за бдительность, синхронно обняли своих чад и удалились. Тинейджеры с понурыми головами поплелись за ними.

— Подбросить тебя? — вежливо спросил Леонид.

— У вас и так горячий вечерок выдался. На такси доеду, — ответил я.

— Ты, это, держись, — сказал Богдан.

— Спасибо, стараюсь.

А Валентин ничего не сказал. Молча завел мотор и с ревом сорвался с места.

Дома я тут же залез в ванну, принял эти чертовы таблетки. Меня раскумарило, да так мощно, что я не услышал звонка Валеры. А он звонил тридцать четыре раза. Истеричка.

Да, не совсем то, о чем я мечтал. Но в жизни всегда так. Мы планируем одно, а выходит так, как выходит.

Утром я сперва почувствовал дикий холод. Вода-то давно остыла. Включил горячую, но не успел согреться. В дверь начали откровенно ломиться.

Валера. Кто же еще?

— Слава богу, ты живой! — выдохнул он, увидев меня.

— Конечно, живой. У меня еще двести дней в запасе.

— А фиг ли ты на звонки не отвечаешь?

— Уснул. Не слышал.

— Уснул он. Я себе места не нахожу. Думал, все... С шарами своими этими...

— Спасибо, Валера. За твой оптимизм.

— Да иди ты... Беспокоишься за него. А он острить начинает.

Ну точно мамаша. Мамаша Кураж.

— Валер, я, это, есть хочу.

— Угу, ешь. Ладно, рад, что с тобой все нормально. Поеду работать.

— Давай, удачного дня.

В дверях он развернулся и пристально посмотрел на меня.

— Илюх, завязывай ты с этими полетами. Лечиться тебе надо, понимаешь?

— Ок, как скажешь, — в третий раз соврал я и выпроводил товарища за порог.

Заканчивай с полетами. Валера как скажет. Посмотрел бы я на него в моей ситуации. Хотя нельзя так говорить. Никому нельзя желать подобного. Пусть все будут здоровы и счастливы.

Я вспомнил, что Богдан не отдал мне никаких снимков. А неплохо было бы отчитаться о своем приключении. Завел аккаунты, будь любезен, выкладывай посты, обновляй информацию. Хорошо, что хоть что-то щелкал на телефон. Даже селфи успел сделать. Его я и выложил в первую очередь. Продублировал в группе вконтакте. Потекли лайки и комменты. «И как ощущения?». «В космос не собираешься?». «Как приземлились?». «Страшно не было?» И так далее.

В этот раз комментарии мне быстро надоели. Я выложил остальные фотки и уже собирался выходить из сети, как в вк мне пришло новое сообщение от пользователя Svetochka 33245:

«Здравствуйте, Илья! Фу, как банально звучит. А как начать по-другому, не знаю. Ладно, уж пусть так будет. Кароче. Это Луиза. Сама не знаю, зачем пишу вам. Честно говоря, я три раза уже стирала, это четвертый. Нашла вас через поисковик, думала, будет сложнее. Опять я что-то не то несу. У меня всегда так. Ну, или потому, что не знаю, зачем мне это нужно. А вам тем более... Кароче. Я просто не перестаю думать про те ваши слова. Ну, помните, что надо ценить жизнь и все такое. Понятно, что ничего особенного, так все говорят, но просто у них нет такой болезни, а у вас есть. Простите, если это звучит как-то грубо или невежливо. Вам, наверное, неприятно, когда напоминают, мне бы точно было. Я помню, у меня ячмень однажды вылез, так я из дома не могла выйти. Все только на него и пялились, а это реально бесит. А у вас не ячмень, у вас вообще жуть какая-то. Я никого раньше не видела с раком, дурацкое слово какое-то. Лучше онкология. Хотя, нет, ни фига не лучше. Кароче, не суть. Опять я что-то не то несу.

Простите, не вы в смысле, а то, что у вас... сама болезнь, кароче... я не знаю, на фиг они айфоны эти придумывают, когда тут такое. Не в смысле, что айфоны — фигня полная, а в смысле, что, как можно чем-то другим заниматься, когда надо всем объединиться и в первую очередь придумать, как побороть эту болезнь. Я тут глянула статус, так пипец, столько народа из-за него умирает. Сорри, сорри, сорри. Вам, наверное, неприятно, когда про смерть. Кароче, как-то ваще не деликатно получается... Стереть бы все, но в пятый раз я точно писать не буду. Мне кажется, я понимаю вас. Блин, родители идут. Я потом вам еще напишу. Можете ответить, а можете нет, как хотите, каро...»

Не дописала. Не успела, значит. Я перечитал. И ответил.

«Здравствуй, Луиза! Не ожидал получить от тебя сообщение. Конечно, я помню тебя. И да, согласен с тобой, что рак — это отстой, но ты вполне деликатна, и меня не корезит от упоминания о нем. Пока что, по крайней мере. И с лекарством и айфонами согласен. Тоже не понимаю, как можно заниматься другим, когда такие серьезные проблемы не решены. Ты пиши, спрашивай, если что-то интересно. Мне тоже интересно. А по поводу моих слов ты тоже права, в них ничего особенного. Просто вы меня тогда реально выбесили». И нажал отправить.

Почитал новые комментарии. Выпил таблеточки. Послушал Тома Йорка. Вспомнил Несси. Погрустил. Почитал самые новые комментарии.

А счет пополнился еще на десять косарей. Неплохо, совсем неплохо. Некоторые месяц спины гнут за такие зарплаты. А тут стабильно падает. Более того, один парнишка написал, что у него дядька какой-то начальник в МЧС и он может взять с собой — покататься на вертолете. Отлично, еще одна цель из списка практически осуществлена. Из вертолета, надеюсь, никто выпрыгивать не станет, иначе это будет уже Хармс с его вываливающимися из окон старухами.

Я ответил: «Просто шикарно! А когда он сможет взять с собой?»

Сразу же пришло сообщение: «Да хоть сегодня. Пожары, они шас каждый день на вертолетах летают».

«Отлично! Я за».

«Ок. Подходи тогда к зоопарку. Через час можешь?»

«Могу, а почему к зоопарку?»

«Живу тут рядом. Вместе полетим».

«А как узнать тебя? На аватарах одни картинки».

«Я сам к тебе подойду. Только не возле самого зоопарка, а на Песочной, 12. К самому дому подходи, я выйду».

«Ок».

Ну вот, жизнь, можно сказать, налаживается, если бы еще не рак...

Собрался за пять минут, не на свидание же. Сел на трамвай. Народа немного. Нравится мне в трамвае кататься. Едешь себе неторопливо, на город смотришь, мысли в голове перебираешь. А думал о том, что, оказывается, несложно добиться того, чего хочется, нужно лишь правильно попросить. А люди вполне отзывчивы, не один, так другой проявит сочувствие и поможет.

Трамвай плавно повернул на перекрестке и остановился на нужной мне остановке. Уверенным шагом я направился к Песочной. У третьего подъезда стоял невысокий розовощекий парень с копной каштановых волос. Заметив меня, он замахал рукой, приветствуя и приглашая подойти.

Что-то показалось мне странным, но что, я так и не понял.

— Илья, — произнес я, протягивая ладонь для рукопожатия.

— Угу, — ответил он, — щас домой только заскочим. Телефон забыл.

— А далеко дядька?

— Да не, тут близко.

— Ладно, — сказал я, хотя подумал, что мне-то проще тут подождать, чем идти с ним в квартиру, но почему-то не решился предложить.

Мы подошли к двери, которая в то же мгновение открылась сама, и нам навстречу выскочили два типа спортивного телосложения и с чулками на головах. Они тут же схватили меня и затащили в подъезд.

Я, разумеется, ничего толком не успел сообразить. Все трое начали меня бить, а первый засунул мне шарф вместо кляпа в рот и крепко держал его сзади.

Все, что я мог, — мычать. Но парни обрушили на меня новые удары и велели заткнуться. Было не столько больно (тем более что я давно сижу на обезболивающих), сколько обидно и неожиданно. Я не понимал, что происходит, кто это, что им от меня нужно. Бить тяжелобольного человека — крайне жестоко, это настоящее зверство.

Неожиданно удары прекратились. «Тихо!» — зашипел один из них. И меня уволок под лестницу. Оказалось, что кто-то вызвал лифт, и мы пережидали, пока он, она или они спустятся.

«Вот он, мой шанс», — пронеслось у меня в голове, но парни, словно прочитав мои мысли, еще сильнее зажали мой рот и вцепились в руки и ноги.

— Только пикни, — расслышал я у себя над ухом, и вслед за этим леденящее лезвие металла уткнулось мне в шею.

Серьезные ребята. Вот встрял.

Тем временем лифт доехал до первого этажа. Каблуки женских шпилек зацокали по ступеням. Девушка. Лучше не подвергать риску. Ей рожать еще, да и вообще слабый пол. Злодеи дождались, пока дверь захлопнется, и отпустили мои конечности.

— Хватит с него, — скомандовал тот, что ждал меня на улице.

— Не понимаю, вам что надо от меня? — промычал я сквозь чьи-то пальцы.

— Чего? — не расслышали они.

Пальцы слегка разжались.

— Не понимаю, вам чего надо от меня? — повторил я.

— Не понимает он, — хмыкнул тот, что был по правую руку, по чулку у него поползла большая такая стрелка, Я попытался его разглядеть, но не смог. Зато увидел у него на тыльной стороне кисти татуировку в виде парящего орла.

— На бабки людей разводишь.

— Ничего я не развожу. У меня реально рак. И вы охренели бить больного человека. Но вместо ответа еще один крепкий удар прилетел мне ровно в солнечное сплетение. На этот раз обезболивающие не спасли. Резкая боль разнеслась по всему телу, меня даже начало лихорадить.

— У меня настоящий рак, — из последних сил пролепетал я.

— А у нас настоящий кредит, — и все трое загоготали.

— На вертолетике покататься захотел?

Я не ответил.

— Сколько ты уже собрал? Сотку? Две? Три?

— Да какую сотку? Парни, вы же видели, что я больше пятнадцати и не просил.

— Хорош заливать, — и нож еще глубже уткнулся в шею.

— Я серьезно.

— Серьезный какой, — ухмыльнулся тот, что с татуировкой.

— У меня все на карте. Пойдемте до банкомата, сами убедитесь, там тыщ двадцать, не больше.

— Сколько?

— Двадцать.

Все трое остались недовольны.

— Да гонит он, к гадалке не ходи, — у этого чулок был без затяжек.

Снова удар. За ним второй.

— Вот же мрази вы, — просипел я. Во рту пересохло.

— Ладно, сколько есть, все — наше, — заключил тот, что стоял сзади меня. Видимо, мозг и главарь банды.

Вот тебе и добрые люди.

— А я рассчитывал на седьмой айфон, — расстроился парень с целым чулком и шмыгнул носом.

— Ты и рассчитывал — плохо совместимые понятия, — огрызнулся главарь и обратился ко мне: — Пошли до банкомата. Только пикни мне, моргалы выколю.

Они что, «Джентельменов удачи» пересмотрелись?

— Понял меня?

— Понял.

— Ждите в тачке, — скомандовал он и подтолкнул меня к выходу.

Во дворе было безлюдно. Как назло. На ватных ногах я прошел несколько шагов, меня шатало.

— Туда, — бандюган поднял левую руку, указывая путь.

К счастью, банкомат оказался в соседнем доме. Как всегда, в сбере была очередь. Кризис в стране, кризис, а возле банкоматов не протолкнуться.

— Ни звука, — шепнул урод.

Я кивнул:

— Помню.

Подошла наша очередь. Были бы инкассаторы, можно было бы рискнуть. Но инкассаторы как-то учли, что нужно будет спасать меня. И не приехали.

— Ну вот. Двадцать тысяч двести семьдесят четыре. Как я и говорил, — сказал я после ряда нехитрых операций, демонстрируя баланс этому ублюдку.

— С..., — негромко выругался он, — не мог больше просить?

— Я не развожу людей. Я честно написал, сколько и для чего мне нужно.

— Снимай давай.

— Сколько?

— Все.

— Все не снимутся. Надо, чтоб кратно стам было.

— Не клепи мне мозг. Двадцать тысяч двести снимай, — он так произнес это «снимай», что получилось «сымай». Словно в какие-нибудь революционные года: «Власть меняется, сымай шаровары».

Я снял. Куда деваться? А уже через мгновение его и след простыл. Тоже мне Дэвид Копперфильд.

Я, конечно, тоже молодец. Поверил в добрых людей, как же. Накатался, Илюша? Хорошо, что правда двадцать тыр было, а не двести. Но каковы же эти прощелыги. Избить больного человека, ограбить. На седьмой айфон он рассчитывал. И ничего не сделаешь. Не обращаться же в полицию. Только показаний мне да вызовов в полицию не хватало. И вдруг острая боль как пронзит тело. В глазах потемнело. И я снова потерял сознание. Прямо в сбербанке. Черт возьми! Это уже напрягает.

Очнулся от запаха нашатыря. Передо мной врач «Скорой помощи».

— Живой?

— Как видите. Спасибо. Я в порядке.

И начал вставать, чтобы продемонстрировать.

— Куда вскочил?

— Говорю же, нормально все. Спасибо за помощь. У меня всего лишь навсего рак. Одна маленькая такая опухоль на полжелудка. Ничего страшного.

Тетка в длинной красной юбке с большими черными горошинами и голубой блузке, через которую проглядывал огромный белый бюстгальтер, испуганно вздохнула и закачала головой:

— Страсть-то какая...

— Сами вы страсть, — ответил я и ломанулся к выходу.

Прекрасно покатался на вертолетике.

Обратно ехал без мыслей. Тупо пялился в окно и слушал «Radiohead». Тело ныло. Телу было больно. Решил изучить, насколько пострадало это тело. На ребрах образовались гематомы. Черт знает, что буду доктору говорить. Лишь бы не было перелома. Потом я понял, что как-то некультурно расстегивать рубашку и разглядывать синяки. На меня и так уже пялились во все глаза. Застегнулся. Не буду никого смущать.

Дома рухнул на диван. Сил не было никаких. А ведь всего час назад было прекрасное настроение. Посмотрел на обои — не помогло. Надо закинуться еще обезболивающими, залезть в теплую ванну. В ванне приятно ничего не делать. Гематомы налились багрянцем, расплзлись по груди и ребрам. Уроды! Чтоб вам карма сполна ответила за ваши зверства.

Дополз до ванны, включил воду. Она стремительно и с шумом полилась вниз. Вода успокаивает. Я вновь отрубился и увидел свет. Понятно, что банально. Но почему-то все только про него рассказывают. Ни Альберт Эйнштейн, ни цирк летающих обезьян, ни шоу Жана Мишеля Жара или третья часть «Ла-ла Лэнда». Тупо свет горит и манит за собой. Ну, хорошо, свет так свет. В конце концов, не мы выбираем картинку. Это не телевизор с тремьями подключенными каналами и качеством 4К.

Просто свет, и так хорошо, так тепло. И музыка еще словно из волшебного сказочного фильма или про космос. И я становился все легче. Неужели это все? Да как-то рано. Если только внутреннее кровоизлияние.

И вот лечу. Себя не вижу. Вижу свет и различные яркие фигурки, как в калейдоскопе. Если сменить музыку, похоже было бы на психоделический клип. Что-нибудь из «Pink Floyd» или «Yellow Submarine» «битлов». И тепло, тепло, тепло...

Оказалось, это вода. Оказалось, я залил соседей. Оказалось, я провалялся больше часа. Теперь оплачивать им ремонт. Впрочем, они не настаивали, когда узнали

про рак. Но почему из-за моей болезни должны страдать другие? Сказал, что оплачу. И дело с концом.

Ванну принимать не стал. Хватило. Снова добрался до дивана. Залез в инет. Урод этот, конечно, удалил страницу. Правда, сперва написал сообщение:

«Мы столько раз пытались замутить страницу и собирать бабло, типа на лечение, но всегда обламывались, а у тебя как-то получилось. Так что не переживай, братан, намутишь себе еще».

Тоже мне братана нашел. И он так и не поверил, что я не разводил, что я по-настоящему болею. Хотя и неувидительно, такие люди никому не верят, потому что сами обманывают и разводят.

И еще сообщение. От Луизы. Только сейчас до меня дошло зайти на ее страницу. Но ни фото, ни какой-нибудь полезной или интересной инфы. Десять друзей, все без доступа. Стена свободная. Значит, фейковая страница. Специально создала.

«Простите, что не дописала, но пришли родители, а они запретили все телефоны, планшеты, даже фотик отобрали, он у меня типа с вай-фаем, хотя на нем инета нет.

Кароче, реальная тюрюга. Хоть вешайся. Но я у малой отжимаю телефон, пока никого нет и никто не спалит.

Пацанов вообще в лагерь какой-то психологической помощи и реабилитации отправили, жеть. Меня тоже хотели, но я кое-как отбилась. Я им такой концерт устроила, Егору Криду и Тимати со всей Black star мафией не снилось. Но телефон все равно отжали.

Кароче, я тогда не договорила, вернее, не дописала. Ну, про ваши слова. Вы же тогда еще о китах говорили, ну то, что у них пол мозга спит, и все такое. У меня такое ощущение, что у людей вообще весь мозг спит, причем всегда. Вечно ноют, что им все не так, везде одно дерьмище, а сами при этом ни фига не делают, только ноют. Ну, или животных вообще не жалеют. Столько видов на грани вымирания, а всем пофиг, они в километровые очереди за айфонами выстраиваются. Не то, чтобы я прям против айфонов, я уже говорила, просто это реально же так. Столько дерьма, которое решать и исправлять никто не хочет.

А про китов я загнула. Да, они классные. Они петь могут. Офигеть, я почему-то сразу представила концерт китов, где-нибудь в Марианской впадине. Сверху волны, а внизу они такие сидят на креслах в бабочках, слушают. Или в каком-нибудь кремлевском дворце. Концерт кита Басты. Простите, ерунду пишу. Какие концерты? Просто они реально какие-то неземные. Большие такие, вдумчивые, независимые. Плавают, где хотят. А люди и их умудряются отлавливать и есть. Люди вообще много жрут. Не замечали? Опять отвлеклась.

Вот эти ваши желания... Так-то прикольно, но они не то, что несуразные, а какие-то простые что ли. Вот увидеть кита было бы классно. Хотите посмотреть на кита? Давайте вместе, а? Блин, опять ро...»

И снова оборвалось. Неприкольно ей. Тут я, как ребенок, радовался. А ей простые. Мажористая, что ли, девочка? И чуть не выбесила меня. С жиру детки бесятся. То за деньги одноклассников унижают, то из автомата в полицию стрелять начнут, то на папиной машине раскатывают... Куда катится мир? Зачем она мне пишет? Тоже поразвлекаться?

Написал ответ:

«Здравствуй, Луиза! Сочувствую твоему положению. Как же плохо-то. Ай-ай-ай. Тебя лишили такой радости, как телефон. Как дальше жить? Это же такая трагедия, такая трагедия... Да, я ерничаю.

Но на месте твоих родителей я бы не то что телефон или в лагерь, я бы драл тебя как сидорову козу, чтобы месяц потом сидеть не могла.

Что-то незаметно, что вас так сильно напугали, что вы готовы были пожертвовать собой ради счастья или спокойствия близких. Или это все сказки про страшных неизвестных, которые ни перед чем не остановятся?

Вот меня сегодня отметили. Я им кричу: „У меня рак“, а им пофиг, пофиг. Ты говоришь, что люди о животных не думают. Да им вообще на всех наплевать, кроме себя, любимых. На всех абсолютно. Но делать что-то надо, это ты правильно сказала.

Вот ты пишешь, что знаешь, что такое отстой, очень интересно, что же это? Ты попала под обстрелы в Сирии? Бежала из страны? Голодала с африканскими детьми? Что для тебя отстой?

И да, что же для тебя не мелко тогда? Чего бы ты хотела сделать?»

Отправил. Ух, как она выбесила меня. Даже пошел и купил пива.

Дети двухтысячных. Считают себя крутыми. Что крутого вы сделали?

Понятно, что сам ненамного старше. Но такое ощущение, что целая пропасть между нами. словно в разных странах родились, в разные эпохи. Хотя, по сути, так и есть. В совершенно разных странах. Мы появились на обломках СССР, а они уже в независимой России, в мире, где дети раньше, чем говорить, учатся держать в руках планшет, где если тебя нет в соцсети, то тебя в принципе как человека не существует, в мире, где можно выложить, как ты смотришь кино или КВН, обсуждаешь его и этим собираешь многотысячную армию фолловеров. Или говоря нормальным русским языком — последователей. А какие, на фиг, могут быть последователи у человека, который сам, по сути, ничего значимого еще не сделал? Очень странный этот мир. Очень странный.

Пиво быстро кончилось. Идти за второй бутылкой было лениво.

Я зашел в группу. Выложил фотки синяков. И написал, что не все мечты сбываются, рассказал, как подло меня сегодня развели. Как вместо вертолета отхватил лещей, как лишился денег и парочку мыслей о карме, толерантности и нашем предназначении.

Тут же посыпались комментарии: куча слезливых смайлов, кто-то кинул немного денег, кто-то отозвался, обещал найти сволочей, что меня кинули. Найдет ли?

А в конце какой-то Вова Калунов написал, что у него тоже есть дядя и он пилот. Как раз вертолетом управляет, но это точно не развод. Он прислал фото дяди. Усатый такой, за штурвалом сидит, улыбается. Так вот он у него узнает, и наверняка можно будет организовать настоящий полет. Я, конечно, могу не поверить, но он искренне хочет помочь, и очень жаль, что мне попались мошенники, которых и правда дико много развелось в последнее время.

Я и правда не совсем поверил. Посмотрел страницу, хотя бы реальная. С фотографиями. Вот Вова в Турции, вот катается на сноуборде, вот на каком-то фестивале, вот в квартире с друзьями, вот в той же квартире с родственниками, среди которых и этот дядя.

Чем черт не шутит. Попытка номер два. Добавил этого Вову в друзья и написал, что согласен. Второй раз вряд ли меня будут мутузить.

Вова написал:

«Завтра я все узнаю и отпишусь».

«Отлично. Спасибо, Вова!»

«Не за что!»

«Да пошел ты!» — а это уже Луиза. Не понравилось, что отчитал. Пошел так пошел, не стал отвечать. Включил «Сола» и посмотрел три серии подряд. Как же здорово, что есть отличные сериалы. И как мне этого будет не хватать. Все же фильмы так не захватывают. Засесть за три фильма подряд тяжело, а вот полсезона или даже сезон драмеди или ситком за один день — вполне реально. Непонятно только, почему у нас не могут так писать и снимать. Чего-то пыжаты, косят под Голливуд, а на деле жалкие пародии и ничтожные потуги. Да и вообще сдулись как-то наши писатели.

Весь мир до сих пор может назвать исключительно Толстого с Достоевским или Чеховым. Где они, современные Достоевские? Где Пушкины, Лермонтовы, Бунины? Неизвестно. Обмельчали служители пера. А у них почти каждый второй фильм по книге выходит. Что ни роман, то бестселлер.

Это немного расстроило меня. Стал думать, есть ли такая книга, из-за которой было бы мучительно умирать, так как буду знать, что больше никогда ее не перечитаю? И решил, что нет. Есть крутые романы, интересные повести, сборники рассказов, но таких, чтобы жить без них не хотелось, нет. И не знаю, как это у людей получается так сильно влюбляться в книги. Интересно, а что Луиза прочла в своей жизни? Читала ли она Маркеса, Ремарка, Кизи?

И не напишешь, не спросишь. Я же «пошел ты».

Но она написала сама: «Фу, я не думала, что ты, я думала, ты нормальный... Чего орать-то? И правильно, что отметилили. Давно надо было и по сильнее. Извини, что на ты, но уже сорвалась, а теперь глупо опять выкаты, да и ты не старик, вроде».

Вся жизнь моя отстой. Да, может, я не голодала с африканскими детьми, и вообще никогда не голодала. Зато меня никто не любит. Ни один человек на этой планете. Родителям по хрену на меня. Вообще. Телефон отняли, вот и вся забота. Нафиг меня рожали вообще? Такое чувство, что они повинность какую-то исполняли. Любимый дедуля заявил, что не отдаст бизнес, пока не родят ему внуков, вот им пришлось стараться, правда, все равно не угодили. Внучку родили. Но дедуля потом быстро крякнулся, а папуля завладел корпорацией. Мебельный магнат, блин. И мамуле на меня начхать. То в Париж, то на Бали. Хэштэг Сказочное Бали... Они, по-моему, соревнуются, у кого больше любовников. А обо мне только на днюху вспоминают, купят новый айфон и радуясь, Луизочка. Еще и имячко выбрали, самое долбанутое, какое только можно было выбрать.

Не, поначалу мне даже нравилось. А потом я поняла, что никому я нахрен не нужна. И всем, абсолютно всем, по хрену на меня. Ровное место, вакуум. Отстой. А в школе пацаны преподы только из-за родителей и клеятся. Мечтают, что им тоже перепадет что. Они и меня, как стодолларовую купюру с ручками и ножками, видят. У всех крыша едет из-за этих бабок. Нет, конечно, неплохо, когда они есть. Можно купить, что хочешь. Вот мамуля так любовничков себе покупает, а папуля любовниц и Феррарс Мазерати. Но это же ни хрена не любовь. Нельзя все только деньгами мерить. А они меряют или меряют? Как правильно?

Ладно, неважно. Кароче. На самом деле я врала. Ни хрена они не шли. Ну, там, в постах предыдущих. Они вообще в доме раз в полгода появляются. Просто писать надоедало... Ну, и думала, что так красивее будет. А телефонов у меня этих 5. Хочешь и тебе подарю? Хотя нет, не буду я тебе ничего дарить. Чао!»

Я и не сомневался. Избалованная девчонка. С жиру бесится. Естественно, для нее мои желания мелочные. Она их за один все выполнить может. Не любят ее. Ну-ну, конечно. Да миллионы людей мечтали бы оказаться на ее месте и жили бы припеваючи.

Еще и врушка вдобавок. А вот имя и правда не лучшее. Хотя не так и сложно поменять. Странно, что она этого не сделала. Впрочем, не мои проблемы. И с какой стати меня должно беспокоить имя какой-то дрянной, избалованной девчонки? Вот именно, что ни с какой. Я стал представлять, как ей живется. Для начала дом. Это должен быть не просто дом, а настоящий дворец. Минимум трехэтажный. Из красного декоративного кирпича, с яркой зеленой крышей. Небольшие, но уютные окошки. Внизу садик, аккуратно подстриженный газон. Розы, тюльпаны, лилии, так же аккуратно подстриженные деревья: яблони, груши, абрикосы. Садовник в зеленом комбинезоне и клетчатой рубашке. Какая-нибудь небольшая пошловатая статуя: глава семейства в роли дискобола или Аполлона.

Обязательно бассейн с прозрачной, голубоватой водой. Сауна, бильярд. Огромные, просторные комнаты и обязательно много красных оттенков. Красный — богатый цвет.

А вот комната Луизы — белоснежная. Белые стены, светлый пол, белая кровать, даже покрывало такое молочное, меховое, с такими же меховыми наволочками на подушках, которые Луиза постоянно швыряет куда подальше, так как ненавидит все и всех в этом доме. И бассейн ненавидит, плавает в нем, выходит из него, вытирается пушистым полотенцем и ненавидит. Единственное неплохое для нее место — это библиотека, огромная, шикарная библиотека с десятками тысяч книг, которые, правда, никто не читает, даже Луиза, стоят, пыль собирают, но это гордость, мол, вон мы какие умные, вон сколько у нас книжек. А Луиза читает мало и со своего айфона. Вот кинозал еще — неплохое место. Экран три на пять, четыре ряда кресел, и, главное, работает в любое удобное время. Но это тоже немного радости приносит.

Как же тяжело жить, когда тебя не любят. Ай-ай-ай. Пожалейте бедного ребенка. Хотя нет, не надо быть таким злым. Она всего лишь подросток. Я-то давно эту стадию преодолел, тем более умираю. Не надо поддаваться эмоциям. Трачу нервные клетки почему зря, а они, как известно, не восстанавливаются. Выдохнул пару раз и сел писать ответ:

«Да, имечко у тебя не самое лучшее. Но это не проблема, сходи в паспортный стол да поменяй. Будешь Даздраперма или Феоктинья, как тебе больше нравится. В свободной стране живем. Можешь даже фамилию сменить. А вот то, что ты не нужна родителям, это правда отстой. Хотя у меня детство было похуже твоего. Да что там похуже? Это был полный отстой, если перевести на твой язык.

Но ты так и не ответила, что бы ты включила в свой список желаний. Хотя подозреваю, что тебе не так уж и много хочется, половину из моего списка (если не больше) ты давно уже попробовала или сделала. И да, ты не подарок, ты избалованная, высокомерная девчонка. Не знаю, говорили тебе это или нет. Подозреваю, что нет».

Отправил. Тут же пришел ответ:

«Расскажи про детство».

Вздорная девчонка. Неинтересно... Вроде неглупая. И настолько несчастная, что тянется ко всем, кто хоть как-то проявляет к ней внимание?

Заварил чаю. Некрепкого, разумеется. Сидел с чашкой в руках, вдыхал земляничный аромат. Понятно, что химия, но приятно щекочет ноздри. Не хочу ни к каким врачам. Не хочу никаких лекарств. Ну, разве что немного обезболивающих. Совсем немного. Зато быстрее все закончится.

Позвонил Валера:

- Куда пропал?
- Куда я могу пропасть?
- Вообще есть куда.

Помолчали. Валера нарушил тишину первым.

- Заходил в твою группу...
- Тогда ты все знаешь.
- Знаю.
- Можешь поглумиться.
- Да что глумиться? Просто я был прав.
- Был. Молодец ты, Валера, знаешь жизнь.
- Заехать к тебе?
- Давай только не сегодня, — и отжал трубку.

И сел писать ответ Луизе. Пальцы сами заскользили по клавиатуре, мозг едва успевал за ними, хотя должно быть наоборот. Я рассказал про детство, про отца, про эти

чертовы обои, про школу, про кулек, про Волгоград, про Валеру, Алису, Несси, о том, как узнал диагноз, — словом, про все то, что случилось со мной до сегодняшнего дня.

Пока писал, не чувствовал боли, тошноты, озноба — ничего. Вот что значит быть увлеченным чем-либо. Мне стало понятно, почему актеры на сцене играют воодушевленно и непринужденно, бегают, прыгают, чуть ли не летают, будто ничем не больны, а уйдя за кулисы, тут же валяются с ног, бледнеют и с трудом могут шевелить конечностями. Пока ты погружен во что-нибудь, пока растворяешься в этом на сто процентов, ничто на свете не может тебе помешать.

Когда поставил финальную точку, на часах было полпятого утра. Я помню, что решил спать всего по несколько часов. Но решить — это одно, а вот сделать — совсем другое. Не хватает трех-четырёх часов больному организму, и это тоже жестокая несправедливость. Отправил сообщение. И тут же вырубился.

Я видел сны. Я видел много снов. Мне снились горы Килиманджаро. Мне снилась трезвая мать. Довольная, в шикарном платье с меховым воротником. Мне снилась Луиза на единороге. Мне снилось, что я супергерой и в очередной раз спасаю целый мир от глобальной катастрофы. И наконец, мне снился Том Йорк. Мы сидели на берегу Волги и ели вафельные стаканчики. Он загадочно улыбался, а я все время думал, как же он похож на мышь. Не знаю почему, но лица многих людей похожи на животных: собак, кошек, грызунов, медведей, енотов. Мы не разговаривали, просто ели мороженое, вкусное белоснежное мороженое, а потом он встал, расправил крылья и вознесся на небо. С этим, конечно, перебор. Какой он ангел? Но сну не прикажешь, как снится, так и видишь.

Проспал я, страшно подумать, четырнадцать часов. Не слышал ни звонков телефона, ни эсмэсок, ни сигналов оповещений вконтакте. И должен сказать, что нет ничего прекраснее, чем просто хорошенько выспаться, не думая ни о чем на свете.

За окном кипела жизнь, а мне было параллельно. А мне было фиолетово и серо-буро-малиново. И не только на душе. У меня реально перед глазами все было почему-то фиолетовым. Выпил таблетки. Не сразу, но полегчало.

Снова затрещал телефон. Валера.

— Жив?

— Как слышишь.

— Когда ты научишься сразу отвечать на звонки? Пятый раз уже звоню. Волнуюсь же.

— Валер, потом. Все потом. Я в душ.

Товарищ начал было возмущаться, но я сбросил вызов и уверенным шагом направился в ванную.

Вода приятно бодрила. Капли растекались по телу, по коричневому кафелю, разбивались о дно ванны, все время двигались, бурлили, неслись. Есть что-то магическое, что-то завораживающее в воде. Не зря говорят, что вода — это жизнь, жизнь зародилась благодаря воде, жизнь зародилась в воде, в воде живут киты.

Все же неплохое желание: посмотреть на живых китов. Зря я так взъелся на Луизу. Каждый смотрит со своей колокольни, а ее колокольня изначально стоит на высокоом холме. И ничего не напишешь. Думаю, африканским детям тоже не особо радостно рождаться в бедных многодетных семьях, но ничего не сделаешь. Мы лишь набор хромосом и ДНК.

Что-то я расфилософствовался. А неплохо бы и желудок наполнить. Заварил кашу, прочел эсмэски. Все от Валеры. Пишет, что надо мне установить видеокамеры по всей квартире. Уже давно можно транслировать в Интернет, включил, посмотрел, увидел, что я сплю или смотрю что-нибудь или заперся в туалете, и можно не нервни-

чать. А вообще надо бы нанять сиделку. А то как это вообще — в одиночку бороться с раком?

Вот так, легко. Только видеонаблюдения мне в квартире не хватало.

Не стал ему ничего отвечать. Пусть сам поймет, насколько это глупо.

Несколько сообщений от Сбербанка. Счет увеличился на четыре тысячи. Неплохо. Спасибо вам, добрые люди. Да минует вас чаша сия, не минувшая меня.

Затем проверил группу. Очередные отписавшиеся, несколько добавившихся. Похожие комментарии — скучно.

А вот и Вова Калунов пишет:

«Узнал. Завтра утром можно. Ты как, готов?»

«Ау. Илья, ты где?»

«Что молчишь? Ты жив?»

Ха-ха, теперь самый распространенный вопрос. Не «как дела?», не «как самочувствие?», не «что нового?», а «жив ты или нет?». Если разобраться, то это у всех надо спрашивать. Мы же не знаем когда. В любой момент можно склеить ласты.

Ответил:

«Жив, не беспокойся. Ок. Завтра так завтра, я только за. Пиши адрес».

Почти сразу он написал:

«Аэродром Пирогово».

Меня туда на пушечный выстрел уже не пустят. Хотя надену кепку, темные очки, куда они денутся?

«Ок. Завтра буду».

Аэродром Пирогово... По крайней мере, меньше похоже на развод. Что-то зачал я в небо, скоро и так вознесусь, непонятно, чего сейчас-то тянет? Вообще куда нас всех постоянно тянет? Сказано же: «Рожденный ползать — летать не может», ходили бы себе по земле, но нет, то в небо, то в горы, то на дно океана. Все потому, что людей слишком много, и кому-то спокойно не сидится. Как правило, это самые впечатлительные натуры: либо женщины, либо эмоциональные парни и мужчины. Хотя, если разобраться, в этом мире все из-за и ради женщин происходит, либо она чего-то хочет, и мужчина как добытчик должен ей это принести, либо женщина сама не знает, чего хочет, тогда мужчина должен понять, угадать, удивить и принести то, что порадует женщину, либо женщина вообще ничего не хочет, но действия мужчины должны быть, как в предыдущем случае. И немного женщин, которые сами знают, чего хотят, берут и делают это. Число таких представительниц пока еще слабого пола увеличивается, феминизм не дремлет. Уже есть женщины президенты, у нас есть женщины-кандидаты в президенты, хорошо, что не увижу времени, когда женщины полностью завладеют миром. А оно неминуемо.

Сообщение от Луизы:

«Как можно на вертолетиках кататься, когда любовь всей твоей жизни неизвестно где и знать не знает, что ты умираешь? Ты нормальный вообще? Надо же найти твою Несси. Обязательно найти. У меня нет слов. Я расстроена»

И новое сообщение:

«В общем так, с этой минуты я беру все в свои руки. Надо же помогать несчастным и тупоумным больным. А то они настолько тупы и беспомощны, что сами ничего не могут. Она, конечно, тоже молодец — уйти с концами, но она девушка, полюбому же ждала, что ты найдешь, вернешь и больше никуда не отпустишь. Ну, ничего, я не ты.

Раскрутим группу твою, напишем во всех соцсетях, если надо, по телику тебя покажем. Отыщется, куда она денется. Такое ощущение, что это мне тридцатник, или

сколько там тебе? А тебе, как раз по ощущениям, 14, если не меньше. Откуда только такие идиоты берутся?»

И третье:

«Только ты, это, не обижайся, да? Я не со зла. Просто, правда, ну нельзя так. Это же круто, когда есть любимый человек. Меня вот никто не любит, но это не страшно, я уже смирилась. Меня не любят, я не люблю, все нормально. А вот ты... Да я в лепешку бы расшиблась, чтоб ее найти. Понятно тебе? Кароче, теперь все будет по-другому. Может, вылечишься даже. Бывают же всякие чудеса, хотя я не очень верю. Но вдруг твоя Несси тебя вылечит. Как увидишь ее, сразу и поправишься. Может, ты без нее заболел со всякими там Алисами».

Что за жизнь вообще? Одна девушка со странным, редким именем взялась помогать мне отыскать другую девушку со столь же редким именем.

И я подошел к обоям. Места становится все меньше, но не рисовать я не мог. Быстренько изобразил сидящую на троне Луизу с маленькой, но стильной короной на голове и с подозрительной трубой в руках, а затем лототрон, внутри которого разместились моя группа в вк, и то, как Луиза раскручивает лототрон с моей группой.

И ничего лучше, чем снова лечь спать, я не придумал. Выключил телефон. Правда, сначала написал Валере, чтобы не беспокоился, все нормально, все очень даже хорошо, так что приезжать не надо. А затем погрузился в крепкий сон.

Утром я списался с Вовой. Затем оделся. Сел в автобус. Поехал на аэродром Пирогово. Увиделся с Вовой. Никто меня не узнал. Впрочем, я сам никого не узнал. Познакомился с дядей Вовы. Его, кстати, тоже звали Вова. Ничего удивительного: у нас в стране это популярное имя. Забрался в вертолет. Сел рядом с дядей Вовой. Вдохнул кислород, наполненный ароматами солярки и авиационного бензина. Мы взлетели и полетели.

Шум невероятный. Скорость и высота по сравнению с самолетом просто детские, но, черт возьми, мы летели на вертолете, и то, что еще вчера я только мечтал об этом, а сегодня сижу себе спокойно, гляжу в иллюминатор на землю, не могло не потрясать.

Это непередаваемое счастье — иметь возможность исполнять свои страстные желания. Стало так легко и тепло-тепло внутри, просто невысказанно, словно на облаке сидишь и наслаждаешься вечерними лучами солнца. И облако как пюре, и лучи как шелк. И в этот момент я понял, что больше не нужно мне никаких других желаний. Никаких. Хватит с меня. Ну разве что сняться в кино, но это если повезет и только после встречи с Несси. Луиза была права: эти желания — ребячество, не более. Можно до бесконечности составлять списки. Мотоциклы, гироскутеры, коньяк двухсотлетней выдержки, аэротруба, сноуборд, акваланг, прогулки по Северному полюсу — всего не перепробовать. А в жизни есть вещи поважнее.

Владимиры так на меня смотрели, так радовались, что оказались полезны, что осуществили мои заветные грезы. Их лица светились от счастья, словно они сами оказались перед Дедом Морозом, а не выступили в его роли. Дядя Вова подмигнул мне:

— Ну, как?

— Шикарно, — ответил я, представив, что снова обнимаю Несси и вдыхаю тонкий, едва уловимый аромат ее духов.

А на земле уже Вова повторил тот же вопрос.

— Спасибо, дружище, было очень круто, — я похлопал его по плечу.

— Да не за что. Я вообще-то про самочувствие спрашивал.

— А, — улыбнулся я, — не поверишь, отлично, лучше любого лекарства.

— Верю.

И оба засмеялись.

По дороге я выложил новые фотки в группу и инстаграм. Кажется, число подписчиков значительно выросло. Да не кажется, а так и есть. Восемьсот вместо утренних двухсот восьмидесяти восьми. Луиза. Вот только когда она успела? И на телефоне порядка двадцати новых смс о зачислении на карту. Уже даже не стал считать, сколько всего перевели.

Новые сообщения от Луизы:

«И где ты пропадаешь? Я, главное, тут школу прогуливаю, тружусь, как пчелка, народ тебе в инст заманиваю». «Ты там живой, я надеюсь?». «Кароче, мне это не нравится, срочно ищу тебе хорошего онколога». «Кароче, Авдошин Сергей Валентинович. Завтра пойдешь к нему на прием. Если ты там живой».

Вот шепутная девчонка. Представляю, как она взбесится, когда узнает, что я был в Пирогово. Прочитал новые комменты, отвечать никому не стал. Число подписчиков выросло до восьмисот сорока четырех. В группе наполовину меньше. Пролистал новые эсэмэски от сбера. Смотрел в окно, прилипнув к стеклу. Помучился от угрызений совести и боли в желудке. Грыз желтое сморщенное яблоко.

Через полчаса ответил Луизе:

«Прости. Даже оправдываться не буду, хотя кидать Вову и его дядю тоже было бы некрасиво. Люди сами позвали, организовали, искренне хотели помочь, не хотелось быть неблагодарной свиньей. Но я даже не думал, что ты так сразу с места в карьер возьмешься решать мои проблемы. Скажу честно, я так не привык, но это, конечно, мои проблемы. Ты хорошая, ты очень хорошая, Луиза, и я на месте твоих родителей дико гордился бы тобой. Нечасто в наше время встретишь таких отзывчивых и приятных людей, хотя мне в последнее время стало везти на них, не знаю, почему раньше не везло, а сейчас везет.

Прости, что так долго говорю. Но еще раз повторю: я очень ценю то, что ты сделала и сделаешь, обязательно пойду к Сергею Валентиновичу и любому другому специалисту. И, кстати, насчет вертолета ты была права. Не то чтобы мне не понравилось, но ничего удивительного и прямо вау не было. В посте я, конечно, немного по-другому описал, чтобы никого не расстраивать. А тебе могу сказать, потому что доверяю, потому что благодарен тебе».

Ответ:

«Да пошел ты! Летай дальше, пока не сдохнешь прямо в воздухе».

Люди вот проявляют сострадание, помогают осуществить мои тупые и наглые желания. Хотя не должны. Кто я им? Никто. Что я сделал для них? Ничего. Ну да, болезнь, ну да, умру. Но так все умрут, но не всем даются эти бонусы. А чем я заслужил? Дарю другим надежду? Какую надежду? Побороть рак? Ну так его можно победить только силой воли, чудом и лекарствами. А я как-то не стараюсь лечиться. Сначала к доктору отправил Валера, теперь вот Луиза, завтра, может, еще кто отправит, а мне бы с аквалангом поплавать да панд погладить. Наглый и жалкий эгоист. Но что, что я могу подарить миру?

Стало горько. Я прилип к окну. Тут я заметил парня, того, что со своими товарищами развел меня и заставил снять все деньги с карты. Он был один и сильно напуган, активно размахивал руками и что-то кричал. Его окружила толпа рассерженных людей и начала метелить. Через мгновение он лежал на земле и даже не пытался отбиваться, получая все новые и новые мощные удары.

Есть все же справедливость. Я ведь говорил: карма не дремлет.

Включил телефон: «Может, уже напишешь про Несси? Или я сама?»

Написал. Мол, пропала хорошая девочка, особые приметы, всем, кто видел, или слышал, или хоть что-нибудь знает, просьба писать в личку или по электронному адресу. Не в таком ключе, конечно, иначе бы еще одного гневного письма от Луизы не

избежать. Но чуда не произошло. Лайки, репосты, комменты, но одного-единственного сообщения: «Да это же Несс, вчера с ней только виделись», так и не появилось.

Я доехал до дома, купил бутылочку «Хугардена», в несколько глотков выпил и практически сразу отрубился, а утром уже сидел в кабинете Сергея Валентиновича. Довольно тучный человек с очень высоким лбом и небольшими, редко посаженными зубами подмигнул мне и принялся изучать карту с историей болезни. Мне понравилось, что он не болтал лишнего, не делал лишних телодвижений, не деликатничал со мной и не был пренебрежителен, словно делал мне одолжение. Все давалось ему просто и естественно, несмотря на вес и размеры. Короче говоря, во всех отношениях приятный человек. Он осмотрел меня, отправил на повторные анализы.

Правда, результаты оказались неутешительными. На мгновение улыбка исчезла с его лица, а затем он честно сказал:

— Порадовать вас, молодой человек, нечем, извините.

— Я и не сомневался, Сергей Валентинович.

Помолчали. Вот и все. Умерла надежда. А без нее, как известно, и мне рассчитывать не на что. Опухоль увеличилась. Ни о какой ремиссии и речи быть не могло. Химия бесполезна, радиотерапия тем более. Каких-то новых экспериментальных таблеток, о которых часто упоминают в фильмах, ждать не стоило. Все средства могли лишь оттянуть конец на месяц-полтора. А стоило ли это делать? Доктор напрямую спросил меня об этом. Возможно, не совсем профессионально с его стороны, но вполне логичный и оправданный вопрос. Действительно, что даст мне этот месяц? С каждым днем будет становиться только хуже. И хуже, черт возьми! На что я надеялся?

Просто в глубине души я не верил, что все по-настоящему. Это мираж, сон, игра, очередной квест, но только не правда. Только не реальность.

Онколог искренне вздохнул и похлопал меня по плечу. У него не было спасения для меня. Он такой же человек, как и многие. А люди, к сожалению, не всемогущи.

Не было и хороших новостей в соцсетях. Как сквозь землю провалилась. Ни слуху ни духу. Даже ни намек. Но ведь так не бывает. Не должно быть так. Хотя жизнь упорно доказывает, что именно так и бывает.

— Вы только Луизе ничего не говорите, назовите какой-нибудь препарат, мол, назначили и все такое.

— Договорились.

Я вышел из кабинета, ноги были словно не мои и отказывались слушаться.

В коридоре ждал Валера. Он и привез меня в клинику.

— Ну, как?

Я молчал.

— Ну, как? — повторил вопрос товарищ.

— Валер, прости меня за все.

— Какой прости? Ты чего? — и вдруг осекся. — Он что? Погоди. Не может быть...

Я развел руками и сел на скамейку. Ноги совсем не хотели или не могли держать.

— Ты же сам сказал, что он крутой доктор.

— Так и есть, наверное...

— Наверное. Пусть тогда назначит лечение. Дорогое, очень дорогое, неважно какое, деньги найдем, деньги найдем, не проблема. Так же нельзя.

Товарищ направился было к кабинету, но я схватил его за руку:

— Не мешай человеку работать!

— Да он не доктор, он шарлатан. Пусть сделает что-нибудь.

— Валер, он сделал уже.

— Что он сделал?

— Все, что мог.

— Отпустил восwoяси? — Валера кипел уже от злости.

— Не кричи, мы в больнице.

— Ты больной? — но снова осекся.

— Конечно, больной. Мы оба это знаем.

— Да ты на всю голову больной! — и захлюпал носом.

Ну, вот, снова меня обзывают. Мало мне, конечно. Тяжело уходить, когда видишь слабость близких тебе людей. Они будут грустить, вспоминая тебя. А что в этом хорошего? Что хорошего в грусти? И снова стал думать, что же я могу дать этому миру?

Валера кинулся обниматься. Сжал меня так, что я чуть не задохнулся. Любитель телячьих нежностей.

А дома я снова напился. Валера уже больше не бросал укоризненные взгляды. Теперь я вообще волен делать, что захочу.

— Проветрить у тебя не мешало бы, — произнес Валера, допивая очередной стакан виски с колой.

— Не мешало бы, — согласился я.

В комнате прочно засел букет ароматов из рвоты, алкоголя, пота, лекарств и подгорелых сосисок. Так пахнет безысходность. Я открыл окно, но лучше не стало.

— Ладно, фиг с ним, — резюмировал товарищ.

Больше мы не разговаривали. Молча пили, смотрели запись наших спектаклей в кулке и иногда откровенно ржали. Какая наивность, какой дилетантизм, но тогда нам так не казалось. Тогда мы просто учились и радовались жизни.

Я подумал, что надо бы сходить в кулек, в школу, но смысл? Какой смысл держаться за прошлое? Да и меня там уже вряд ли помнят. Вот если бы я стал президентом или основал сеть покруче вк или одноклассников, тогда меня даже дворники бы вспомнили, а так...

Луиза что-то писала. Я не читал. Механически отвечал: «Потом, не сейчас, завтра, конечно, все нормально, спасибо».

Рассвет мы оба встречали в обнимку с унитазом. В окно лился кроваво-алый теплый солнечный свет, а мы смотрели на, впрочем, не буду описывать данный контраст. Это нормальное для жизни явление. Огромные, роскошные особняки и многоэтажки стоят напротив или в нескольких сотнях метров от унылых полуразваленных избушек; прекрасная четырехзвездочная гостиница вырастает на обломках заброшенного, никому не нужного здания, имевшего историческую ценность или даже статус памятника архитектуры; дорогие, элитные иномарки народных избранников, выстраивающиеся в ряд перед зданием Дома Советов и кучка бомжующих, плохо пахнувших, грязных представителей того самого народа, ночующих, если повезет, в приютах либо на лавочках соседствующего с Домом Советов парка. Продолжать можно долго, только не имеет смысла.

А что действительно имело смысл, так это моя страница в инстаграм, на которой собралось уже больше десяти тысяч подписчиков. Понятно, что с цифрами спортсменов и звезд шоу-бизнеса не идет ни в какое сравнение, но, во-первых, я не стремился к таким показателям, во-вторых, два дня назад их было всего около двухсот человек, а в-третьих, это практически численность населения ПГТ. Удивительно осознавать, что пусть и маленький, но целый городок наблюдает за тобой и не остается равнодушным к твоему существованию и событиям твоей жизни.

Вот только Несси. Все те же лайки, репосты, и ни единого намека на ее местопребывание...

Благодаря чуткости и отзывчивости новичков удалось собрать около шестисот тысяч рублей. Мне уже ни к чему такая сумма, но люди требовали новых фотографий, новых поступков, новых отчетов о моей якобы храбрости. И тогда родилась идея

создать фонд помощи другим смертельно больным людям. Эдакий аналог «Make-A-Wish Foundation», с той разницей, что помогать мы будем независимо от возраста, а не только детям. Не знаю, почему никто раньше не организовал ничего подобного или почему деньги собирают только на лечение, а с желаниями (словно он Дед Мороз) обращаются исключительно к президенту. Так или иначе, идея появилась, и нужно было приложить максимум усилий для ее осуществления. Луиза с радостью поддержала мою инициативу:

«А вот это круто! Все имеют право на желание, не дурацкий список, как у тебя, а одно, заветное. Самое-самое. Это ты очень классно придумал. Горжусь тобой. Думаю, вернее, даже уверена, что и Несси будет гордиться, когда узнает, и даже мама твоя. Она еще пьет, да?»

К своему стыду, с матерью я больше не разговаривал с последнего ее появления. Тут же набрал номер. Гудок. Еще гудок. Десять гудков. Не взяла. Надо будет съездить, навестить.

Читаю дальше: «Наконец-то ты меня не бесишь! Только надо все серьезно и по-настоящему организовать, а то набегут все, кому не лень, а надо помогать реально тем, кто болеет. Остальные пусть сами себе зарабатывают. И понятно, без всяких там: хочу дом, хочу крутую тачку, хочу миллион баксов. А вообще, тебе по-любому это зачтется. Ну, то есть вот так поможешь кому-нибудь, и тебе прилетит бонус. Сам понимаешь какой.

Я помню, в детстве так одну бомжиху домой привела, она помылась, поела, я ей дала мамино платье, денег из копилки, а потом в школе наш ансамбль отобрали для поездки в Испанию, куча претендентов было, а выбрали именно нас. Это как с Дедом Морозом, он тебя спрашивает: „Хорошо ли ты себя вела, Луизочка, весь этот год?“, и ты отвечаешь: „Конечно, хорошо, дедушка, я же послушная девочка“, а он: „Вот тогда тебе подарочек за это“ и дарит тебе четвертый айпад. Солить их, что ли?

Ладно, не суть. Кароче, про Испанию. Мы поехали на целых три недели. Там классно. Тепло так, солнечно, и люди веселые, счастливые, не то, что у нас. Море. И пахнет сладко: миндалем и виноградом. Ладно, не буду тебя дразнить. Или ты был? Хотя, нет, откуда? Ты же писал. Ну, может, увидишь еще, если захочешь. По-любому увидишь, ты же вылечишься. Авдошин, сказали, очень классный доктор, он очень крутой специалист. Кароче, не суть. У меня тут траблы небольшие образовались. Не буду рассказывать, а то че тебя грузить? Щас главное — Несси твою найти. А мы по-любому найдем, раз я обещала. Я-то не предки, я свои обещания выполняю. Ладно, спишемся потом. Буду узнавать, как нам фонд оформить. Ну, чтоб все официально было. Чао».

Ага, значит, мои траблы можно выставлять на всеобщее обозрение, а ее траблы — ее траблы. Ну уж нет. Так и написал: «Ничего не знаю, давай колись, что за траблы у тебя! Друзья делятся своими проблемами, это нормально».

«А мы что — друзья?»

«Типа того. Даже без типа. Да».

«Ого. А я думала, так просто. Помогаю тебе по доброте душевной».

«Не беси меня».

«Это моя фраза».

«Ни фига не твоя. Все фразы — Кирилла и Мефодия. Это их копирайт, если уж на то пошло».

«Зануда».

«Так что там за траблы?»

«Долго рассказывать».

«Синие киты?»

«Типа того».

«Они реально такие крутые и всемогущие?»

«Я сменила номер, я сменила аккаунт в вк, про этот вабще никто не знает, только тебе с него пишу. И че ты думаешь? Все равно нашли, начали писать, наезжать: ты провалила задание, хана твоим родителям, у нас такой компромат на отца, в асфальт вкатаем, а мать по кругу пустим, так и написали: „по кругу пустим“. Я не то чтобы верю, но не хочу родителей подставлять, я-то не они. А еще эти на пацанов вышли. Им тоже угрозы стали слать. А у Егора вчера уже отца избили. В больнице щас лежит. В тяжелом состоянии. Хорошо хоть мать не тронули, но это пока. Как-то так».

Ох, девочка, как же угораздило тебя вляпаться в это болото? Это же реальный беспредел. Давно надо было найти и в порошок стереть.

И я написал гневный пост в группе. Понеслись комментарии, все были недовольны:

«На шашлык пустить уродов!»

«Сжечь на костре, как раньше сжигали!»

«Нет, это слишком легкая для них смерть. Надо морить их голодом, засовывать под ногти иголки, бить электрошоком и не давать спать. И даже этого мало».

«Из гранатомета их всех».

И все в таком роде. Кровожадные, конечно, люди. Одно насилие порождает другое, потом третье, четвертое и так до бесконечности. Такими темпами рано или поздно мир погрязнет в хаосе, и люди тупо перегрызут друг другу глотки. Но можно писать до бесконечности, кто как расправился бы «с синими китами», только от трагедии это никого не избавит. Как и в случае с Несси, количество не дает результата. Хотя не должно быть так, не должно. Толпа — это огромная сила, просто невероятная.

Новое сообщение от Луизы:

«Ты решил мне добавить проблем? Спасибо за беспокойство, но убери пост».

«Почему?»

«По кочану. Ты не подумал, что они тоже могут прочесть?»

«Пусть читают, пусть видят, что за ними охотятся, что им скоро хана».

«С ними ничего не будет, а вот у Игоря сестра младшая пропала».

Твою мать!!! Что за мир-то такой?

«И что делать?»

«Выполнять задание»

«Не позволю! Ты слышишь? Не позволю!!!!!»

И пропала. Час — тишина, два — тишина, три... Я не находил себе места, я бился головой об стену. Перед глазами поплыли круги, видимо, скакнуло давление. Лег. Тошнота, резкие боли. Тупо в очередной раз вырубился. Видел Капитана Америку, вернее, это был совсем не Капитан Америка, а обычный парень в его костюме, который решил бороться со злом. В одиночку. Решил и смог. Вот он смог, а я не могу, не могу, черт возьми.

Когда очнулся, пришло новое сообщение от Луизы. Только с другого аккаунта — Алсу Невзорова:

«Это я. Ну, ты понял кто. Понял же? Не буду называть себя. Скорее бы твоя Несси нашлась, что ли. Все, пока».

Я вспомнил нашу первую встречу с Луизой. Вернее, она была первой и единственной. Я еще удивлялся, как можно быть такой сухой, такой неэмоциональной, как робот. А тут целый шквал эмоций. Нормальный, живой ребенок, вернее, подросток, избалованный только. Зомбируют их, что ли? Родители, конечно, тоже не подарок. Настоящие уроды. Неужели так сложно уделить немного внимания детям, обнять, сказать: «Люблю тебя»? А дети, они как огород: сколько любви и ласки в них вложишь,

такой урожай и получишь. Хотя вряд ли детям понравится такое сравнение. Но недаром же про капусту придумали.

И я нарисовал несколько кочанов, из которых появляются разные дети: один с сигаретой, другой весь в тату, третья в очках и с книгой, четвертая в кожаном костюме женщины-кошки и с плеткой в руках, пятый в полицейской фуражке и с пистолетом, шестой из рогатки метит в пролетающего мимо аиста, а седьмая с огромной корзиной овощей. Вот такой вот рассадник.

«Я верю, что все наладится. И да, прости за пост. Я не хочу усложнять тебе жизнь. Что с сестрой Игоря? Нашлась? Надеюсь, что да. И спасибо тебе за помощь и что думала обо мне. Это правда очень приятно. И мы найдем этих уродов, слышишь меня? Приложим все усилия и обязательно найдем и размажем, как ничтожных мокриц и тараканов».

Сестру Игоря отыскали. Вернее, сама отыскалась. Ее держали связанной в каком-то подвале, били, морили голодом, хорошо хоть не насильовали, а затем посадили в машину, возили по городу и высадили на набережной с мешком на голове. Девочку сразу отправили в больницу. Ничего полезного она рассказать не смогла, но шумиху подняли изрядную.

А тут еще узнали, что Игорь в этом лагере покончил с собой. Вены перерезал. Сотрудники клятвенно уверяли, что тщательно проверяли ребят на наличие острых и колющих предметов и что вел он себя вполне адекватно, шел на поправку, а тут такое. Собственно, через час после самоубийства сестра Игоря и была обнаружена на улице.

Короче говоря, весь город на уши подняли. Луизу чуть ли не каждый день допрашивали. Родители наконец-то отложили все поездки и встречи и буквально не отходили от нее ни на шаг, правда, такому повороту она радовалась еще меньше. «Нельзя же так на мозги капать?»

«Киты» тут же легли на дно. Хотя бы перестали дергать Луизу. Она занялась решением вопросов по оформлению бумаг для фонда. Вернее, как занялась — закатила истерику отцу и повесила все на него. Он, как ни странно, согласился, даже порадовался, поняв, что у дочери есть организационная жилка, а значит, рано или поздно ей можно будет доверить бизнес. В то, что Луиза покончит с собой, он не верил.

А Несси не торопилась разыскиваться. Хотя очень странная фраза: торопилась разыскиваться. Как будто Несси сама организовала свои поиски, нет же, она просто исчезла, а вот то, что не было никаких зацепок о ее местонахождении, вот это неприятно и удивительно.

Фонд мы решили назвать «Дримс». От английского «dreams» — мечты. Хотя были разные варианты: «Последнее желание», «Заветное желание», «Двое из ларца», «Мечтать не вредно», «Волшебное палочка», «Есть шанс», «Мечты сбываются не только у Газпрома». И наконец, банальный — «Мы вместе». Во-первых, действительно банально, а во-вторых, уже есть такой фонд, и, возможно, не один.

Как часто бывает, нашлось немало помощников: кто-то взялся модерировать группу, кто-то нарисовал логотип, кто-то взялся распространять информацию, кто-то поддержал деньгами, а кто-то и добрым словом. Бюджет вырос на несколько сотен, и это не могло не радовать.

Стали приходиться заявки. Я бы даже сказал, хлынули. За два часа около пятидесяти сообщений. Вот что значит халява. За сутки больше тысячи. Я чередовал свидание с тазиком, овсянку, прием лекарств и «Лучше звоните Солу» с чтением заявок: побывать в Париже, побывать в Австралии, увидеть пирамиды, увидеть все семь чудес света, побывать в Японии, побывать в Исландии.

Как много мест, которые хотят посетить люди. Губа, как говорится, не дура. Впрочем, у меня у самого до недавнего времени был такой же буклет «Побывать в ...». Подобные заявки я объединил в папку и назвал «Географические». Вскоре появились папки: «Знакомства», «Увидеть», «Попробовать», «Сняться», «Купить», «Научиться».

Последние две были самые неинтересные. Ну что это за желание — купить? Какое-то чересчур жалкое. То есть за жизнь ты так и не смог на что-то заработать и пользуешься болезнью, чтобы доказать свою состоятельность. Справедливости ради надо отметить, что многие просили не для себя. Например, парнишка просил посудомойку и мультиварку для матери. Семья, мол, большая, и она только и делает, что готовит и моет посуду. Одна пенсионерка просила велосипед для внука, соседская дочка узнала про фонд и посоветовала ей. Были и такие, кто просили квартиру, дачу, машину или биткоин. Ну, это уже верх наглости, непонятно, на что они рассчитывали.

Короче говоря, желаний хоть отбавляй. Естественно, не обошлось и без наглых или непонятливых людей. Стали писать и инвалиды, и люди с язвами, и с туберкулезом, и даже с насморком. Любит человечество халяву, ничего не поделаешь. Я, конечно, отсеивал подобные заявки, но их число росло с невероятной скоростью.

В итоге было решено пересмотреть концепцию. Во-первых, был нужен сайт, во-вторых, классификация желаний. Как ни крути, а съездить в Австралию и пообедать с Данилой Козловским — совершенно разные по структуре просьбы. Первая требует финансов, причем немалых, вторая скорее знакомств и наличия свободного времени у Данилы Козловского. Один даже размечтался до того, что начал требовать, чтобы его именем назвали улицу. Скрамняга.

Посоветовавшись с Луизой, я решил организовать площадку, что-то наподобие авито. Вернее, смесь авито и «планеты» или «kickstarta». Люди выкладывали объявления. Рассказывали про себя и про свою мечту. Каждое объявление мы тщательно модерировали, проверяли документы, справки, диагнозы, выписки из больниц, а дальше либо собирали определенную сумму, либо искали тех, кто мог осуществить мечту без вложений. Необязательно же покупать какие-то вещи, кто-то мог подарить ту же самую посудомойку или коллекционную марку. Если в течение десяти дней таких «дедов морозов» не находилось, фонд брал ответственность на себя.

Посетители могли либо перевести деньги в общий фонд (вверху регулярно обновлялась общая сумма), либо непосредственно самим обратившимся. После того как необходимая сумма набиралась, мы принимались за осуществление желания и выкладывали фото и видеоотчеты о проделанной работе. Мы договорились, что больше ста тысяч ни на одну заявку тратить не будем. Рублей, разумеется, не биткоинов же. Если потребуется больше, желающие могут поддержать заявки, все зависит от щедрости, сочувствия и возможностей посетителей.

Может, несовершенная система, но, на мой взгляд, вполне неплохая, рабочая и прозрачная. К счастью, снова нашлось немало людей, готовых нас поддержать. Кто-то разработал сайт, причем в удивительно короткие сроки. Кто-то взялся его модерировать. Кто-то рекламировал площадку везде, где только можно. Работа кипела, как и мой желудок. Бурлил с невероятной регулярностью.

Стартанули мы с полутора миллионами. Для начала неплохо. Долго выбирали первого счастливого или счастливицу. Я был за Надежду Корнееву — одинокую пенсионерку лет шестидесяти-шестидесяти пяти, мечтавшую об огромной цветной татухе. Хотела себе портрет кумира — Алена Делона на всю спину. Луиза настаивала на тринадцатилетней Алене из маленького городка на севере Якутии. Девочка жила в приюте, писала стихи и просто бредила сборником своих гениальных творений. Стихи вроде неплохие, но я не очень люблю поэзию и мало что в ней понимаю. Ну, а литература, разумеется, благороднее и трогательнее татуировок. Это даже дурачок поймет.

Единственное, что мы не учили, — это время, необходимое на реализацию. Оба желания требовали пару недель, а то и месяцев, а нужно было быстрое и легко осуществимое.

Пришлось заглянуть в папку «Купить»: телевизор с большой диагональю, айфон-7, ноутбук, электрогитара с усилителем и колонками, робот-пылесос, гироскутер, приставка «Сониплейстешн-4». Больше похоже на каталог «М-видео».

А нужно, и правда, что-то трогательное, чтобы растопило сердца, чтобы другие кинулись помогать. У нас же все на помощи и взаимовыручке держится. Вот почему так? Ничего не бывает просто, ничего не проходит гладко. Всегда надо что-то преодолевать, с чем-то бороться и с кем-то, постоянно что-то придумывать, ухитряться, просить, унижаться.

«Мы же не можем ждать месяц».

«Ты можешь, а мне желательно побыстрее».

«Да пошел ты! Ты же вроде лечишься».

«Угу, лечусь».

«Тогда все норм».

«Ну, типа да».

Кстати, было несколько заявок на прыжок с парашютом. Я предложил Луизе:

«А что, было бы символично. В конце концов, фонд, можно сказать, и появился после моего желания прыгнуть с парашютом».

«Ну и ничего хорошего. Нашел чем гордиться».

«Я как-то и не особо горжусь. Просто предложил. И мне понравилось. Единственное, надо было прыгать самому».

«Ну, прыгни, че».

Опять только ссориться начали. Говорил же, все очень сложно в этом мире.

«Кажется, нашла».

«Что?»

«Вот. Зинаида Павловна Козлова. Здравствуйте, уважаемый фонд „Дримс“. Может, не стоило писать, не знаю, просто больше не к кому даже обратиться. Сын Юрий десять лет уже живет в Америке, второго — Алексея — убили в Чечне в девяносто пятом году, мужа — Леонида — уже семнадцать лет, как схоронила. Мне 72 года. А тут вот рак этот обнаружили. Значит, и мне недолго осталось. Это ничего, пожила уже, хватит. Молодые как мухи мрут, чего ж мне жаловаться? Нормально пожила, не хуже других. Не лучше, но и не хуже. Единственное что, я 35 лет не была на могиле родителей своих — Юдниковых Павла Анатольевича и Марии Семеновны. Сама родом из Ставрополя, а Леонид у меня был военный, вот и покидало нас изрядно. Последние тридцать лет живу в Хабаровске. Здесь похоронены и Алексей, и Леонид. Знакомые, кто был, или разъехались, или померли, скоро и мне пора. Но перед смертью хотелось побывать на Родине, проведать могилу родителей. Может, кто из родственников еще жив. Не знаю. Связь давно утеряна. Пенсия у меня маленькая. Иногда сын пересылает деньги, сто долларов, раз в 3 месяца, вот и все наше общение. Невестка — Джессика — меня почему-то невзлюбила и запретила ему со мной разговаривать. Обидно, конечно, но ничего не сделаешь. Юрий сам там на птичьих правах и командовать не может. Ну, ничего, главное, чтобы он был счастлив...»

Еще вот с соседкой — Клавдией — общаюсь. Она моложе меня на десять лет, у нее и телефон не такой, как у меня. У меня-то старый, с кнопками, а у нее без кнопок, пальцами там чего-то водит. И кампютер есть с этим вашим тырнетом, или как он там называется? А, иньтырнетом, это она подсказала. Она вот и нашла про вас и сразу ко мне, Павловна, говорит, вот к кому тебе надо, а то губернатору собралась писать. Да ничего он не сделает, от него помощи днем с огнем не дождешься, только о своем кармане думает. Дворцов понастроили, тьфу, да что вам говорить? Цены с каждым днем

растут, сами видите. Так вот, обращаюсь к вам за помощью. Неудобно как-то просить, но куда ж деваться? Не откажите умирающей женщине. Очень хочется побывать на Родине, а билеты не укупишь. Я б и кредит взяла, да не дают. Не платежеспособная, говорят. Мол, мы вам денег дадим, а вы умрете, и где потом их брать. Так что вся надежда на вас, родненькие. Не оставьте в беде старушку».

И дальше паспортные данные, фотографии карточки, диагноза и прочее.

«Ну, что, трогательно?»

Так и вижу, как сияло лицо Луизы. Нашла, опередила меня и убедила. Победительница.

«Трогательно. Беремся». И через пару часов уже были куплены билеты на самолет и размещено фото счастливой старушки. Хотя рак и счастье — очень сомнительное и странное сочетание.

Сразу после этого число заявок выросло чуть ли не втрое. Около половины из них приходилось отсеивать, и все равно получалось очень и очень солидно. И это чертовски печально на самом деле. Я даже не подозревал, как много людей столкнулось с этой чумой двадцатого и двадцать первого веков. Понятно, что есть статистика и в любой момент можно посмотреть, что и как. Но какой нормальный человек будет интересоваться статистикой, тем более на такую тему, как количество онкобольных в России? И потом, статистика — лишь голые цифры, они не столь поражают воображение. Убедительнее выглянуть на улицу и представить, что на этой площади может разместиться столько-то человек, а это всего лишь одна тысячная от общего числа больных. То есть тысячи таких площадей с несчастными, изможденными болезнью людьми гораздо страшнее сухой цифры: миллион, или два миллиона, или три миллиона, или сколько их? Ну, или когда получаешь тысячи заявок, тоже становится жутковато. Ведь это только наша пусть и огромная, но всего лишь одна страна. А мир такой огромный...

Луиза изучала новые объявления, а я поехал навестить маму. А то отправили человека навестить покойную мать, а я с живой увидеться не могу. Когда шел с остановки, небо заискрилось, как бенгальские огни. Странно. Звездопад днем? А искры и не думали исчезать. Глаза даже заболели, как будто смотрел на сварку. Закрыв их, постоял в темноте. Искры пропали, небо чистое — ни намек на световое шоу. Что за обман зрения? Но ответа, разумеется, не было.

Подъезд встретил меня букетом зловонных ароматов. То ли умерла кошка, то ли прописалось несколько бездомных. Впрочем, запахами меня сложно напугать. Штукатурка неравномерно отваливалась со стен, напоминая проплешины. Повсюду была грязь различных видов и оттенков, желтые разводы на стене и полу (не лень же было кому-то подниматься на пятый этаж, чтобы облегчить душу), и только звонок матери выделялся своей немного потускневшей первозданной белизной. Неудивительно. К ней никто не ходил, звонок практически не использовался. Я нажал. Раздалась дурацкая трель. Не люблю звучание дверных звонков.

Открывать не торопились. Может, опять выпила и отрубилась? А может, и нет дома. Набрал мобильный. Так же тихо. Ну вот, навестил мамочку. Поцеловал проем, можно смело возвращаться домой. И тут дверь открылась.

— Илья?

Она стояла в замызганном рваном халате, в рваных тапках, из которых торчали костлявые пальцы с огромными ногтями. Лицо желто-фиолетовое и такое же сморщенное, как подвявший лимон, волосы растрепаны. Не хватало только бородавки на носу, и на конкурсе красоты среди ведьм она бы точно могла претендовать на победу. Глядя на нас, было легко перепутать, кто смертельно болен, а кто нет. Мать попыталась улыбнуться, но вышло жутко, так, словно Земля стремительно начала превращаться в пустыню, люди на грани выживания стали молиться, чтобы выпал дождь; он, разу-

меется, не торопился, сохраняя интригу, и вот наконец решил, что пора: молитвы были услышаны, и пошел дождь, все выбежали на улицу, вскинули руки к небу, а дождь оказался кислотным.

Я обнял ее. Кислый и настолько мощный запах, что даже перебил ароматы подъезда, ударил мне в нос.

— Мам, ты давно была в ванной?

— Не помню.

— Пошли скорее, пока кто-нибудь еще не увидел тебя такой.

— А смысл? — пыталась возразить она, но я быстро затолкал маму внутрь и закрыл дверь.

— Так дело не пойдет.

— Какой вообще смысл во всем этом? Все напрасно и пустое.

— Давай не будем устраивать декаданс. Лучше отправим тебя в ванну и хорошенько отмоем от всего этого, — я окинул взглядом квартиру. Та же грязь, паутина, куча пустых бутылок, огромные липкие пятна на полу. — Квартиру тоже неплохо бы отмыть.

— Не трави ты мне душу, Илюша, — в рифму заголосила мать.

Я оставил ее слова без внимания и так же хладнокровно затолкал в ванну, открыл воду, сунул под струю. Это отрезвило ее, хотя не казалось, что она была пьяной.

— Сынок, хватит, я захлебнусь.

Я выключил кран.

— Я рада, что ты пришел, — теперь улыбка вышла намного естественнее и приятнее.

— Я тоже рад. А теперь, прими, пожалуйста, ванну.

— Зачем?

— Как бы тебе сказать? От тебя несет, как от помойного ведра.

— Не говори так. Я твоя мать! — возмутилась она.

— Вот помоешься, тогда и станешь на нее похожа, а пока что я вас не знаю, женщина.

— Чего?

— Ничего. Спинку потереть? Или справишься?

— Справлюсь, — буркнула она, а я захлопнул дверь.

Вытащил с балкона ведро, вытащил с балкона швабру, вытащил с балкона тряпку, вытащил с балкона пустые бутылки, вытащил с балкона телевизор, сам не знаю, как он там оказался. Видимо, мама сама от себя спрятала, чтобы и его не пропить. Каждый по-своему сходит с ума. Ну, ничего, это дело поправимое. Я набрал воды, открыл окна, в комнату ворвался пусть не чистый, но хотя бы относительно свежий воздух, так что даже голова закружилась, включил «Radiohead» на телефоне и приступил к уборке. Да, я быстро устал, да, нужно было часто менять воду, да, полы плохо отмывались, но, несмотря ни на что, уборка приносила мне удовольствие, я словно очищал не комнату, а мысли, словно переклеивал прозрачные обои души, готовя место для новых красок и рисунков. Поразительно, как порядок может повлиять на человека: он меняет отношение к себе, к жизни, добавляет чувство ответственности. Ты видишь: кругом все чисто, и понимаешь, что надо поддерживать это состояние чистоты как снаружи, так и внутри, иначе просто неудобно. Чем-то таким совковым повеяло, но я и правда почувствовал что-то необычное, что-то возвышенное внутри, словно протер замутненное окно, и сквозь него стало просвечивать небо.

Когда вышла мама, я заканчивал уборку.

— Илья, ну зачем ты? — пыталась нахмуриться она, но скрыть улыбку было невозможно.

Люди очень сентиментальны, чтобы растрогать их, надо не так уж и много.

Вскоре мы пили чай. Бутылки я выбросил. Квартира сразу же показалась просторной.

— Все равно, не могу поверить, хоть режьте меня, — вздохнула мама.

— Никто не будет тебя резать. Я сам до сих пор надеюсь, что это сон, но нет.

— Почему? Почему? Почему так? Почему не я? Каждое утро просыпаюсь и думаю: почему ты, почему не я?

— Мам, ну, что роптать? Уже случилось, назад не вернешь.

— Почему не я? — не успокаивалась она. В глазах застыли слезы. — Я же старая.

— Где же старая? Нормальная ты.

Очень неудобно себя чувствовал. Эти бессмысленные роптания... Как будто от них мне должно стать легче? Я же нормальный человек, я бы никогда не пожелал такой участи родному человеку, тем более самому близкому на свете. Нужно было как-то успокоить ее, перевести разговор в другое русло. Я хотел сказать, что глупо спорить с судьбой: раз она так распорядилась, значит, я этого достоин, значит, выполнил свое предназначение, а за страдания мне обязательно воздастся, пусть не сейчас, но потом стопроцентно, к гадалке не ходи, и что мама остается здесь не просто так и будет до тех пор, пока не выполнит свою задачу, поэтому лучше пусть все силы приложит к ее выполнению, а не страдает из-за несправедливости вселенной и моего раннего ухода. Кто раздает нам эти задачи, неизвестно, да не имеет смысла разгадывать, и вообще в жизни мало что имеет смысл, кроме самой жизни, главное, что у нас есть задачи, и мы обязаны найти их решение. И это то единственное, о чем мы и должны задумываться, пока живы. Вот, собственно, и все, такое путаное банальное нравоучение. Но вместо этого я посмотрел в ее усталые потускневшие глаза, взял за руку (она была до ужаса ледяной) и попросил:

— Почитай мне книжку.

— Чего?

— Ну, книжку, не знаю, Сэлинджера, или Ремарка, или еще кого, как раньше.

Помнишь?

Но мать неуверенно пожала плечами. Она едва не впала в ступор и никак не могла сообразить, что я от нее требую, словно я просил высчитать корень из одного миллиона шестисот тысяч семидесяти одного без калькулятора.

— Почитать? — переспросила мама.

Я кивнул.

— Ну, ладно.

Уже через минуту я лежал на диване, положив голову на колени матери и, закрыв глаза, слушал ее хриловатый усталый голос. Из книг остался только Гоголь. Остальные давно были сданы в букинистический магазин.

«— А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии? — такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших домой к отцу».

Всегда неоднозначно относился к Гоголю. Но «Тарас Бульба» мне нравится. Грустное произведение, но мне почему-то от него стало весело. Характеры классные, этого у Гоголя не отнять, умел придумывать ярких, запоминающихся персонажей.

Глаза закрыты были у меня, а уснула мама. Осилила страниц пять, не больше. Оборвавшись на полуслове, она замолчала, а затем и вовсе начала сопеть. Я осторожно приподнял голову и встал с дивана, уложив мать на свое место, накрыл ее пледом и смотрел, как она спит. Я давно не смотрел на то, как спят другие люди. Во сне она казалась такой маленькой и незащитной, как ребенок. Даже лицо разгладилось и не стало заметно синяков под глазами. Я вынул бумажник и достал из него пятитысячную купюру, но вовремя передумал. Опасно. Еще обрадуется, накупит водки. Зашел на кухню, открыл холодильник. Разумеется, там не только бышь повесилась, но и кошка, и жучка, и внучка, и дед с бабкой и репкой, и целый морж в придачу.

И я отправился в магазин. Купил фарш, сыр, хлеб, рис, макароны по акции, молока, творог, фрукты, овощи — витамины нужны же. Трех двести как не бывало. Кризис, будь он не ладен. Это я еще не в самый дорогой магазин зашел.

Вернулся, забил холодильник под завязку. Мама спала, уткнувшись носом в спинку дивана. Я поднял плед с пола, снова накрыл им мать и осторожно, чтобы не разбудить, вышел из дома.

Ехал домой на трамвае. Мерно стучали колеса, гипнотизируя и без того сонный мозг. Салон был практически пуст. Сел, как всегда, у окошка и пялился на улицу. Пялился и думал, думал и пялился, думал про то, что совсем недавно сокрушался, что не сделал ничего достойного в жизни, а теперь основатель фонда, который помогает таким же несчастным, как я, и делает их жизнь хоть на каплю, но лучше.

При этом все так легко и само собой сложилось. А разве я мог предположить что-то подобное пять лет назад? Да даже год назад я не мог представить, сколько всего разом навалится на меня. Считал, что так и буду загнивать в этих квеструмах, а сам никогда не выйду из комнаты.

Залез в Интернет. Количество заявок стремительно приближалось к трем тысячам, бюджет — к двум миллионам. Механизм запущен, и его уже не так-то просто остановить. Теперь уходить не страшно. Вот только Несси... О Несси по-прежнему ни намека.

Зато с мамой наконец-то все наладилось. Она перестала пить, мы виделись почти каждый день, а если не виделись, то созванивались, она читала мне продолжение «Тараса Бульбы», я же зачитывал ей заявки и отзывы благодарных детей, взрослых и стариков:

«Какое счастье, что есть на свете такие люди, как вы! Спасибо вам, огромное, настоящее человеческое спасибо и долгих лет жизни!»

Пожалуйста, не угадали.

«Я думал, что нет Деда Мороза, а он есть, и это вы».

Сейчас где-то в Великом Устюге обиделся хмурый, седовласый старик и решил больше не являться к нам на Новый год.

«У меня не хватит слов, чтобы передать вам всю благодарность. Спасибо, спасибо и еще раз спасибо! Вы настоящие волшебники! Сколько ночей я молилась, сколько раз ходила в церковь, и Бог не оставил меня. Он послал мне вас! Пусть Он хранит вас и освещает ваш светлый путь. Очень благое дело вы затеяли, молодые люди».

Ну, вот уже и религию приплели. Не то чтобы я был против, однако, кажется, Бог стоял в стороне, когда мы все это затевали.

«Порадовали старика, спасибо!»

Всегда пожалуйста.

«Родные мои, уважаемые мои, распрекрасные мои, теперь я знаю точно, что добра в мире гораздо больше и что оно сильнее всего на свете. Сегодня я проснулась с невероятной легкостью и с щемящим чувством восторженного счастья в душе. Очень давно мне не было так хорошо, очень давно я так долго не смеялась от счастья, как ненормальная, как беззаботная девочка, получившая в награду за прилежность порцию вкуснейшего московского эскимо. Но сегодня, сегодня я снова верю в человечество и в то, что оно всеми силами тянется к прекрасному; как подсолнух, тянущийся к солнцу, оно нуждается в искусстве. И все благодаря вам. Мне просто не верится, что это по-настоящему, что это не сон. Ведь теперь я знаю точно, что спектакль состоится, что все будет прекрасно и наш многолетний труд не пройдет даром. Может ли быть на свете что-либо прекраснее этого? Нет. Крепко обнимаю вас, мои удивительные! Ваша Анна».

Непонятно, с чего вдруг она стала нашей? Ну, да ладно. Это писала немного сумасшедшая старушка. Семь лет назад она организовала у себя в городке театральную студию, при этом к театру она никогда не имела ни малейшего отношения. Всю жизнь проработала медсестрой в районной поликлинике, хотя со школы грезил театром, однако не решилась уехать из города и поступать в театральный, но писала какие-то пьески, ходила на все спектакли, читала Станиславского и Кнебель и наконец на пенсии решилась и собрала таких же старушек и даже одного бравого старичка, майора в отставке, который чувствовал себя среди такого количества представительниц женского пола, как медведь в малиннике. Раз в год они ставили Чехова, Пушкина, Тургенева, Гоголя и других представителей классической драматургии. Понятно, что ждать чего-то особенного от любительских постановок не стоило, однако родственники приходили, поддерживали, один раз даже удалось пригласить журналиста и режиссера местного театра. Тот, конечно, ничего не сказал, но, как поняла Анна, просто позавидовал ее актерскому и режиссерскому таланту. И вот она узнала про рак и поняла, что может не успеть осуществить постановку самой любимой, самой желанной пьесы — «Гамлет». Главную роль, разумеется, как и во всех предыдущих спектаклях, должна сыграть она сама. И самое важное: эту постановку она мечтала свозить на фестиваль любительских театров «Театр начинается» в Санкт-Петербург. Но для этого нужны нормальные декорации и костюмы, а не как обычно у них бывало: дерево — вешалка, вишневый сад — две вешалки, карета — два стула, кровать — четыре стула; что нашли, то и надели... А еще нужны деньги на дорогу и проживание. Итого — двести тысяч.

Она просила, конечно, у администрации города, но там ее сразу послали куда подальше; ходила в газету, там только пальцем у виска покрутили и отправили в том же направлении. Короче говоря, как всегда и бывает, никому вы своими инициативами не нужны. Денег нет, но вы там держитесь. Хотите гастролировать, пожалуйста, но не за счет бюджета.

И тут мы — Газпром для бедных. Соточка от фонда, а дальше уже краудфандинг. За три с небольшим дня собрали двести пятьдесят три тысячи. Еще и на суши с какао хватит. Вот и сорвало башню от радости пенсионерке.

Многие, читая ее благодарность, ревели, как на «Титанике», мама не была исключением.

— Мам, ну ты-то хоть не плачь.

— А я что, не человек, что ли?

Действительно, не поспоришь.

Фонд разрастался, штат тоже. Хоть я и недолюбиваю волонтеров, без них никуда. Мы элементарно не успевали обрабатывать заявки, я уж не говорю о попытках хакнуть сайт. Не знаю, как справляется «Планета», а нам приходилось крайне не сладко. Это примерно как выиграть джекпот в лотерею и потом рассказать в интервью, кто ты и в каком городе живешь.

За две недели мы исполнили около ста пятидесяти просьб. Больше десяти в день. Не знаю, сколько это плюсовых очков к карме, но ясно, что число их значительно увеличилось, а вот состояние мое неуклонно ухудшалось. Усилились головные боли, обезболивающие почти не спасали, одолевала бессонница. С одной стороны, хорошо, я ведь так и планировал — спать по три-четыре часа в сутки, но с другой — черепную коробку сжимало так, что я едва не молился, чтобы она поскорее лопнула и все это закончилось.

«Ну что, доволен?»

Сообщение от Луизы. Мы по-прежнему переписывались, хотя проще было созвониться.

«Не знаю, а ты?»

«Вроде все наладилось».

«Вроде да».

«Тут, кстати, мне сегодня редактор звонила».

«Не понял. Редактор чего?»

«С первого канала».

«И зачем она тебе звонила?»

«Вот ты тормоз. Приглашала на передачу к Малахову».

«Кого приглашала и зачем?»

«Да нас с тобой приглашала. Хотят, чтобы про „Дримс“ рассказали, 20 минут мне вчесьывала, какие мы крутые, какие мы трушные и все такое».

«И что мы будем рассказывать?»

«Бесишь».

И замолчала.

«Луиза, я серьезно не въезжаю. Голова раскалывается. Объясни нормально».

«Выпей таблетки».

Вроде бы с родителями нашла общий язык, помогает людям, а вежливости ни на грамм не прибавилось. Нынешней молодежи не мешало бы подучиться уважению, причем не только к старшим, а ко всем людям. Чересчур дерзкие выросли. Даже удивительно соглашаться в этом аспекте с Тимати.

«Спасибо за беспокойство, я их пью чаще, чем выхожу в Интернет, юная леди».

Тишина. Вредная девчонка. Взял телефон, набрал. Сбросила. Ну и пожалуйста.

Зашел в ванную, включил воду, долго стоял под душем. Тело размякло, и я почувствовал невероятную легкость. Банальные сравнения с перышком или пушинкой, как ни крути, точно описывали мое состояние. Шум воды действовал гипнотически, отключая и без того едва работающее серое вещество. За последние три недели я скинул четыре или чуть меньше килограмма. Еще парочка месяцев — и можно участвовать в фестивале анорексиков. А мозг продолжал выдавать импульсы, создающие ощущение полета.

С этими мыслями меня снова шатнуло и увело в бессознанку. Уснуть не могу, а упасть в обморок — это сколько угодно. Хорошо, хоть рухнул удачно: и сам ничего не отбил и дырку ванны не заткнул, а то снова бы залил соседей, а это очень плохо, когда из-за твоего недуга страдают не имеющие к тебе отношения люди.

Затем пришел Валера с бутылкой рома. Открыл своими ключами. Пришлось-таки сделать ему дубликат. Вытащил меня из ванны, напоил чаем. Сам глушил ром — отмечал открытие нового квеста «Утомленные призраками». Так себе название, но я не стал его расстраивать. Просил на сайте инфу про их контору разместить, мол, тесно сотрудничают с нами, и вообще одни из первых подключились, и что для всех онкобольных вход бесплатный.

Вот жук. Хотя мне не жалко. Он меня поддерживал, надо тоже поддержать товарища, тем более что я вообще теперь в роли Деда Мороза.

Он выпил и что-то произнес. Но что, я не расслышал, вернее, не мог разобрать. Так как голос его прозвучал совершенно непривычно, так, словно кто-то включил замедленное воспроизведение, а потом, наоборот, переключил на ускоренное, и он стал разговаривать голосом Чипа и Дейла из дурацкого детского мультика.

Я закрыл глаза. Я несколько раз ударил ладонью по голове. Голос Валеры принял обычное звучание:

— Илюх, ты чего? Все нормально? Илюха, ты слышишь меня?

«Слышу», — хотел я ответить, но не мог произнести ни звука. Голос предательски пропал.

— Илюха! Держись, только не это! Держись, я прошу тебя! — убивался товарищ и, по всей видимости, тряс меня за плечи. Я чувствовал, как крепко вцепились его пальцы в меня, — так цепляются испуганные дети за одежду и руки матери, когда пытаются делать первые шаги и чувствуют, что теряют опору.

И тут я открыл глаза. В комнате никого не было. Кроме меня, разумеется. Ни Валеры, ни рома, ни какого-либо намека на их присутствие. Что за чертовщина? Что это было? Протер глаза. Ничего не изменилось. Я сижу на стуле. На столе ноутбук. На подоконнике увядшее денежное дерево, обои, расписанные мной. На полу какая-то кожура, целлофановые пакетики. Тусклый свет лампочек. И новое сообщение от Луизы:

«Прошла голова?»

Самое удивительное, что действительно прошла, и появилась долгожданная ясность мыслей.

«Не поверишь, но да».

«Охотно верю. Ну что, есть еще вопросы, зачем нас позвали к Малахову?»

«Думаю, чтобы рассказать, какие мы крутые, попиариться за наш счет и вызвать у зрителя водопад слез».

«Правильно думаешь, бро».

Что за бро еще? Говорю же, не хватает молодежи воспитания и уважения.

«Ну, и нечего там делать».

«А вот здесь ты не прав, красавчик! Есть как раз. Во-первых, это офигеть реклама для фонда, а во-вторых, кто-то забыл про Несси».

«Я не забыл».

«Вот и расскажешь про нее. Чем больше людей узнает, тем больше шансов, что найдется. Сказал, что голова не болит, а сам тупишь аццки».

Королева вежливости.

«Спасибо, не туплю, а притормаживаю. И что, меня начнут про фонд спрашивать, а я скажу, да фиг с ним, давайте я вам про любовь всей жизни расскажу?»

«Не беси меня!»

Это мы уже проходили. Хотя, согласен, тупой вопрос. Наверняка там будут спрашивать не только про фонд, но и про меня, а я смогу поплакаться на несправедливость жизни, что вот, дескать, чужие желания исполняем, а свое заветное никак не могу. Но орать-то зачем сразу?

«Ладно, поехали, только не сильно-то хочется».

И вот мы уже сидим в студии «Пусть говорят». Мог ли я представить, что когда-нибудь такое случится? Конечно же, нет, рядовой парень, из рядовой семьи, ничем не примечательный, банальнее некуда, а тут сидит толпа людей и внимательно смотрит на меня, слушают, хлопают, поддерживают. Удивительно.

Малахов подошел, поздоровался, похвалил, улыбнулся. Кто-то подбежал, попросил сфоткаться с ним, со мной, с обоими. Подлетела гример, стала пудрить нос:

— Блестит он у вас.

— Это потому, что я весь блестящий, — пошутил я.

Она ухмыльнулась, игриво подмигнула мне и упорхнула дальше — придавать лицам снимающихся неестественную матовость ради красоты кадра. А люди что-то живо обсуждали, селфились, снимали видео и хвалились тем, что видят вживую Малахова. И вот прозвучала команда: «Камера, мотор!» Все расселись по своим местам, притихли на мгновение, раздалась команда «Аплодисменты», и шоу началось.

Никогда не любил программу «Пусть говорят». Ради рейтинга и хайпа в любой мелочи находят повод для очередного скандала, а если повезет, то и драки. Все орут,

как на базаре или площади, не слушают друг друга, затыкают, перебивают, зато Маляхов просто светится от счастья.

Так и в этот раз. Такая, казалось бы, светлая, добрая тема для передачи, но нет, и тут нашли, как все опозлать и перевернуть с ног на голову. Какой-то жирный депутат поднял руку и, дождавшись микрофона, посмотрел на меня и стал нести околесицу. Он ухмыльнулся и заявил, что давно уже не верит в сказки, а «Дримс» — это не что иное, как сказка, а если говорить прямо, то финансовая пирамида, которая скоро лопнет, как мыльный пузырь, как только мы наберем более или менее нормальную сумму, скажем, миллионов десять-пятнадцать. Он обвинил нас с Луизой в том, что мы мошенники, махинаторы, великие комбинаторы, Остапы Бендеры и Сергей Мавроди двадцать первого века. Призывал честно признаться и раздать людям их деньги обратно. Он утверждал, что у нас нет совести, нам светит огромный срок, мы обязательно будем разоблачены и наказаны, мы будем гореть в аду, он лично займется проверкой нашего фонда и обязательно выведет нас на чистую воду.

Я злился, но больше всего меня выводило из себя оранжевое пятно у него на брюках. Оно стремительно разрасталось и становилось все ярче и ярче. Но похоже, что никто, кроме меня, не замечал этого. Даже сам депутат. Вскоре пятно покрасило все брюки и перебралось на рубашку, пропорционально росту пятна увеличивалось и мое отвращение к депутату и ко всему происходящему. Все голоса слилось в один протяжный вой, похожий на отчаянный крик кита. Я стал задыхаться от негодования, но никому не было до меня дела. Все были поглощены обсуждением. И тут словно невидимый рой пчел закружил надо мной, и тело взвыло от бесчисленных укусов насекомых. Затем раздался громкий щелчок — и пятно исчезло, вой прекратился, а я расслышал противный бубнеж депутата.

Луиза начала огрызаться, но это только добавило масла в огонь. Из зала стали выкрикивать какую-то ерунду, что мы раним чувства больных, и не только больных, что деньги нужно собирать на лекарства, а не для бессмысленных прыжков с парашютом или татуировок обезумевших старушек, что мы вообще шарашкина контора.

Я сидел и просто офигевал от всего этого абсурда. Луиза держала меня за руку, и по тому, как крепко сжималась ее ладонь, я чувствовал, что терпение ее на исходе. Если бы не я, она давно сорвалась с места и надавала бы всем изрядных люлей.

Затем встала какая-то актриса, стала возмущаться, мол, где мы все были, когда от рака умирали Абдулов, Золотухин, Янковский, Солженицын. Такие великие, такие достойные долгой жизни люди. И что-то еще про искусство, что актеров, и ее в частности, никто не поддерживает, культура в плачевном состоянии, многие великолепные артисты умирают в нищете и одиночестве, и непонятно, куда деваются всенародные любовь и обожание. Как говорится, у кого что болит.

Я просто не понимал, что происходит. Мы помогаем людям, помогаем осуществить их мечтам, а нас вместо поддержки, вместо благодарности поносят и грозятся посадить за решетку.

Затем слово взял какой-то блогер. Тоже стал гнать на нас, что мы на самом-то деле ничего не сделали, просто продублировали сайт «Планета ру», а молодцы неравнодушные посетители, которые отдают свои кровные деньги на реализацию таких же проектов, как и на «Планете ру» (такое ощущение, что они ему заплатили, чтобы он прорекламирал их платформу), с той разницей, что заявки оставляют онкобольные. А мы денег не вкладываем, у нас попросту их нет, и вообще, с каких пор школьницы стали заниматься основанием фондов? А вот он молодец, он реально помогает людям, ходит в хосписы, переводит средства на лечение, именно на лечение, а не на развлечения больных, о чем подробно рассказано в его блоге, который он не преминул прорекламирывать.

Такое ощущение, что абсолютно все решили попиариться за наш счет. Тут Луиза не выдержала и стала обвинять всех, что они сами себя не слышат, что это их надо сажать за равнодушие и клевету, а мы реально помогаем людям и делаем это совершенно искренне, что наши волонтеры чуть ли не сутками сидят, разгребая и модерлируя все заявки, а раньше это делал я, при том, что у меня на секундочку рак, так что всем лучше заткнуться и посмотреть на реальные факты, а не высасывать свои обвинения из пальца. Пусть почитают отзывы этих несчастных людей, и все сразу же станет ясно. И мы сюда не за славой пришли, которая нам не нужна, а чтобы как можно больше людей узнали о том, как много умирающих от такой ужасной болезни у нас в стране и что все они нуждаются в нашей помощи и поддержке.

И тут наконец-то Малахов смог вставить слово, и даже не одно. Он сказал, что да, действительно немало благодарных отзывов появилось у нас на сайте, несмотря на то, что фонд существует чуть больше месяца, и что сейчас в студии появится тринадцатилетняя Алена Григорьева, мечта которой осуществилась благодаря нашему фонду.

Зрители бурными аплодисментами встретили хрупкую лысую девочку в сиреновой кофте и расклешенных джинсах, которая, испугавшись подобной реакции и пристального внимания толпы, тут же напялила на голову шапку и бросала растерянные взгляды на вышедшую за ней молодую женщину лет тридцати пяти. По всей видимости, это была та самая Алена, чьи стихи мы издали, а женщина — ее мать. Малахов подскочил к ним, начал усаживать на соседний диван, но мать расплакалась, подошла к нам и стала обнимать, не переставая благодарить.

Ведущий объявил, мол, вот они, неподдельные эмоции, что может быть прекраснее таких моментов?

Алена обняла нас вслед за матерью и даже чмокнула меня в щеку. У нее были холодные руки и губы. Я заодно подмигнул девочке, она мучительно улыбнулась в ответ.

Затем они наконец уселись и стали рассказывать про себя. Простая семья, многодетная, Алена старшая, есть еще двое. Отец работает строителем, мать — учительница русского языка и литературы. Все было нормально, можно даже сказать, хорошо, пока год назад не узнали об этом жутком диагнозе. С тех пор они упорно борются с болезнью дочери. Упорно и почти безуспешно. Сперва закончились сбережения, затем продали машину, затем первый кредит, второй кредит, третий, после него давать в долг уже никто не решался. Алена смирилась со своей участью, единственное, о чем она жалела, что так и не увидит сборника со стихами, которые она пишет с пяти лет. И тут мы и наш фонд.

Мама Алены снова прослезилась и кинулась обнимать нас. Зал притих. Переваривал увиденное. Так сказать, сменил гнев на милость. Малахов сочувственно произнес, что, к сожалению, подобных историй сотни и даже тысячи, и стал просить девочку прочитать стихи. Она застеснялась, но студия разразилась громкими аплодисментами. И вот она встала и начала читать.

Не скажу, что это были самые красивые стихи из тех, что мне довелось услышать, конечно же, нет, но, черт возьми, столько чувства, столько боли в них было, такая невероятная жажда жизни, что я сам едва не разревелся, как девчонка. А глаза, господи, какие у нее были глаза, когда она читала про звезды, про их свет, что ослепляет и манит к себе, про шум воды, про шорох травы и мяуканье котов под окном.казалось, что это два магических шара, в которых застыла вся красота вселенной, вся невообразимая и разноликая красота миллионов различных и неповторимых галактик. А голос. Каким уверенным и могучим он стал в одночасье. Она совсем не была похожа на ту робкую Алену, испуганно смотревшую на маму и стесняющуюся своей лысой головы. Удивительное преобразование.

Тринадцать лет всего девочке. Черт возьми, тринадцать. И ей придется уйти. Почему вообще такие люди должны уходить? Их нельзя отпускать. Нельзя. Они же несут свет, они, как маленькие, но невероятно яркие маячки, освещают нам путь в этой бессмысленной тьме бытия.

Меня буквально размазало по дивану от чувств. Теперь уже я сжимал руку Луизы так, что она едва не вскрикнула. А студия притихла. И это была какая-то необычная тишина, какая-то поглощающая тишина, всасывающая в себя. И время словно зависло где-то в невесомости. Алена же, закончив читать, так же робко, как и минуту назад, зашагала обратно к дивану.

Народ, как говорится, поплыл. Теперь уже никто не пытался наехать на нас. Сердца людей растаяли, хотя нет, тот же депутат, видимо, вспомнил новое слово и стал кричать, что мы манипуляторы. Студия начала недовольно свистеть и улюлюкать. Однако он не успокаивался и продолжал гнать, что, мол, книга — это, конечно, хорошо, но такая талантливая девочка достойна десятков, если не сотни подобных сборников, миллионов поклонников, бурных оваций, хорошего лечения. А главное — долгих и счастливых лет жизни, и тогда предыдущие пункты обязательно окажутся реальностью. Но для этого надо собрать деньги на ее чудесное исцеление.

— Как будто мы кому-то запрещаем собирать деньги? Луиза, мы запрещаем?

Она покачала головой.

— Вот именно. Пожалуйста, собирайте сколько угодно, просто таких фондов уже немало, а наш уникальный, он для другого. Неужели это не ясно? — я почему-то взбесился не меньше Луизы и начал рьяно защищать «Дримс». Вообще, что за наглость, сидят тут, умничают. Кто до нашего фонда знал об этой Алене? А о других? Да люди могут хотеть глупостей, но это их право, даже у смертников спрашивают про последнее желание, так чем онкобольные хуже смертников? Да, я тоже просил деньги на прыжок с парашютом, но этот прыжок во многом и заставил меня пересмотреть свои взгляды на жизнь. Исполнять свои желания — прекрасно, но помогать другим еще круче, еще приятнее, еще ценнее. И вместо того чтобы наезжать на нас, лучше бы задумались, а что сами хорошего сделали на этой планете? Я до недавнего времени точно ничего. А теперь, по крайней мере, пытаюсь, как и эта девочка, которая сидит сейчас, хлопает ресницами, слушая вас всех, а могла бы уже, между прочим, в гробике лежать, и ей плевать оттуда было бы на всех.

Алена от страха вжалась в диван, мать протянула ей руку и вывела из декораций. Луиза тянула меня вслед за ними, но я застыл как вкопанный. В ушах снова отчетливо звучал голос Валеры:

— Илюха, ты слышишь меня? Нет? Да приди же в себя!

Но я, напротив, потерял сознание. Очнулся в гримерной. Нашатырь быстро приводит в чувство. Перед глазами все плыло, но бородатый доктор в белоснежном халате парой хлестких пощечин легко вернул меня в реальность.

— Живой? — беспокоенно спросил он.

Я кивнул. Послышался громкий выдох облегчения. Луиза стояла рядом и с тревогой смотрела на меня.

— Все нормально, — успокоил я теперь уже ее.

Через минуту мы вернулись на площадку и досняли передачу. Как только закончились съемки, все начали фотографироваться с Аленой, с Малаховым, со мной и Луизой. Все улыбались, были крайне вежливы, будто и не было никакого конфликта, даже депутат подошел к нам и невозмутимым тоном предложил поселиться. Затем сфотографировался с Малаховым и понесся в другую студию на очередные съемки. Он в Думе бывает вообще?

Никто не брал никаких контактов, ни у нас, ни у Алены, ни у ее мамы. Честно говоря, не ожидал такого равнодушия, но ничего поделать с этим невозможно. К сожалению, у телевидения своя реальность. Здесь люди добрые на камеру — как только она выключается, заканчивается и их лимит щедрости и сочувствия.

Мне было грустно, и я смотрел всю дорогу в окно. Капли дождя разбивались о стекла, как дни моей жизни, и медленно растекались по ним. Самолет только следующим утром, но мотаться по Москве мне не хотелось, тем более в дождь. Луиза сидела на переднем сиденье и поддакивала таксисту. Он нес что-то о Собянине, о том, как меняется столица, о том, что вечно не хватает денег, ведь цены в очередной раз подскочили, а он уже несколько лет не был на море. Хорошо бы съездить в Крым, тем более сейчас, когда есть такая возможность, но дорого, очень дорого, он не может себе этого позволить, хоть и обещал маленькой дочери. Я не мог его слушать и вставил наушники. Бархатный голос Стинга завораживал своей мелодичностью и красотой, я закрыл глаза и растворился в музыке. Дождь и Стинг. По телу бегали мурашки.

Надо было пригласить семейство Григорьевых на ужин, но мы как-то закрутились и совсем про них забыли, а они, видимо, постеснялись навязываться. Мы, собственно, даже не попрощались. Я вспомнил глаза Алены, и мурашки с новой силой понеслись по спине до самого копчика. Эти глаза я уже не забуду...

В гостинице Луиза кинулась созваниваться с родителями, я же просмотрел парочку новых заявок, выложил новый пост о «Пусть говорят», выложил несколько снимков дождливой Москвы, нашел видео Алены в Интернете, она читала то же стихотворение и еще одно, менее эмоциональное, около часа пересматривал его, написал Луизе, что собираюсь спать. Хотелось рисовать на обоях, но было нельзя.

Нельзя — как часто мы слышим это отвратительное слово. А потом что-то накапало, я открыл мини-бар и выпил все содержимое. Давно меня так не тошнило, казалось, что я выплуну легкие вместе с желудком и остальными внутренностями. Но нет. Обошлось без этого.

А ведь про Несси я так и не рассказал. И Луиза не напомнила. Вот черт. Непонятно, зачем, получается, приехал, а уже пора домой.

Вернуться домой не получилось. За час до выезда из гостиницы позвонила какая-то Надежда, представилась, сказала, что редактор программы, и пригласила на НТВ. Я бы точно послал ее куда подальше, но это был второй шанс рассказать о Несси. Что я и не преминул сделать. Правда, ожидаемого эффекта достигнуть не удалось. Все как-то вяло прослушали мою историю и не отреагировали на призыв о помощи в розыске.

В целом же передача мало отличалась от предыдущей. Разве что другие декорации, ведущий депутат, и вместо актрисы позвали малоизвестного мне актера. А в остальном чуть ли не слово в слово стали наезжать, что мы просто пиаримся за чужой счет, что нашей заслуги немного, и все такое. Можно подумать, их заслуга есть. Я что-то жутко разозлился на всех, хотел даже уйти, но тут они позвали старушку, ту самую, что мечтала о спектакле. Что ни программа, то вечер встреч выпускников получается. То есть не выпускников, конечно, но даже сложно подобрать точное слово, чтобы назвать, кем мы являлись друг другу.

Короче говоря, она тоже кинулась нас обнимать. Рассказала свою трогательную историю, и какие мы замечательные, и как все старушки и старичок обрадовались такой вести, и что теперь ей не страшно уходить — жизнь прожита не зря. И пригласила всех на спектакль в Питер. И под громкие аплодисменты вышла на авансцену и прочитала монолог Гамлета. Должен сказать, что прочитала весьма скверно, три раза сбивалась, путала слова, но на такие мелочи никто не обратил внимания. Все были рады угодить старушке, которая, безусловно, всех покорила и заставила изменить свое мнение.

Словом, даже рассказывать не хочется. Один в один. Так и работает наше телевидение.

А из Москвы я так и не уехал. Пришлось идти на третью передачу — на канал «Россия». Здесь я уже знал, чего ожидать, поэтому крайне отстраненно следил за происходящим и практически не реагировал ни на похвалу, ни на обвинения. Я не хотел упоминать про Несси — бесполезно, однако Луиза была не согласна и все же поделилась со зрителями моей бедой. Результата, это, конечно, не дало.

Мне было интересно, кого же на этот раз пригласят, а они решили выпендриться и вообще никого не позвали. Точнее, никого из тех, кто обращался в «Дримс» за помощью. Позвали представителей других фондов, и те стали расписывать, какие они чудесные и прекрасные. Как там вещает нам народная мудрость? Всяк кулик свое болото хвалит? Так и есть. Я не стал дожидаться финальных кадров и сымитировал очередной приступ. Заканчивали уже без меня.

Я решил больше никогда и нигде не сниматься, хотя после эфира бюджет фонда вырос в три раза и был уже больше семи миллионов. А число заявок увеличилось вдвое. Как ни крути, а сила телевидения все же огромна. Но тратить время на новые передачи было утомительно и бессмысленно. А вот кино... Позвонил Бондарчук. Я так-то вообще не актер, но Бондарчук что-то разглядел во мне и предложил небольшую, но заметную роль в новом фильме.

Вот как так? Месяца полтора назад я бы прыгал до потолка от такого предложения, а теперь лишь сдержанно улыбнулся, но тем не менее согласился. А чего б и не сняться? Не фуры же с цементом разгружать.

Жизнь фонда наладилась, а вместе с этим пришла и ненужная, но приятная популярность. Количество подписчиков в инстаграм стремительно приближалось к шестизначной цифре. А после известия о Бондарчуке и к семизначной. Я понимал, что это ненадолго, но, может, поэтому мне и вскружило голову.

Бондарчук оказался приятным в общении. Вежливый, обходительный. Стал рассказывать, что как только меня увидел, то понял — роль моя. Вот и пригодилось кульковское прошлое. Даже пообещал гонорар. Я бы и бесплатно согласился, да даже сам заплатил, а тут еще и деньги получу, вообще сказка.

Единственный минус, что пока шел подготовительный период, а съемки должны были начаться только через месяц-полтора. И этот месяц прошел, точнее можно сказать, пролетел крайне продуктивно.

Я побывал в Японии и катался на их скоростных поездах, я объездил практически всю Европу, я посмотрел матч на Камп Ноу и видел вживую, как Месси забивает очередной красавец гол после невероятно исполненного штрафного, я поплавал в Байкале (холодная, но кристально чистая вода).

Я съездил в Якутию и посмотрел на карьер трубки «Мир». Огромная такая и глубокая дырень, ее даже из космоса видно. Пахнет только неприятно — сероводородом, зато из нее достали алмазов на несколько миллиардов долларов. Удивительно, что когда я стоял на смотровой площадке и глядел на дно карьера, покрытое подземными водами, к карьере подъехал микроавтобус, из которого вышла делегация буддистских монахов в своих оранжевых кашаках. Один из них стремительно пролевитировал прямо на площадку. Остальные воспользовались ногами.

Я подержал настоящий, неграненый алмаз в руках. Холодненький такой и тяжеленький. Похож на большущий кусок соли. Меня провели на так называемую обоганительную фабрику, где эти самые алмазы извлекают, а потом в сортировочный цех. Не скажу, что дико приятное зрелище, однако раньше я не имел ни малейшего понятия, как добывают алмазы. А тут продемонстрировали весь процесс.

Я катался на слоне в Индии, я гладил панд в Китае.

Я стал гостем в шоу «Вечерний Ургант». Крутой он, конечно, ничего не скажешь, шутил, но безбидно про рак, и про «Дримс», и про санкции Евросоюза, только не дал толком мне ничего сказать, но зато сам предложил сделать селфи.

Я поплавал в океане. Не скажу, что сильно отличается от моря. Штормит только сильнее. Потом я лежал на пляже, слушал шум волн и голос матери, дочитывающей мне «Тараса Бульбу». Я предлагал ей поехать со мной, но она отказалась. «Зачем я там? — сказала она. — Это же твои мечты, а я вообще боюсь воды».

Я налетал немыслимое количество миль, один раз меня даже сняли с рейса: плохо стало, ничего не поделаешь.

И наконец, я побывал на концерте «Radiohead» и познакомился с Томом Йорком. Он вытащил меня на сцену, назвал крутым и бесстрашным человеком, и я спел с ним «Сгеер», а потом мы ели мороженое, я спросил его про вафельные стаканчики, но он только рассмеялся. Видимо, не понял вопроса. Мой английский оставляет желать лучшего.

Короче говоря, использовал раковый бонус на полную катушку. Только теперь не нужно было ни у кого просить денег. Каждый день мне сыпались предложения что-нибудь прорекламирровать, стать лицом какого-нибудь бренда или в одном из видео передать привет кому-нибудь или озвучить слоган. Не скажу, что соглашался на каждое предложение, я все-таки не проститутка, но и совсем отказываться было глупо. Я накопил неплохую сумму и положил в банк, будет маме наследство. Хотя когда Луиза узнала о том, что у меня практически нет шансов на спасение, сперва наехала на меня за то, что ничего не сказал, а потом растроубила об этом всем на свете, и меня срочно включили в какую-то программу по тестированию нового секретного и суперкрутого лекарства, которое способно спасти даже таких безнадежно больных, как я. Если, разумеется, окажется по-настоящему эффективным. И вот так просто взяли и включили. Будто я действительно был настоящей знаменитостью или уникальным ученым, работающим над государственно важным изобретением.

Я думал, что такое только в сказках бывает, но нет, все реально. Даже более чем. Ввели какой-то препарат, велели пить таблетки и каждые десять дней являться на обследования.

И вот я уже в белом халате, со мной рядом Бондарчук объясняет мою роль, я киваю, и встаю на нужную точку, и готовлюсь играть, и несколько десятков глаз неотрывно следят за мной, и звучит команда «мотор!», и оператор наводит на меня объектив камеры, и, безусловно, дубль оказывается провальным. За ним еще один, и третий, и четвертый. Наконец, к пятому дублю я собираюсь и выдаю что-то более или менее годное. Все наблюдают за реакцией режиссера, тот дает отмашку, мол, пойдет, снято. Раздаются негромкие аплодисменты. И я блаженно улыбаюсь. Отлегло. Но это только одна сцена, а таких нужно десять.

Три смены примерно так и прошли. Меньше четырех дублей не снимали. Мой рекорд — тринадцать. Вот тогда я понял, что реальное ничтожество и как сложно быть киноактером. Смотришь на экран, думаешь: «Да ничего особенного, так, как играют наши звезды, может любой». Ага, щас. Я потерял больше двух килограмм. Хотя уже особо терять-то было нечего.

Мечта, конечно, осуществилась. Но, во-первых, не факт, что увижу себя на большом экране, во-вторых, лучше смотреть кино и верить, что это просто и получится у любого, чем проверять на своей шкуре. Короче говоря, путь к славе, как ни крути, тернистый.

Лекарство не очень помогало, по крайней мере вначале. Хотя боли подутихли, да и кровяных выделений стало меньше, но незначительно. А нам же нужно все и сразу. Когда долгое время чувствуешь себя так, словно на тебя насадили тяжеленный, нагруженный под завязку самосвал, то когда его слегка или даже наполовину разгружают,

ты все равно будешь чувствовать на себе самосвал. И никуда от этого не деться. Врачи уверяли, что есть положительная динамика, и это должно было обнадеживать, но я исходил из собственных ощущений, а они твердили об обратном.

А тут еще Луиза решила наехать.

«Привет, типа партнер. Жив-здоров? Я знаю, что вопрос слегка издевательский, но что-то ты подпропал. Не то чтобы неожиданно и я прям вся испереживалась, но у нас вроде как фонд, если ты еще помнишь. Я, конечно, понимаю, что после Бондарчука смотреть на остальных никчемных людишек стало непросто, сверху-то вниз, но... мы как-никак сегодня исполнили 500-ю мечту. Конечно, не сравнится со съемками у Бондарчука, но... Не будь скотиной, хоть напиши, как ты и все такое».

А про «Дримс» я и правда забыл. Просто все работало, как часы, мое присутствие уже не было необходимым, а я как бы пиарил и себя и фонд, хотя он уже не нуждался в пиаре. Но вот с Луизой точно нехорошо получилось. Она добилась моего включения в эту программу, которая может мне спасти жизнь, правда, шансы крайне малы, и все же, а я... Я даже сообщение не мог ей написать за две с лишним недели. Тоже мне товарищ.

Мне стало дико стыдно, как, наверное, бывает только в детстве, когда мы еще способны искренне раскаиваться в содеянном. Я написал: «Прости. Был не прав. 500 желаний — это очень круто! То есть каждый день кто-то получает или делает то, о чем мечтал, может быть, годами, а некоторые и десятилетиями. Это очень круто, Луиза!» Я написал: «Да я в порядке, я просто редкостная сволочь, но я знаю, как все исправить». И я правда знал, как все исправить, но Луиза сильно обиделась или начала выкобениваться.

«Ой, посмотрите, кто проснулся? Мы вас не разбудили? Хотя чего это я? Я же сама написала. Напросилась, так сказать. Вот дурочка, правда же? Чего это вообще маленькие девочки пишут таким большим и важным дядечкам?»

«О чем ты? При чем тут важный? Не понимаю. Я искренне прошу прощения. Это некрасиво с моей стороны. Мне немного сорвало башню. Я же не знал, что так получится. Но теперь я вижу, как это некрасиво, так что все в прошлом».

«Ого, похоже, тебе и правда сорвало башню».

«Уже нет. Слышишь? У меня есть для тебя сюрприз».

«Какой?».

«Если я скажу, это уже не будет сюрпризом, ты чего?»

«Не надо мне никаких сюрпризов. Я тебе кто? Дочка, что ли?»

«При чем тут дочка? Друзьям, что, нельзя делать сюрпризы?»

«Не нужно мне никаких сюрпризов».

«Нет, это хороший. Тебе понравится».

«Не беси меня!»

И опять тишина.

Это мы уже проходили. Старая песня «Не беси меня!». Характер у нее, конечно. И тут снова голос Валеры:

— Илюха, ты где? Давай дыши, дыши, ты слышишь меня?

Слышу, только не могу ответить. С Валерой я, кстати, тоже не общался. Последнее, что знаю, так это то, что Инге удалось наконец забеременеть, и он тут же бросил пить и превратился в примерного семьянина.

Я вышел на балкон, вдохнул жуткий московский воздух, хотя его и воздухом сложно назвать, посмотрел вниз — стоянка и прокат лимузинов. Откуда же братья кислороду в городе, в котором ездят, а по большей части стоят в пробках больше пяти миллионов автомобилей? Я почти перебрался в Москву, но никак не могу привыкнуть, что здесь практически нечем дышать.

Прокашлявшись, вынул телефон и набрал Валеру:

— Живой?

— А ты? — усмехнулся в трубку товарищ.

— Как слышишь.

— Слышу, вроде нормально, хотя вчера в ухе стреляло, — пошутил Валера. — Чего хотел?

— Занят, что ли?

— В больничку едем.

— Инге привет!

Рядом с трубкой раздалось недовольное бурчание.

— Тебе тоже, — перевел товарищ.

— А я сегодня уже был в больничке.

— Илюх, давай перезвоню.

— Подожди, — чуть не заорал я, — объясни, что за фигня? Почему я слышу твой голос?

— Потому что ты позвонил мне, придурок!

— Да я не про это... У меня в голове уже который раз звучит твой голос, призывает очнуться. Я не пойму, что за ерунда.

— Вот и я не пойму, чего ты сейчас от меня хочешь, Илюх. Потом перезвоню, не могу разговаривать.

И отключился, и не перезвонил. Но уже и так понятно, что он не прояснит ситуацию, наоборот, может только запутать. Скорее всего, действие таблеток. Побочный эффект. Слуховые галлюцинации. Ладно, черт с ним.

Теперь к Луизе.

«Вот кто так делает? А? Придется все раскрыть, а значит, сюрприз уже не будет сюрпризом».

Нет ответа.

«Ок. Играй в молчанку. Только тебе придется дуться на меня в Исландии».

«С чего вдруг?».

Вот и заговорила! Магическое слово «Исландия» работает.

«С того, что мы едем в Исландию».

«На фиг надо? У меня школа».

«Я не договорил. Мы едем посмотреть на китов. А, как тебе? По-прежнему дуешься?»

«На каких китов? Ты там точно ку-ку».

«Да это ты ку-ку. Хватить кукситься. Мы едем посмотреть на китов. Синих китов. Настоящих китов, а не этих ваших мразей. Кстати, как они?»

«Никак... Что, серьезно? Прямо в Исландию? Они там есть?»

«Прямо серьезно. Прямо едем. Прямо в Исландию. И они там есть. Прямо. Ты же хотела».

«Хотела. Круто!»

«Не надо уже в школу?»

«Разберусь. И когда едем? Билеты взял уже?»

«Взял. Едем послезавтра. Еще вопросы?»

«Нет. Пойду паковать вещи».

«Вот это другой разговор».

Так и увидел, как она расплылась в улыбке, глядя на экран своего айфона, и представила себя в окружении десятка-другого загорелых мускулистых китов. Хотя непонятно, почему загорелых. Киты разве вообще загорают? Ладно, не суть, как говорит Луиза. Главное, что она обрадовалась, а значит, мне действительно, удалось все исправить.

И вот мы уже летим в самолете. Луиза смеется и слушает Басту. А еще она купила книгу про китов, читает ее и каждую минуту тычет мне в бок указательным пальцем, показывает картинки и зачитывает целые абзацы. Меня подташнивает, но я держусь.

Мы летим бизнес-классом. Луиза не летает в экономе. Оно и понятно. Я смотрю в иллюминатор и думаю: действительно, почему киты плавают в воде, а не по небу? Было бы намного круче. Летишь себе в самолете, выглядываешь в окошко, а там плывет кит и машет тебе хвостом. Ты ему в ответ, а он раз — и нырнул в облако. Красота. А потом раз — и самолет как метнет в сторону, это уже другой кит решил поиграть. Вот, наверное и ответ. И так сколько крылатых машин падает, а тут бы валились, как старухи из окон у Хармса.

Но Луиза прервала мои фантазии очередным тычком:

— Ты знал, что самки китов крупнее самцов?

— Угу. У многих видов самки крупнее, что логично. Им еще детенышей вынашивать.

— Я бы хотела быть китом. Вернее, китяжкой или китоянкой, хе-хе. Понял прикол?

— Это называется игра слов, — сказал я.

— Зануда. Я была бы самой большой китовой самкой на свете. И прожила бы лет сто шестьдесят, если не больше.

— Ого, а человеком и шестнадцати не хочешь.

— А может, уже и хочу, — загадочно сказала она и задорно хихикнула.

Вот такой она мне нравилась гораздо больше.

— Ладно, все, не отвлекай. Читаю дальше.

Как будто это я оторвал ее от чтения. Я снова уставился в иллюминатор, а Луиза читала до самого приземления. Сели мы гладко. А дальше все происходило, как в ускоренной перемотке.

Аэропорт. Встреча с куратором, имя которого я так и не смог запомнить, несмотря на все попытки. То ли Ульхрафель, то ли вообще Ульфалафель. Язык тут, конечно, не из самых легких.

Машина до Хусавика. Мы вертели головами, как зрители теннисного матча. Направо — направо, налево — направо. И обратно. От одного окна к другому. Природа в Исландии завораживающе красива. Можно применить массу синонимов: «очаровательно», «восхитительно», «невероятно», «немыслимо», «изумительно», «космически», но «завораживающе» — единственное определение, которое крутилось у меня в голове. Мы действительно были загипнотизированы пейзажем и буквально открыли рты от восхищения. Кристально чистое небо с ослепительной и бездонной синевой, массивные живописные холмы, заснеженные вулканы, красочные равнины и лавовые поля, дымящиеся гейзеры и окаймленные радугой водопады, изумрудные озера. Вот где самое место для Хогвартса. Ни один художник на свете не сможет повторить сочность насыщенных красок местного предельно разнообразного ландшафта. Здесь, как говорится, надо видеть.

Куратор молчал, не мешая нам наслаждаться видами. Впрочем, молчаливость — одна из главных особенностей северных народов. Они практически никогда не тратят время и силы на пустые разговоры. Такой суровый и постоянный дзен. Да и о чем тут говорить? Нужно молча созерцать и внимать голосу природы.

Впрочем, мои познания об Исландии ограничивались просмотрами фильма «Невероятная жизнь Уолтера Митти» и пары матчей их футбольной сборной, ставшей для многих настоящим открытием на прошедшем чемпионате Европы. Познания Луизы оказались еще скромнее: «Песня вроде есть про Рейкьявик, и вулкан у них Эйяфьятлайокудль, который вообще язык сломаешь».

Гостиница. Ну, как гостиница. Скорее, гостевой домик, но, во-первых, мы не в Турцию ехали за комфортом пятизвездочных отелей, во-вторых, он был весьма уютный,

а в-третьих, какая разница вообще, если уже утром увидим китов? Мы приехали поздно и настолько устали, что тупо побросали вещи и сразу же уснули, несмотря на завывающий, как стая огромных волков, ветер. Да, воздух здесь невероятный и чистый. У меня даже голова ни разу не заболела. Правда и ароматы, мягко говоря, специфические.

А на рассвете мы стояли у причала. Мы, пожилая пара из Франции и еще несколько японцев, которые, не переставая, щелкали фотоаппаратами и одинаково позировали по очереди. Такое ощущение, что в какую точку мира ни ткни на карте, там обязательно окажется хотя бы один японец и будет щелкать затвором своего фотоаппарата.

Все мы с дичайшим акцентом изъяснялись по-английски, но главное, что понимали друг друга. Куратор подвел нас к проводнику. Он был такой же бородатый и длинноволосый, как и большинство исландцев. Викинги как-никак. Луизе понравилось его обветренное, красное от загара лицо, она достала айфон и, уподобившись японцам, стала снимать его на камеру. Экскурсовод ни капли не смутился, напротив, улыбнулся и подмигнул моей спутнице, хотя я готов был поверить, что жители этой прекрасной, но суровой страны никогда не улыбаются. Я тоже сделал пару снимков. Идеальнее места для инстаграма не бывает. Проводник был великолепно физически скроен. И это легко угадывалось, несмотря на мешковатую штормовку и комбинезон, скрывавшие очертания его фигуры. Имя у него было под стать телосложению — Тор. Такое и захочешь — не забудешь. Тор усадил нас в прогулочный катер, бывший некогда небольшой рыболовецкой шхуной, и на нем мы вышли в открытое море.

Куратор остался на берегу. Он смотрел нам вслед и махал так, словно навсегда прощался с родственниками, решившими эмигрировать в далекие и более теплые страны. Я опустил руку в воду. Холодная. Французы последовали моему примеру, начали брызгаться и смеяться, как дети. Луиза неотрывно глядявалась вдаль. Японцы тоже начали брызгаться и весело хихикать.

Море, несомненно, поражало мощью, величием и безграничностью. Когда-нибудь человечество научится строить подводные города, и, возможно, тогда проблема перенаселенности Земли станет менее острой, а пока же эти непокоренные водные просторы не подвластны никому — ни китам, ни тем более уступающим им в размерах подводным обитателям. Неудивительно, что исландцы верили во множество различных богов, разделивших между собой управление планетой и ее стихиями. В одиночку такую махину просто не потянуть.

Волны одна за другой неспешно накатывали на наш катер, в небе плавно кружили чайки, выискивая добычу и выкрикивая, по всей видимости, ругательства. Ну невозможно таким неприятным, гаркающим голосом рассказывать что-либо радужное или любезное. Это то же самое, как если бы группа «Rammstein» взялась исполнять сонеты Шекспира да еще взяла бы на подпевку Мэрлина Мэнсона. Ветер не стихал, соленые брызги летели прямо в лицо, а Тор с невозмутимым видом продолжал вести наш катер навстречу китам. Кивком он подозвал к себе Луизу и дал ей подержать штурвал. Заметившие это японцы тут же выстроились в очередь. Не пропустят ни одного движения. Французы не поддержали их инициативу. Кажется, их слегка тошнило.

И вот спустя каких-то десять минут Тор заглушил мотор и подозвал всех к бортику. Мы сгрудились, как щенята у миски с едой, и стали ждать. Казалось, что и море застыло в безмолвном и неподвижном ожидании. Ветер утих, спрятавшись в седине облаков, и даже японцы перестали шептаться и фотографировать. И вдруг, как сильнейшей ледяной грозой, с ног до головы нас обдало потоком брызг. Буквально в пяти метрах от нас, словно вырвавшись из другой реальности, в воздух взлетел огромный кит. Перевернувшись, он с шумом плюхнулся и погрузился в воду. Тулуп оказался

не хуже, чем у Авербуха. В воображении возникла Татьяна Тарасова с табличкой: «10.0». Ох уж это телевидение.

Не успели мы опомниться, как с другой стороны показался еще один подводный гигант. Он был крупнее предыдущего раза в полтора и выполнил тулуп куда эффективнее. Японцы начали шелкать, как угорелые. Французы обнялись. Луиза взяла меня за руку, и только Тор оставался неподвижен. На его лице не дрогнул ни единый мускул.

И вот первый кит вновь в воздухе. Теперь чуть дальше и дольше. Мы успели разглядеть его гладкое, каплевидное тело, размеры которого не могут не восхищать и не пугать одновременно. А какие у него полоски на горле. Мне почему-то они напомнили полоски на шаурме, после того как ее прижигают в электрогриле. Я начал воображать, какой здоровенный нужен гриль для того, чтобы приготовить китовую шаурму, но второй красавец уже переплыл на сторону к первому и, фыркнув, выпустил фонтан. Невысокий, метра четыре. Японцы завизжали и затопали ногами, Луиза тоже вскрикнула от восторга. Вслед за этим выдохнул и первый кит. Его фонтан выстрелил всего на пару метров. Я тоже достал телефон и сделал пару снимков. Хотя лучше было заснять видео.

Киты же немного покружились и покуражились, высовывая из воды то плавники, то голову, то хвост, а после снова, практически одновременно, словно участвовали в соревнованиях по синхронному плаванию, взмыли в воздух, перевернулись и нырнули в морскую пучину с таким грохотом, будто взорвалась, как минимум, половина ядерного запаса Северной Кореи. Показательное выступление окончено. И вот уже только большие пятна кругов на воде напоминают об увиденном минутой ранее удивительном представлении.

— Офигеть, — не отрывая от моря глаз, выдохнула Луиза. Она, затаив дыхание, следила за происходящим.

— Да, — только и мог ответить я.

— Офигеть, — повторила она.

Зато японцы болтали без умолку и хвалились друг перед другом получившимися кадрами.

— Вот кто хозяин планеты, а не жалкие людишки. Они очень крутые, очень, да они само совершенство!

Насчет совершенства я не был согласен, но выглядят они и правда впечатляюще.

Тор с интересом смотрел на нас, и едва заметная улыбка вновь заиграла у него на губах. Конечно, он не понимал ни слова из нашего диалога, но наши эмоции не нуждались в переводе.

Походив, как говорят моряки, еще немного по морю, мы вернулись в бухту, к причалу. Обратный путь все провели в молчании, оставшись наедине со своими мыслями. Да и вообще, Исландия — такая страна, что здесь не хочется говорить: нужно вертеть головой во все стороны, чтобы не упустить чего-то невероятного и прекрасного. Здесь ты словно маленький ребенок, впервые попавший в цирк и верящий на сто процентов в магию всего происходящего. Глаза как пятирублевые монеты, а сердце готово выпрыгнуть из груди.

— Кстати, о китах, — сказала Луиза, поднеся ложку дымящегося рыбного супа ко рту. Мы сидели в небольшом местном кафе и обедали. — Пишут, что вышли на их след.

— Какой след? — не понял я.

— Нечеткий такой, размытый. Но ведет он в сторону ИГИЛ.

— А, ты про этих китов? — наконец сообразил я. — Я почему-то не сомневался, что он будет именно туда вести.

И тоже достал телефон. Хотел посмотреть на получившиеся фотки, но мессенджер известил о новых сообщениях. Я открыл вк и обомлел.

— Ты чего завис? — хмыкнула Луиза.

Но я не мог ничего ответить.

— Траванулся, что ли? — не унималась она.

Я молча протянул телефон, с экрана которого на нас смотрела бритоголовая девушка.

— Несси, что ли? — чуть не поперхнулась Луиза.

Я кивнул:

— Прислали вот. Тоже вышли на след. Несси в Тибете.

— Так это же, так это же... — она не закончила фразу и кинулась меня обнимать.

А потом как оттолкнет:

— Фиг ли ты расселся вообще? Быстрее заказывай билеты!

Трясушимися руками я пытался набрать адрес сайта, в голове сами собой замелькали картинки: самолет, Тибет, Несси, здоровая долгая жизнь, счастливая семья, дети, огромный дом на берегу океана. Да, именно так все и будет.

Я уже покупаю билет. Прямых рейсов нет. Не страшно. Пусть с пересадками. Главное — лечу к ней. Я наконец увижу ее. И время трансформируется. То пролетает незаметно, будто одно мгновение, то останавливается и движется так же медленно, как посылка с ярлыком «Почта России». Люди, сообщения, лица, плач, смех, крики — все кружится в бесконечной карусели. Телефон разряжается, телефон заряжается, а внутри с бешеной скоростью колотится сердце. И вот я снова в аэропорту, и снова делегация монахов. Впереди мелькают их оранжевые одеяния. Объявляют посадку. Монахи дружным строем направляются к стойке. И вдруг я слышу за спиной на ломаном русском: «Проследуйте за нами». — «Что такое? Вы мне? Я не могу. Мне надо на рейс. Там Инесса». Но они будто не слышат, они берут меня под руки, они ведут меня в какую-то комнату. Яркий свет в глаза. Все залито белым светом, и они похожи на ангелов. Они вылитые ангелы, но они не пустили меня в самолет, они обвиняют меня в какой-то пропаганде. И я понимаю, что это заговор, глобальный заговор. Вселенная не хочет пускать меня к ней. Сейчас она узнает, снова сбежит, а я останусь ни с чем. А я останусь в тюрьме, вдали от Родины, вдали от нее...

И тут раздался глухой скрип, как будто игла проигрывателя поцарапала пластинку. А вслед за ним испуганный голос Валеры:

— Илюха, хватит уже, очнись, я же вижу, ты дышишь, ты дышишь, черт возьми...

Щелчок, еще щелчок. Я почувствовал, как его мясистые ладони хлещут меня по щекам. И я вдруг твердо осознал, что это и есть реальность. Я лежу в своей квартире и нахожусь на краю жизни, если уже не переступил через этот край. Вот сейчас я открою глаза, если смогу, но ради чего? Ради чего мне их открывать? То есть ничего не было? Ни китов, ни фонда, ни Луизы? Или все-таки было? Ведь я отчетливо видел, переживал, чувствовал, испытывал боль... Что есть реальность?

— Илюха! — белугой ревел товарищ, призывая вернуться в мир, в который мне не хотелось возвращаться.

И вдруг я вспомнил, как безудержно и в то же время с завидным хладнокровием ныряли в воду молчаливые и величавые киты. Вот кто должен знать ответы на любые вопросы. Вот кто хранит все тайны вселенной. Набрав побольше воздуха в легкие, я погрузился вслед за ними в глубину. Вода тянула за собой, вода манила и дарила невероятное спокойствие, долгожданное и неспособное надоест. А дальше...

Дальше: я мог уплыть с китами, я мог открыть глаза и обрадовать Валеру, я мог освободиться из-под стражи и бежать на самолет, я мог создать еще одну реальность.

А мог лежать и ничего не делать. Я так бы и поступил, но нужно было сделать выбор.